

201
23.

НАРОДЫ РОССИИ.

ВЫПУСКЪ V. — VIII

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Армяне.	4. Чеченцы.
2. Осетины.	5. Лезгины.
3. Курды.	6. Лопари.

7. Калмыки.

Четыре хромолитографированных рисунка и гравюры.

Подписная цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

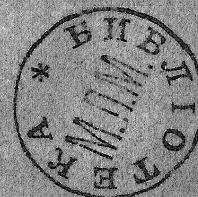
Условія подписки на четвертой страницѣ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, Д. № 39.

1879.

14

НАРОДЫ РОССИИ.

ЖИВОИЩНЫЙ АЛЪБОМЪ.

ВЫПУСКЪ V. / 8

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза».
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюня 1879 года.

2004126304

Армяне разсѣяны по всей имперіи, но главное число населенія ихъ, конечно, находится на Закавказьѣ, и преимущественно группируется около Арарата и у истоковъ Аракса, т. е. въ мѣстности, занимаемой нѣкогда Великою Арменіею, которой часть принадлежитъ въ настоящее время Россіи, а часть Турціи.

Арменія представляетъ возвышенную плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. По срединѣ этой плоскости стоятъ покрытые вѣчными снѣгами Большой и Малый Араратъ.

Не смотря на то, что Арменія находится на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и южною Испаніею, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ широтамъ Европы — отъ полярнаго до знойнаго.

Армяне занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ селеніяхъ Александропольскаго и Ахалцхскаго уѣздовъ сѣютъ чалтыкъ, разводятъ хлопчатую бумагу и марену, а въ уѣздѣ Елизаветпольскомъ занимаются преимущественно скотоводствомъ. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ воспитываютъ шелковичныхъ червей, гонятъ водку и выдѣлываютъ вино тамъ, гдѣ есть средство къ разведенію винограда.

Перемѣшавшись въ Закавказьѣ съ другими народностями, армяне поселились въ Грузіи, составляютъ значительную часть населенія Тифлиса и, кромѣ того, живутъ поселеніями въ Ахалцххѣ и его окрестностяхъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ, Ставрополѣ, Георгіевскѣ. Они же поселились близъ Ростова-на-Дону и основали тамъ особый городъ Нахичевань; въ Астрахани и въ Крыму также много армянъ. Словомъ сказать — народъ этотъ разсѣянъ по всему Кавказу и Закавказью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ, какъ бы оторванные отъ своихъ единоплеменниковъ, съ которыми, какъ выходы изъ чужихъ странъ, они, въ дѣйствительности, имѣютъ мало общаго. Такъ, на Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочно-Овопскаго укрѣпленія, есть селеніе Армавирь, населенное армянами, вышедшими изъ Черкесіи въ 1838 году и утратившими совершенно армянскую народность.

Поселившихся между татарами армянъ нѣтъ возможности подводить подъ одну и ту же категорію съ тѣми изъ ихъ единоплеменниковъ, которые составляютъ образованный классъ, разбросанный по всѣмъ частямъ свѣта, и даже съ тѣми, которые населяютъ города Грузіи. Армяне мусульманскихъ провинцій, кромѣ религіи, въ образѣ жизни весьма мало отличались отъ татаръ. Кучка ямъ, покрытыхъ землею, расположенныхъ безъ всякаго порядка и раздѣленныхъ между собою грудями навоза или смрадными, гающими лужами; дорожки, извинаящіяся то около, то черезъ крышу этихъ ямъ, замѣняющихъ дома, составляютъ общій видъ большей части армянскихъ селеній. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нижней полосѣ, сады и рощи своею зеленью прикрываютъ безобразіе и грязь, въ которыя погружены селенія. Армяне, точно также, какъ и татары, жили въ землянкахъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ, нисколько не стѣняясь отправлениями и привычками этихъ животныхъ. Въ такой землянкѣ армянина и хлѣвъ, и скотный дворъ, и мѣсто воспитанія его поколѣнія. Здѣсь и насѣсть для куръ и крикливыхъ пѣтуховъ, составля-

ющихъ ночью весьма непріятное общество. Мириады самыхъ разнообразныхъ и гадкихъ насѣкомыхъ привѣтствуютъ посѣтителя у самаго входа въ саклю.

Семейство армянина и самъ онъ довольствуются пучкомъ травы, горстью лобіи (фасоль) и кускомъ черстватаго хлѣба, не въ слѣдствіе недостатка, а по причинѣ присущей этой націи—благоразумной бережливости. Обыкновенную ихъ пищу составляетъ такой же хлѣбъ, какъ и у грузинъ, состоящій изъ прѣсныхъ лепешекъ. Зажиточные ѣдятъ пловъ, пашлыкъ, зелень и коренья.

Находясь въ подданствѣ различныхъ государствъ, и разбросанное, можно сказать, по всему земному шару, армянское племя, подвергаясь въ слѣдствіе того различному климату, образу жизни и занятій, утратило свою общую типичность. Средній ростъ, плотное тѣлосложеніе съ развитымъ туловищемъ и толстою шею, мускулистыя руки, смуглое съ рѣзкими чертами лицо, живые глаза, орлиный съ горбомъ носъ, черные волосы, полныя губы, красивые, бѣлыя, но рѣдкіе зубы—вотъ отличительныя черты армянъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь сидячую и питаются преимущественно рисомъ, подъ старость дѣлаются тяжелыми—жирѣютъ.

Хитрость составляетъ отличительную черту характера армянина; любостыжаніе влечетъ къ обману, и для многихъ даръ слова служитъ средствомъ скрывать свои мысли; они льстятъ и въ привязанности своей непостоянны—человѣкъ не нужный больше забывается весьма скоро. Армяне вообще понятливы и охотно слѣдятъ за образованіемъ; въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ не имѣютъ соперниковъ. Они терпѣливы, смѣтливы, умѣренны до скупости и отлично умѣютъ предвидѣть, какое предпріятіе выгодно и какое нѣтъ.

Грузинскіе армяне, составляющіе большую часть городского населенія, по характеру своей дѣятельности, принадлежатъ исключительно къ торговому сословію, которое стремится къ одной цѣли—удовлетворенію своего корыстолюбія. Страсть къ деньгамъ и жела-

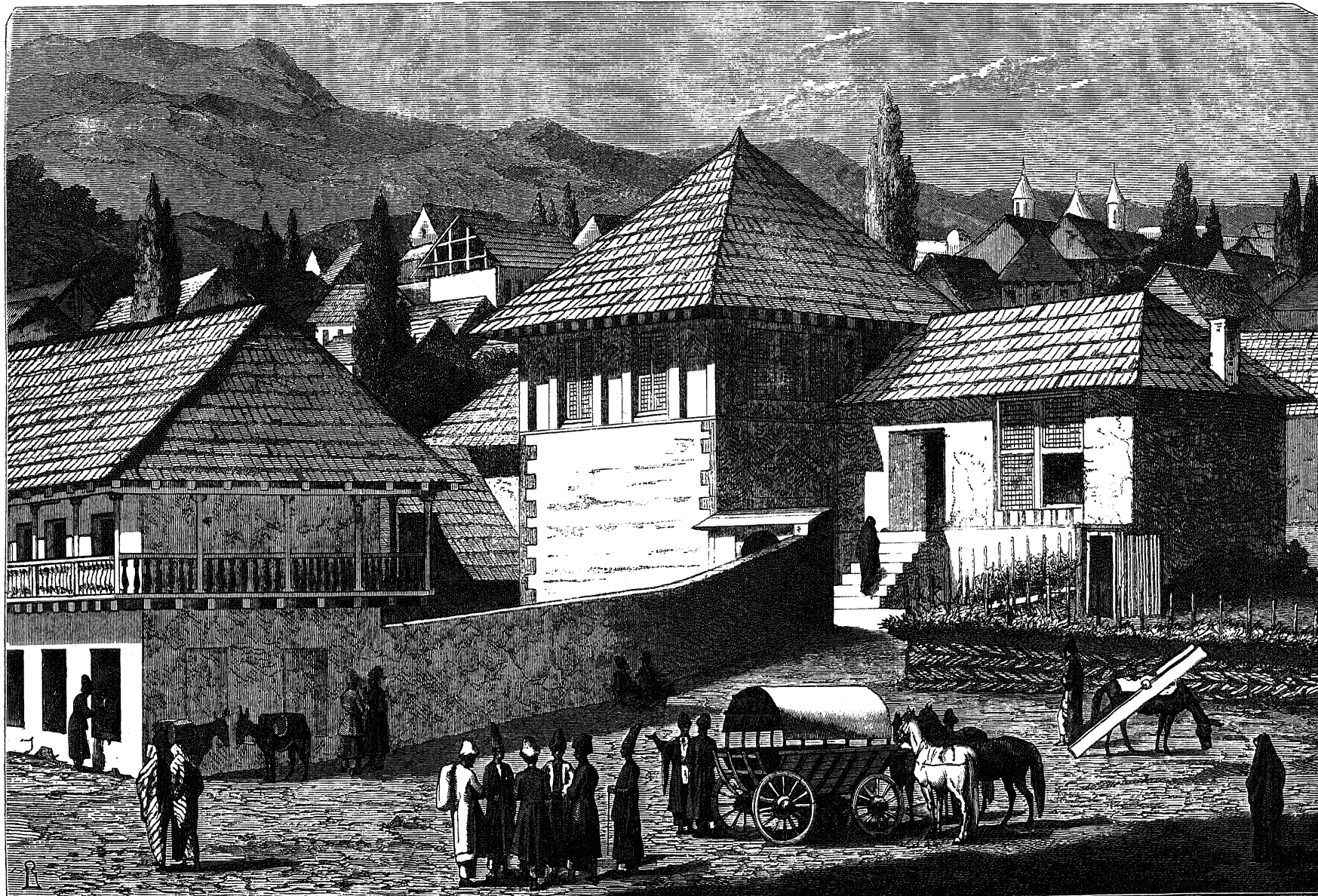
ніе нажиться дѣлаютъ армянъ хитрыми, пронырливыми, умѣющими удивительно хорошо соображаться съ обстоятельствами, когда нужно обмануть, услужить, искать порученій, усердно исполнить ихъ, лишь бы только осуществить надежду на выгоды, часто даже непозволительныя.

Черные волосы армянокъ, живые и черные глаза, очерченные иногда прекрасными рѣсницами и бровями, дѣлаютъ ихъ довольно привлекательными и красивыми; впрочемъ, это встрѣчается рѣдко, и только до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды и не успѣли растучнѣть, но, къ сожалѣнію, то и другое весьма скоро становится ихъ принадлежностію. Женщины-армянки лѣнивы, неповоротливы, неловки въ походѣ, имѣютъ часто кривыя ноги, что происходитъ частію отъ азіатскаго обычая сидѣть поджавши ихъ подъ себя, а частію отъ завершенія въ тряпки ногъ малолѣтнихъ дѣтей.

Женщины считаютъ грѣхомъ смѣяться и шутить съ посторонними; онѣ носятъ покрывала, никогда не снимаютъ ихъ, и даже спать съ закутанной головой, такъ что только видны одни глаза.

Понятіе о стыдливости женщинъ у армянъ зашло такъ далеко, что женщина съ ногъ до головы закутывается въ чадру «и во что-то въ родѣ хомута или намордника, высушивающаго до костей нижнюю часть лица».

Армянки страшно любятъ богатныя украшенія, шелковыя, яркихъ цвѣтовъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ, цвѣтные каменья и кашемирскія шали пестрыхъ цвѣтовъ. Головной уборъ ихъ составляютъ шелковый платокъ и расположенныя со вкусомъ цвѣтныя ленты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, дѣвушки до замужества носятъ *тавсакарави и лецаки*, прикрѣпленный булавкою къ первой и перекинутый за плечами на спину. Ниже тавсакарави вокругъ лба подвязывается нитка съ нанизанными на ней серебряными или золотыми деньгами, а иногда даже вплетается въ длинныя косы, ниспадающія на плечи. Таковую цѣпочку но-

ВИДЪ ГОРОДА ШУШИ.

сятъ и замужня женщины, надѣвая ее на шею въ видѣ ожерелья. Будничный нарядъ замужныхъ женщинъ и дѣвушекъ похожъ на халатъ, приготовляемый изъ красной бумажной матеріи и надѣваемый сверхъ рубашки; халатъ не застегивается и изъ подъ него видѣются шальвары изъ красной шелковой и бумажной матеріи.

Въ Шухѣ старое поколѣніе женщинъ, бѣдный городской класъ и поселянки ходятъ довольно безобразно. Голова ихъ закутана множествомъ *лечаковъ*, а сверху накинута *чаргаты* — большой красный шелковый платокъ, къ концу котораго прикрѣпляется серебряная или золотая цѣпь. Цѣпью этой держится вся головная и тяжелая повязка. Изъ подъ повязки выглядываютъ одинъ или нѣсколько рядовъ голландскихъ червонцевъ. Сверху шупинская армянка надѣваетъ *нимтане*, что-то въ родѣ *чохи*, съ короткими рукавами и двумя разрѣзами, сдѣланными сзади, начиная отъ поясицы до самого низу. Подбородокъ и ротъ закрыты бѣлымъ платкомъ у молодыхъ, а краснымъ — у старухъ и носящихъ трауръ. Подъ *нимтане* онѣ надѣваютъ широкую и длинную рубашку изъ *алмиш* — шелковая ткань туземнаго приготовления, и преимущественно красная.

Довольно широкій кушакъ охватываетъ талію женщины поверхъ *нимтане*, а при выходѣ на улицу армянки накидываютъ на себя бѣлую чадру, закрывающую все, кромѣ глазъ и ногъ.

Женщины проводятъ всю свою жизнь въ заботахъ о хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей; онѣ безвыходно остаются въ своемъ домѣ и ведутъ жизнь затворническую.

Семейная жизнь у армянъ въ большомъ почетѣ и имѣетъ характеръ патриархальный. Армяне, по мнѣнію многихъ, принадлежатъ къ числу народовъ самыхъ мирныхъ, у которыхъ пороки есть только слѣдствіе защиты и противудѣйствія насилію, которому такъ часто подвергался этотъ народъ. Байронъ увѣряетъ, что трудно найти другой такой народъ, какъ армяне, котораго лѣтописи были бы такъ мало запятнаны преступленіями. Армяне принадлежатъ къ числу

практическихъ дѣятелей; они страстны къ торговлѣ и банкирскимъ оборотамъ. Вся торговля нашего Закавказья находится въ рукахъ армянъ; въ Турціи въ рукахъ армянъ сборъ государственныхъ доходовъ; при помощи денегъ они имѣютъ значительное вліяніе на дѣла правительствъ турецкаго и персидскаго. Армяне корыстолюбивы и всю свою жизнь употребляютъ преимущественно на приобрѣтеніе выгодъ, хотя бы и незначительныхъ, чтобы сколотить копѣйку.

Въ домашней жизни армянинъ скупъ и еще скупѣе въ личныхъ сношеніяхъ съ другимъ; достать у армянина деньги можно только за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе, могущее вознаграждать его, въ случаѣ иска, сторицею. Эта темная черта народнаго характера выкупается пожертвованіями на общественную пользу, на учрежденія общепользныя и религіозныя.

Скорбя глубоко о паденіи своего отечества, лишившагося съ давнихъ поръ своей самобытности и самостоятельности, любя горячо свою родину, богатый и бѣдный армянинъ одинаково охотно жертвуютъ на поддержаніе своей національности и престарѣлыхъ соотечественниковъ: училища, госпитали и многія другія общественныя заведенія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертвованій.

Считая колыбелью своею тотъ край, откуда распространился родъ человѣческій послѣ потопа, и принадлежа къ послѣдователямъ Христа, армяне образовали совершенно отдѣльную армяно-грегоріанскую церковь, рѣзко отличающуюся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Докматы армяно-грегоріанской церкви не согласуются вполне ни съ ученіемъ православія, ни съ правилами римско-католической церкви. Къ числу послѣдователей послѣдней принадлежитъ весьма небольшое число армянъ, живущихъ въ Закавказьѣ.

Армяне весьма набожны, и ничто не въ состояніи заставить ихъ отступитъ отъ строгаго соблюденія постовъ. При постоянной, умѣренной и «постной» жизни, вообще деревенскій армянинъ съ монастырскою стойкостью соблюдаетъ всѣ посты, доведенные у нихъ до умерщ-

вления плоти; обрядовая часть его вѣрованій доведена до безукоризненной точности».

Прошедшая исторія армянскаго народа доказала, что христіанская религія не могла быть поколеблена никакими преслѣдованіями, никакими истязаніями. Едва ли, кромѣ армянъ, есть на свѣтѣ другой народъ, который бы съ такою же стойкостью и единодушіемъ вынесъ на своихъ плечахъ христіанство и защитилъ его отъ всякаго порабоженія иновѣрцами-мусульманами. Во времена ханскаго правленія, армяне не могли свободно совершать обрядовъ богослуженія, не имѣли права звонить въ колокола, безъ платежа за то значительной подати, а потому народъ, за неимѣніемъ колоколовъ, призывался къ слушанію божественной литургіи или стукомъ въ деревянную доску, или голосомъ *жамкара*—родъ нашего звонаря.

— «Пожалуйте въ церковь!» кричалъ онъ обыкновенно съ крыши дома или какого-либо возвышенія, призывая жителей къ молитвѣ.

Во время божественной литургіи, армянинъ не снимаетъ шапки, потому что въ Азіи скидывать шапку и обнажать бритую голову есть знакъ величайшаго пренебреженія; но за то, входя въ церковь, онъ скидаютъ башмаки. Тольку о правильности этого дѣйствія по своему, они говорятъ, что Богъ, призывая Моисея къ кущинѣ, приказалъ ему снять не шапку, а башмаки.

Хотя армяне приняли христіанство съ давнихъ временъ, но въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ ихъ сохранились еще до сихъ поръ языческіе обряды.

Между многими армянами распространено поколеніе солнцу, которое, на армянскомъ языкѣ, выражается словомъ *аревъ*. Какъ бы то ни было, но и до сихъ поръ есть еще лица, которыя называютъ себя *ареварди*—сынами солнца. Умиравшій всегда кладется лицомъ къ востоку, точно также дѣлаютъ съ умершимъ, когда кладутъ его въ гробъ. Самое погребеніе почти всегда совершается передъ захожденіемъ солнца. Армяне признаютъ *Анамиду*—богиню мудрости

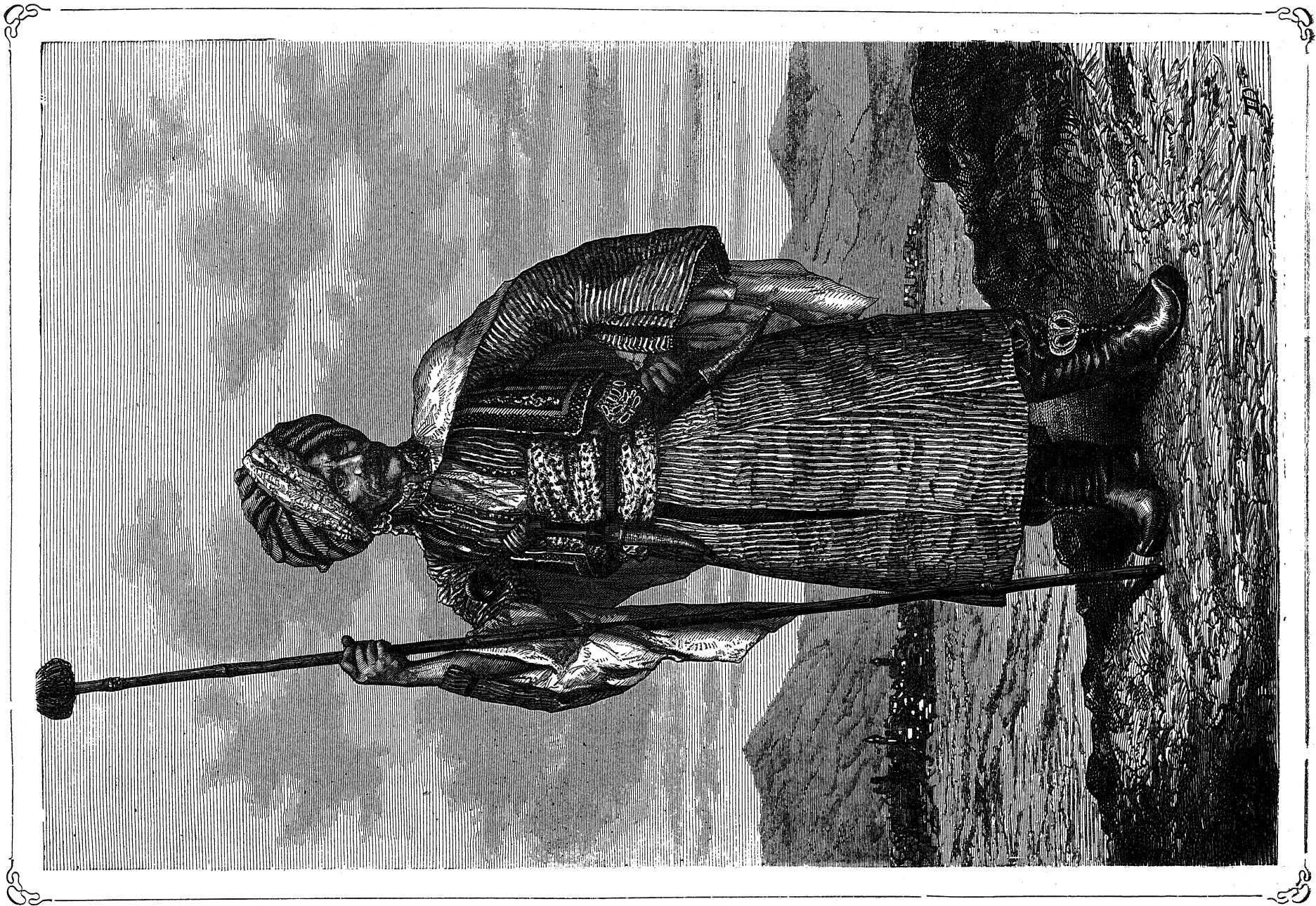
и славы, которая, по мнѣнію многихъ, покровительствовала армянскому царству. Въ честь ея были построены храмы въ Эривѣ, Ани, Покаванѣ и многихъ другихъ городахъ. Цари воздвигали ей золотыя и серебряныя статуи. Ежегодно, во время лѣта, когда цвѣтутъ розы, армяне праздновали день этой богини и торжество это называлось *вартаваръ*. Въ этотъ день они украшали въ честь богини храмы, статуи, публичныя зданія и даже самихъ себя. Нынѣ, въ честь той же богини, армяне украшаютъ цвѣтами алтари и, по совершеніи литургіи, окропляютъ народъ розовою водою.

Армяне точно также суевѣрны, какъ и грузины. Они вѣрятъ въ возможность искупленія грѣха или болѣзни жертвою. Такъ, больные даютъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, пожертвовать церкви домашнихъ животныхъ, и кровь этихъ животныхъ льется непременно у стѣнъ церкви, а мясо дѣлится между священнослужителями.

По своему характеру, армянки до чрезвычайности мнительны и суевѣрны. Въ дни невзгодъ и разнаго рода непріятностей, онѣ посѣщаютъ запустѣлыя храмы или пещеры, ходятъ къ вѣковымъ священнымъ деревьямъ и, совершивъ моленіе, привязываютъ къ дереву или прибиваютъ гвоздемъ къ стѣнѣ пещеры лоскутъ своей одежды, въ полной увѣренности, что подобными дѣйствіями молитва и просьба ихъ будетъ скорѣе услышана. Въ случаѣ зубной боли, вколачиваютъ гвозди въ пороги и стѣны храмовъ. Если женщина желаетъ имѣть мужественнаго и храбраго сына, то приготовляетъ собственными руками лукъ и стрѣлу и вѣшаетъ ихъ или въ храмѣ, или въ пещерѣ.

Желая продлить жизнь любимаго ребенка, армянка стрижетъ его волосы въ день какого-либо праздника и обрѣзки ихъ кладетъ передъ образомъ, прося Творца объ исполненіи ея желанія. Бездѣтныя женщины, подобно грузинкамъ, обходятъ на колѣняхъ три раза кругомъ церкви, обматывая ихъ стѣны нитками изъ хлопчатой бумаги, и усердно вѣрятъ, что отъ такого обвиванія разрѣшится ихъ неплодіе.

ЖУРДИСТА НСКІЙ КНИЖЕ.

Понесетъ ли убытки или заболѣеть мужъ — армянка даетъ обѣщаніе принести какое-либо жертвоприношеніе извѣстному святому, если домъ ея избавится отъ той или другой бѣды. Едва мужъ выздоровѣлъ, какъ жена торопится исполнить данное обѣщаніе. Немѣнѣе, по большей части, никакой личной собственности, лишаетъ ее возможности пожертвовать своимъ имуществомъ. И вотъ, не смотря на грязь и холодъ, босикомъ, она отправляется собирать подаяніе и на весь сборъ, не утаивая ни копѣйки, покупаетъ своему патрону свѣчку. За то заболѣй отъ такой прогулки жена, армянинъ ни за что не позоветъ доктора, а посылаетъ къ знахарю мѣдную монету и призываетъ его къ больной.

Въ двухъ верстахъ отъ Ахалцыха есть развалины древняго монастыря. Время изгладило названіе его изъ памяти людей, которыхъ влечетъ теперь туда источникъ чистой и прѣсной воды. Преданіе говоритъ, что источникъ этотъ имѣлъ цѣлебную силу: стоило только умыться этой водою и оставить какой-либо кусочекъ ненужной вещи, чтобы освободиться отъ одержимаго недуга и переселить его въ опущенную вещь. Толпы богомольцовъ по праздникамъ собираются къ этому источнику, пьютъ его воду и развѣшиваютъ на развалинахъ монастыря кусочки разныхъ вещей. Послѣ праздника, спустившись въ одну изъ окрестныхъ долинъ, армяне пируютъ: пьютъ, ѣдятъ и пляшутъ подъ звуки чонгури и пѣсни сазандара.

У армянъ женихъ не знаетъ своей неvěсты: ее выбираютъ родители или ближайшіе родственники. Обыкновенно, когда родители вздумаютъ женить сына, тогда выбираютъ сватами кого либо изъ родственниковъ и отправляютъ ихъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль свата принимаетъ на себя священникъ, который приходитъ въ домъ неvěсты съ зажженною свѣчкою, и если родители согласны на бракъ, то принимаютъ отъ него свѣчу.

Женихъ, узнавшій о такомъ приключеніи, совершающемся поми-

мо его воли, старается разузнать стороною о свой суженой и, при помощи разспросовъ у постороннихъ, составляетъ довольно смутное понятіе о своей будущей женѣ. Онъ узнаетъ только объ ея имени, красотѣ, но при такомъ развѣдываніи характеръ и воспитаніе дѣвушки остаются для него тайною.

Армянинъ не можетъ жениться на родственницѣ до седьмого колѣна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ развестись съ женою. Получивъ согласіе на бракъ, отецъ, родственники и знакомые жениха отправляются въ домъ неvěсты. Имъ предшествуютъ часто музыканты и всегда молодые люди, которые несутъ, на огромныхъ подносахъ, кушанье, вино, двѣ восковыя свѣчи и подарки неvěстѣ: кольцо, серебряный поясъ и непременно нѣсколько монетъ, нашиваемыхъ неvěстою на платье и головной уборъ. Съ своей стороны, неvěста дѣлаетъ различные подарки родственникамъ жениха. Священникъ зажигаетъ принесенныя двѣ свѣчи и совершаетъ обрядъ обрученія, по большей части въ отсутствіи жениха и неvěсты.

По обычаю армянъ, дѣвушка не приноситъ своему будущему супругу никакого приданнаго, кромѣ небольшого количества вещей, собственно необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Приданое неvěсты преимущественно составляетъ: постель, бѣлье, платье, умывальница, мѣшокъ для соли и шерстяной чемоданъ; люди достаточные прибавляютъ и еще что нибудь. Напротивъ того, женихъ вноситъ извѣстную плату отцу неvěсты и, за нѣсколько дней до свадьбы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправляетъ отца и родственниковъ, которые и относятъ въ домъ неvěсты съѣстное, вино, сахаръ, конфекты, барана, подвѣчное платье и двѣ свѣчи для вѣнчанія, при чемъ посѣтители остаются у неvěсты на всю ночь и пируютъ вмѣстѣ съ ея отцомъ.

Въ день свадьбы вдоль по улицамъ деревни или города отправляютъ хоръ музыкантовъ, число которыхъ не велико: два барабаника, съ большимъ и малымъ барабаномъ, и нѣчто въ родѣ клар-

нетиста съ камышевою дудочкою. Этотъ оркестръ, играя маршъ собственнаго сочиненія, часто далеко не музыкальный, заходитъ въ каждый домъ и проситъ хозяина съ семействомъ пожаловать на свадьбу къ такому-то.

Съ восьмага часа вечера начинается сборъ гостей, при чемъ маленькія дѣти сѣютъ муку, а входящіе дарятъ деньги; мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ и дѣвушекъ. На полу, усталномъ коврами и поджавъ подъ себя ноги, размѣщаются гости обоихъ отдѣленій и слушаютъ музыку: двухъ скрипачей и двухъ пѣсенниковъ, утѣшающихъ ихъ безъ умолеу татарскими и перидскими пѣснями.

Армяне любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ; подъ тагтъ своихъ оглушающихъ оркестровъ, или *зурначей*, получившихъ свое названіе отъ *зурны*—особаго вида рожка. Кромѣ рожка, въ армянскомъ оркестрѣ состоятъ: волынка, скрипка, бубень и барабанъ. Все это пищить, скрипитъ и стучитъ немилосердно, между тѣмъ какъ тагтъ, усердно отбиваемый турецкимъ барабаномъ, сливаясь съ этою адскою мелодіею, производитъ ужасное дѣйствіе на уши непривычныхъ слушателей.

При началѣ музыки и подъ тагтъ хлопанья въ ладоши выходитъ на средину молодая женщина. Она двигается плавно, умѣя придать своимъ движеніямъ граціозность и привлекательность. Оживленные взгляды, мимика рукъ и стройная прямая талія говорятъ въ пользу танцующей. Обойдя кругъ, она останавливается противъ одной изъ подругъ, и та должна, смѣнивъ ее, продолжать начатую пляску.

Послѣ дѣвицъ выходитъ мужчина; при появленіи его, музыка перемѣняется тихій тагтъ на скорый, и пляска дѣлается живѣе; движенія пляшущаго быстры и сопровождаются особенно труднымъ вывертываніемъ ногъ, то на самыхъ пальцахъ, то на каблукахъ, требующихъ большой силы и навыка, хотя при томъ не замѣтно усилій и нѣтъ необыкновенныхъ прыжковъ; руки пляшущаго также тутъ участвуютъ, но онъ держитъ ихъ какъ чловѣкъ, готовый боксировать.

По окончаніи пляски является мать новобрачнаго. Она выходитъ съ большимъ мѣднымъ блюдомъ, на которомъ положены двѣ тонкія и продолговатыя лепешки, а на нихъ горячіе угли, посыпанные ладаномъ. Старуха три раза обходитъ новобрачныхъ, сидящихъ на лошадяхъ, ломаетъ лепешки въ куски и бросаетъ ихъ подъ ноги лошадямъ. Круговой обходъ дѣлается въ память умершихъ родственниковъ, а бросаніе лепешекъ подъ ноги лошадей въ знакъ того, чтобы на поляхъ молодой четы всегда былъ хорошій урожай.

Послѣ ужина, обыкновенно начинающагося въ четвертомъ часу по полуночи, гости расходятся. На другой день, часу въ десятомъ утра, на дворъ жениха приводятъ двухъ или трехъ барановъ и нѣсколько куръ. Новобрачный однимъ ударомъ долженъ отсѣчь голову барану; то же самое дѣлаютъ шафера съ остальными баранами и курами, и немедленно отправляютъ ихъ на кухню. Вечеромъ приглашаются на ужинъ всѣ гости, бывшіе наканунѣ на свадьбѣ.

По выходѣ замужъ, молодая закрываетъ свое лицо платкомъ, оставляя открытыми только глаза и носъ; при встрѣчѣ съ посторонними, она прячетъ свое лицо въ чадру или платокъ. Кромѣ мужа, сестеръ и малолѣтнихъ дѣтей, она не можетъ ни съ еѣмъ говорить—тестю и тещѣ отвѣчаетъ знаками, а мужъ не долженъ называть ее по имени. Когда, вскорѣ послѣ свадьбы, въ домѣ случится кто-нибудь изъ почетныхъ гостей, молодая подноситъ ему чашу вина и цѣлуетъ его рубу; а если онъ останется ночевать, то въ прежнее время молодая обязана была омыть ему ноги.

XXXVIII. ОСЕТИНЫ.

Характеръ, бытъ и религія.

Осетины, въ числѣ около 76,000 душъ, занимаютъ частью Владикавказскую плодородную плоскость, а частью горы въ окрестностяхъ Казбега.

Осетины сами себя называютъ иронами, то есть происшедшими отъ Ира; но кто такой былъ Иръ — народъ не можетъ объяснить себѣ этого. Въ прежнее время, по словамъ народа, къ осетинамъ переселялось много разнаго рода людей: грузинъ и горцевъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія персіянъ на сѣверную покатость горъ.

Сѣверная часть Кавказскаго хребта, гдѣ поселились осетины, изрѣзана многими ущельями, носящими разныя наименованія, которыми обозначаются и жители этихъ ущелій. Отъ этого-то и произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ обществъ, имѣющихъ одинъ общій языкъ, но нѣкоторые отгнѣи въ характерѣ и нравахъ. Такимъ образомъ, между осетинами есть множество обществъ, жители которыхъ носятъ названія: дигорцевъ, алагирцевъ, еуртатинцевъ и тагаурцевъ.

Не смотря на свою суровость во многихъ мѣстахъ, климатъ Осетіи, кромѣ мѣстъ, изобилующихъ болотами, здоровъ и имѣетъ хоро-

шее вліяніе на человѣческой организмъ, отражающееся на долголѣтіи и крѣпости туземца. Столѣтній возрастъ считается въ Осетіи почти обыкновеннымъ. Горный воздухъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье жителей.

Суровая природа сдѣлала дигорцевъ неустрашимыми, физически сильными и отличными ходоками по горамъ, гдѣ они занимаются охотою. Они высоки ростомъ, владѣютъ даромъ слова и хорошими умственными способностями; природный здравый умъ ихъ видѣнъ на каждомъ шагѣ. Дигорець гостепріимень, честень, гордъ, вѣрнень въ словѣ и вѣтвѣ, предприимчивъ, но упрямъ, мстителень и скрытенъ. Лицомъ онъ смугль, голову брѣтеть, но носитъ бороду, которую подбриваетъ. Дигорцы болѣе опрятны и относительно болѣе трудолюбивы чѣмъ всѣ остальные поколѣнія осетинъ, и никогда не считались воинственнымъ племенемъ. Занимаясь болѣе земледѣліемъ и имѣя немного скота, они почти никогда не пускаютъ его въ продажу, но изъ овечьей шерсти дѣлаютъ хорошія бурки, которыя и продаютъ или на линіи, или въ Имеретіи. Алагирецъ, напротивъ того, неповоротливъ; глаза его, безжизненные и вялые, внушаютъ мысль о коварствѣ и наглой трусости, скрытыхъ подъ личиною мнимаго великодушія. Племя это своенравно, въ высшей степени вспыльчиво, способно изъ пустяковъ шумѣть, накричать и надѣлать разнаго вздору. Алагирцы чужды, впрочемъ, влязничества, и характера весьма добраго, въ особенности если приласкать ихъ.

Тагаурцы отличаются наибольшою гордостью между всеми племенами осетинскаго народа. Считаая своимъ родоначальникомъ Тагаура, по преданію наслѣдника армянскаго престола, который будто бы бѣжалъ въ горы, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ братьевъ, они причисляютъ себя къ высшему сословію осетинъ, и потому народъ ихъ ненавидитъ.

Самый честный, прямой и откровенный народъ — еуртатинцы. Они глубоко преданы русскимъ и слѣпо вѣрятъ, что имъ не будетъ

оказано несправедливости. Вообще всѣ осетины народъ преданный нашему правительству и весьма усердные исполнители его распоряженій. Усердіе это и прилежаніе не распространяется однако на ихъ домашнюю жизнь.

Никто меньше осетина не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, а текущій день онъ проводитъ въ праздности и лѣни, сидитъ дома у дымящагося костра, съ трубкою во рту, или спитъ, бродитъ по горамъ, какъ дикій козелъ, не желая ничего пріобрѣтать и предоставивъ свое незатѣйливое хозяйство на попеченіе женъ.

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности.

Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества, и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: она стоитъ цѣну того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая борова, цѣнится въ борову; другой — въ овцу и проч. Эта малоземельность была причиною того, что часть осетинъ переселилась на южный склонъ главнаго хребта и добровольно отдала себя въ кабалу грузинскимъ помѣщикамъ.

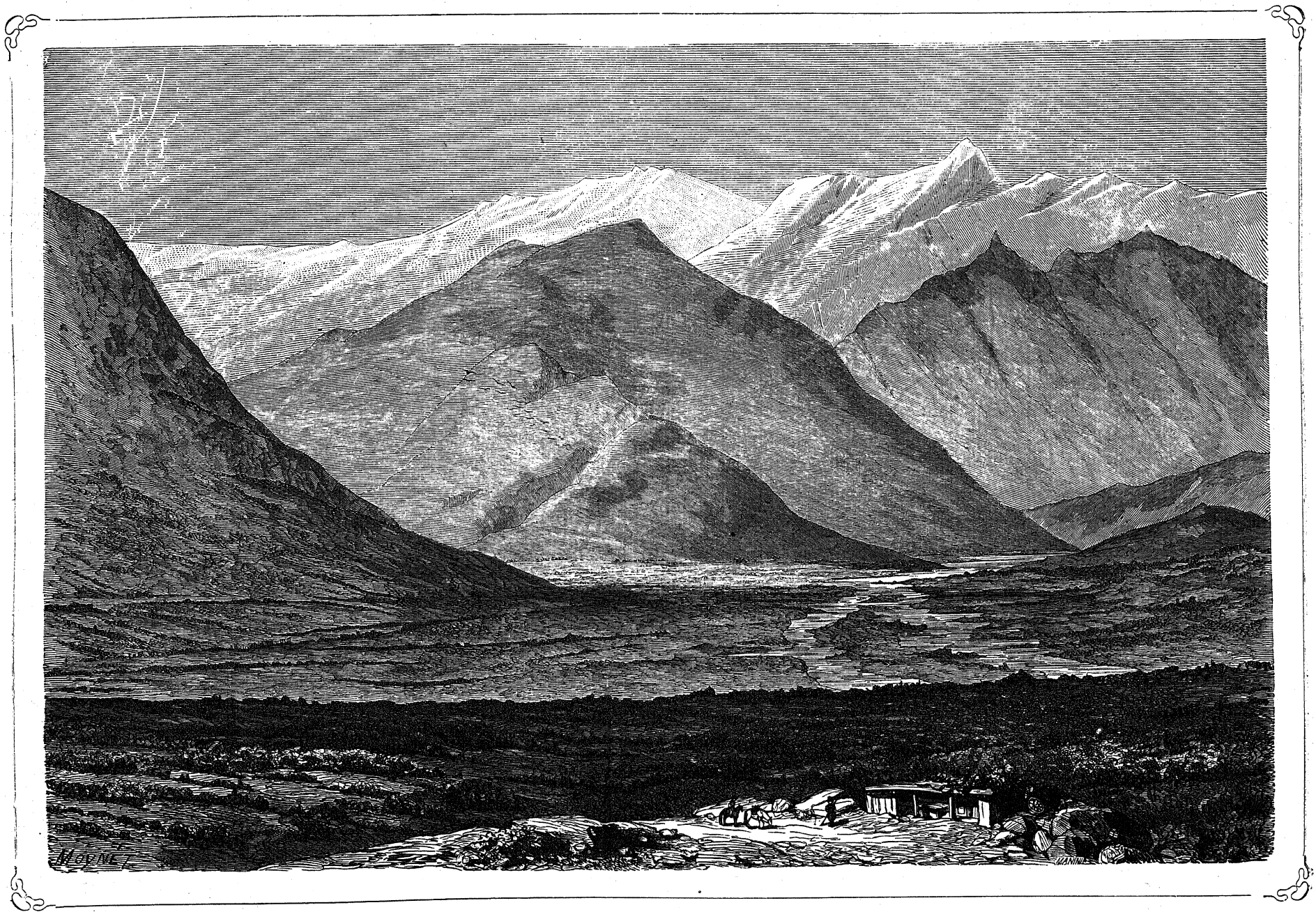
Утесы и горы Осетіи неспособны къ земледѣлю, и потому туземное населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ. Получая хлѣбъ отъ сосѣдей, осетины доставляютъ имъ, взамѣнъ того, рогатый скотъ, барановъ, лошадей, извѣстныхъ своею силою и прекраснымъ ходомъ по горамъ. Но промышленность эта совершенно ничтожна и едва удовлетворяетъ насущной потребности. Правда, въ мѣстахъ низменныхъ, равнинныхъ, почва, до чрезвычайности плодородная, могла бы вознаградить трудъ обильнымъ урожаемъ, но и тамъ осетинъ, будучи стѣсненъ въ поземельной собственности и владея небольшими участками, мало пользуется ея дарами. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Дигоріи, жители имѣютъ

подъ рукою многія средства къ благосостоянію, но, по своей безпечности и лѣни, они ограничиваются изготовленіемъ и запасомъ самаго необходимаго въ домашнемъ быту. Единственная ихъ промышленность — медь, сбываемый въ Моздовѣ, Владикавказѣ и по казачьимъ станицамъ. Медь дигорскихъ пчелъ отличается ароматомъ, вкусомъ и бѣлизною; но дигорцы въ умѣнѣ добывать его оказываются плохими пчеловодами.

Всѣ осетины весьма жадны до денегъ, которыя однакоже они стараются пріобрѣсти не для употребленія, не для улучшенія своего быта, а для храненія взаперти; богатый и бѣдный одинаково ходятъ почти голые, въ лохмотьяхъ. Всеобщая бѣдность царствуетъ между осетинами. Праздность неразлучна съ ними; неопратность пріусуща народу. На вопросъ о причинѣ этихъ бѣдствій, осетинъ глубокомысленно отвѣчаетъ, что онъ бѣденъ отъ неурожая хлѣба, большинство котораго идетъ на приготовленіе араки (родъ водки), безъ которой они жить не могутъ. Осетины говорятъ, что они праздны по неимѣнію хлѣбопашныхъ мѣстъ; это правда; но справедливо и то, что иногда вблизи аула видны большія поляны, которыя могли бы быть воздѣланы, но остаются необработанными по безпечности осетинъ.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣнятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюдные. Живописныя жилища разбросаны безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ, такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля — зашумѣли вьюги, и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа и тутъ являетъ для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ безчисленными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, вол-

НУЖИНСКАЯ ДОЛИНА.

нующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ, по которому плаваютъ ледяныя горы, закутанныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблются, тонуть и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ, и остроконечныя верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые... но всѣхъ цвѣтовъ не перечестъ: такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій. Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія, какъ броня вороненая; вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природы, грубый и дикій, онъ не чувствуетъ природѣ; онъ занятъ: онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прыгая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ...

Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома и прочія хозяйственныя пристройки складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева. Каждый каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Такой домъ, обнесенный каменною оградой и имѣющій высокую башню, носитъ названіе галуана.

Часто домъ осетина однимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скотъ, служитъ поломъ для втораго, сообщаю-

щагося съ дворомъ посредствомъ вѣшной лѣстницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, то предназначается частію для пріема гостей, частію служитъ вмѣсто кладовой. Главное строеніе имѣетъ двѣ двери: одну посрединѣ, а другую — боковую, ведущую на дворъ; небольшія четырехугольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или сакель строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на два столба и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настиляется очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ землянымъ поломъ. У богатаго владѣльца, въ вѣшной стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною; а у бѣднаго — очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями.

Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до-нага, онъ ложится на соломѣ, посланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимой спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ — подъ открытымъ небомъ. Очагъ, кромѣ того, имѣетъ и другое значеніе между осетинами и считается священнымъ мѣстомъ, въ которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолокъ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченному дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котель, служащій для приготовления пици. Вдоль стѣны, на полкахъ, разставлена домашняя утварь, посуда: деревянная или глиняная; а если хозяинъ съ достаткомъ, то и мѣдная, составляющая роскошь въ домашнемъ быту осетина. На гвоздяхъ рядомъ

съ полкою висить оружіе, бурки, башлыки; а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичъ* — кладовую съ сѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разставлены въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, и разбросаны желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота — главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана, или, наконецъ, просто обрубокъ, тренога и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія, и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены прочнымъ тыномъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные картофелемъ, рѣдькою, кукурузою и другою зеленью.

Одежда осетинъ, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ кроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, украшеннымъ серебрянымъ или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка съ бараньимъ околышемъ; шаровары изъ простого сукна или изъ сукна, приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ че-

вяки или надѣваетъ башмаки некрашенной кожи съ подошвами; а чтобы лучше держаться на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко-плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шапка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглыя щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою посрединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ, и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки или, лучше, ермолки, другія — болѣе бѣдныя — покрываются просто платкомъ, а дѣвочки заплетаютъ косы, но безъ лентъ.

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь) съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказачному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ. Говоритъ онъ своимъ дѣтямъ о Вацилѣ (или Уацилѣ), какомъ-то лѣсномъ божествѣ; говоритъ и о покровительствѣ Уастырджи (св. Георгія), спасавшаго охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины: до такой степени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометан-

ствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ, число которыхъ простирается до 51,590 душъ; магометанъ—14,434 душъ и язычниковъ. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни наконецъ язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковныя уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ сунитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаюсь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ множество. Сколько правительство ни старалось внушать осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались попеременно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга—вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей, но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давида, проведшаго четыре года въ плѣну у осетинъ и присмотрѣвшагося къ быту ихъ, осетины «исполняли въ концѣ прошлаго вѣка великій постъ, но поповъ не имѣли; они не крестились, а поклонялись козловой кожѣ, которую почитали вмѣсто Ильи пророка, и ей молились».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами, значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все также.

Ни чѣмъ незаинтересованные въ необходимости убѣдиться въ истинѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ землянымъ поломъ и съ однимъ брошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чудомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь.

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, дѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитают Михаила Архангела, пророка Илію — какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца — какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастья и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждаго рода; въ честь ея осетины назвали пятницу — майрамъ-бонъ и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатковъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папаху; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему доскучками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство; но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права

показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостию другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и дзуаровъ — безчисленныхъ духовъ, покровителей всего хорошаго и добраго. Имъ они приносятъ молитвы, прося объ урожаѣ, удачной охотѣ и проч.

Праздники, обряды, семейная жизнь.

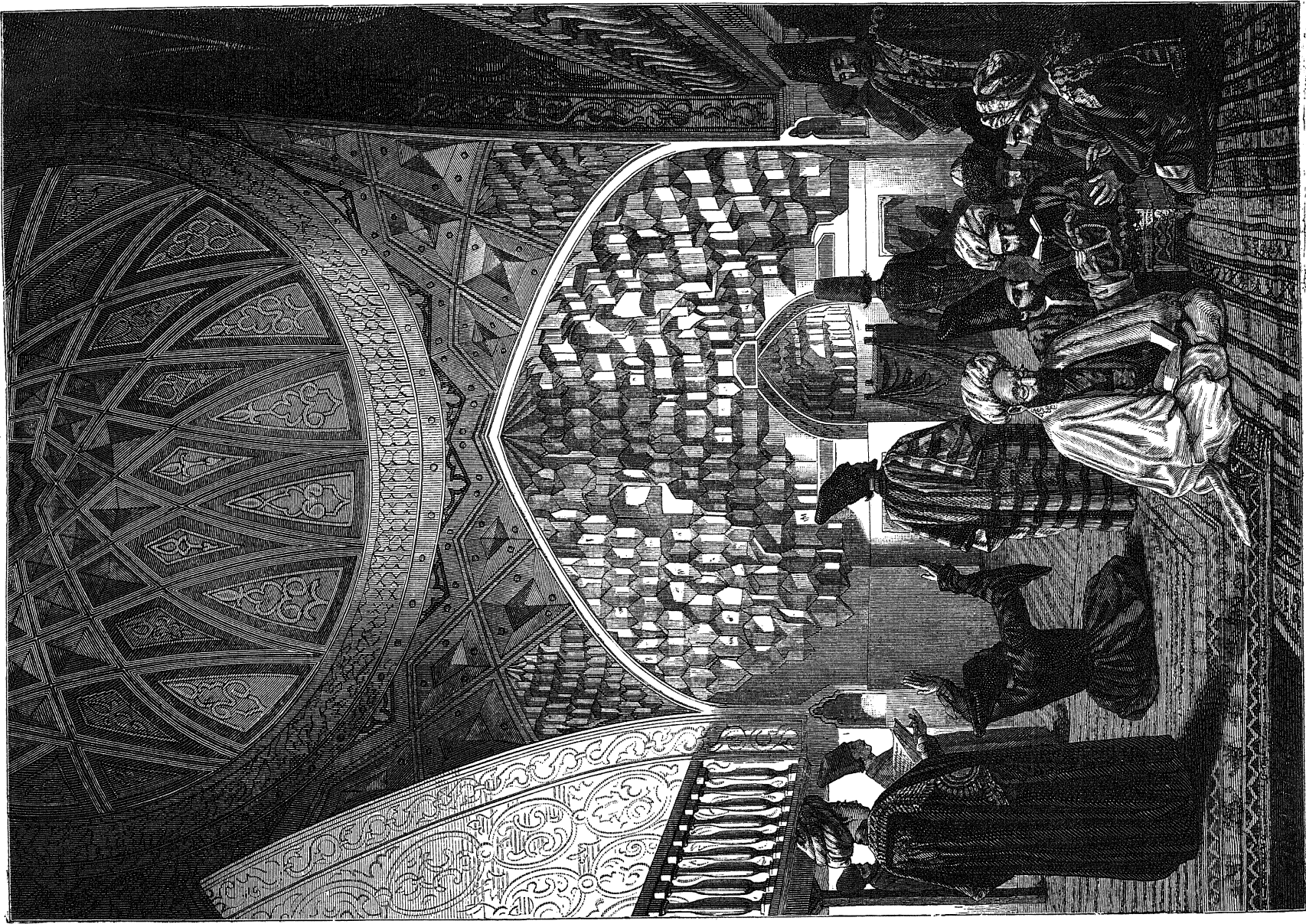
Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, больше частію совпадающіе съ нашими.

Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ того, народъ празднуетъ ночь въ честь шайтана — злой силы, или дьявола.

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ногъ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ новый день, и празднуется одновременно съ нами. Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ.

Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (шалууръ-мархо).

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Вы-

ТАТАРСКАЯ МЕЧЕТЬ ВЪ КАЗАНЬСКОМЪ.

бирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до ко-го слѣдуетъ, его молитва.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Иисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастли-вѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *уастырджи*, въ честь св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лити-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщи-на не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдо-вательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасангъ*—сборъ травъ,—считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того у осетинъ бываетъ праздникъ въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ Уацилы, или Вацилы осети-ны разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ гро-момъ и молнією, и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной ко-лесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи, продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полявны и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ.

Громоу ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва

Иліи. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, ко-торая послѣ молніи и удара грома падаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ—показываетъ себя какъ бы навожденною и распѣваетъ непонятныя пѣсни.

Главное мѣсто празднества св. Иліи происходитъ на одной изъ горъ, гдѣ живетъ главный жрецъ этого святаго *дзуаръ-лагъ*, что значитъ святой человѣкъ. Онъ же и гадала.

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покрови-телей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздни-ковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ въ честь кого празднуютъ.

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каж-дый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ—покровите-лей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не признаются другими аулами и племенами.

Слѣбая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣрять и боится прогнѣвить его, изъ одного проста-го страха, что эта неодушевленная вещь отмститъ за оскорбленіе, въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, чтобы кто-ни-будь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ не-го потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ-тай-нѣ имъ уважаемыми.

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко при-бѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа

при разборѣ тяжбныхъ дѣлъ между осетинами. Осетины вѣрятъ тоже въ русалокъ и въ существованіе богини воды.

Многоженство въ обычай осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по осетински, *ирадъ*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалала (однородца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ* — состояніе, подходящее къ крестьянскому быту.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха невѣсты или исподволь, пока растеть дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуетъ. Женихъ беретъ себя въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатить выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себя невѣсть безъ всякаго выкупа, что притомъ же считается особенной честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или платитъ значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершенно съ согласія невѣ-

сты и сдѣлано съ большимъ удалствомъ: иначе пойманный часто платится жизнію, а боками — всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупа, поступаютъ въ домъ невѣсты работникомъ и часто только послѣ восьми-лѣтняго служенія женихъ приобретаетъ себя право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перерзѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра выкупа — съ другой лишали осетина возможности заплатить законный, калымъ за нѣсколькихъ женъ; поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными, отъ которыхъ происходили незаконныя дѣти или *кавдасары*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себя. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ приобретали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьмилѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперѣ наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые

люди, которые достигли четырнадцати-летнего возраста. Ограничение возраста часто и до сих пор сопряжено съ большими затруднениями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десятилѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Основою семейнаго быта у осетинъ служитъ уваженіе къ старшимъ и вообще людямъ пожилыхъ лѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непрѣнно своею обязанностью вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удалство и хитрничество съ оружіемъ въ рукахъ составляютъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены, если имѣетъ къ тому средства, и

потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагѣ показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинамъ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ—онъ не обидится; но назвать его усъ—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта—принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они одни и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называется по имени не только мужа, но даже братьевъ, и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно «на лагъ»,—что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но если бы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать пять лѣтъ она уже совсѣмъ старуха. Лицо ея обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любить посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, онѣ очень часто называютъ другъ друга не собственными именами, а нарицательными: савъ-гизъ (черная дѣвка, одно изъ почтенныхъ именъ), бабизъ (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весь-

ма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленные средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденного сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ попить на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія большой отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, причемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи—въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самыя близкія родственницы уведя ея изъ женскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой твердости, что какъ бы ни были мучительны роды, родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмы въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожден-

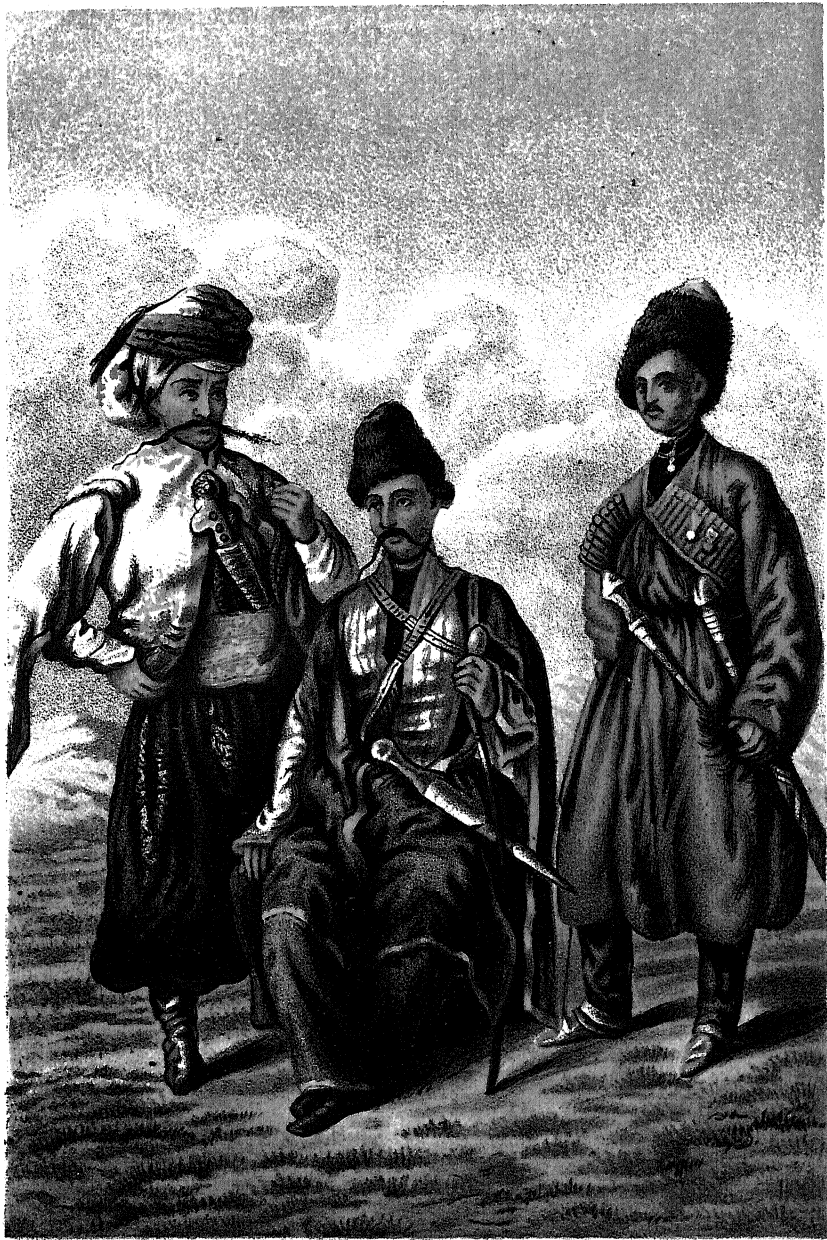
наго, и хлопочуть только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію. Но увы! и эта надежда исчезла: хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца: дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее брадъ (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ воль. Осетины не дѣляютъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленные угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные аппетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ коаца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шапки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ уз-

КУРДЪ. АРМЯНИНЪ. ОСЕТИНЪ.

ЧЕЧЕНЕЦЪ. ЛЕЗГИНЪ.

КУРДЪ. АРМЯНИНЪ. ОСЕТИНЪ.

ЧЕЧЕНЕЦЪ. ЛЕЗГИНЪ.

5

наеть, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ.

Въ этомъ случаѣ муллы поступали для себя болѣе практично. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

О воспитанія дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченіи матери; но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновеніе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ.

Для сохраненія гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно. Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея ежедневную пищу. Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ — длинной витой узелъ, похожій на жгутъ, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятію осетинокъ, это способствуетъ выростанію и удлиненію волосъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется непохороненнымъ. Поэтому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христіане, живущіе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсю своихъ обычаевъ; а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по-язычески.

Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. Поэтому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи въ-день смерти совершался обрядъ хоранга, или большія поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласія наследниковъ; на вырученные деньги покупали вина, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленные изъ нихъ кушанья съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ, живущимъ въ соседнихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатай). Последняго снабжаютъ самую лучшую лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ соседнихъ ауловъ матзигой — такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе — покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи — кто черкеску, пашку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ соседнихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и аробъ, и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣсколько человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ попеременно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки «са-а-а»; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре

человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми за ваютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню ада-дай, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ чтобы показать свое состраданіе къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетями этими они бьютъ себя по открытой головѣ такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками, и кровь льется изъ задней части головы.

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя руками. Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечьямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ лицо ихъ раздувается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходить въ сторону.

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый карагъ — оплакиваніе, поддерживаемое общимъ рыданіемъ присутствующихъ. Присутствующие, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ для покровца умершаго, такъ и на содержаніе его вдовы. По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу, и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохоми, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ печальной процессіи, непосредственно за арбою, на которой

везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула, и при пѣніи «ада-дай», бьютъ себѣ обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ тоже самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженіи и на конѣ, принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, чѣмъ медленнѣе подвигается процессія, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиваніе. Покойника ставятъ поодаль отъ мѣста погребенія. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣсню и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ.....

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ порошу и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершій человекъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то наоборотъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, челитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлю, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ.

Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и съ важностію требуетъ коня покойнаго, для совершенія обряда бахи-фалдистъ — жертвованія лошади въ честь покойника.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовыми навсегда, отрѣзаютъ себя волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный полу-

часть для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убить.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, онѣ принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ приделывается шаръ.

Послѣ закрытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана, смотря по состоятельности осиротѣвшаго семейства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый кабакъ—стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти сажень длины. Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается маданих-истъ—такъ сказать—ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться.

Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые

не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіи трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается маданих-истъ. Каждый приглашенный на хистъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, вареники съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіи первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуриямъ.

XXXIX. КУРДЫ.

На приложенной хромолитографіи, вмѣстѣ съ армяниномъ и осетиномъ, изображенъ курдъ. Эта народность принадлежитъ къ иранской расѣ и живетъ въ Азіатской Россіи въ весьма ограниченномъ числѣ, въ частяхъ губерній: Эриванской, Бакинской и въ пограничныхъ частяхъ Кутаисской. Всего считается ихъ въ Закавказьѣ до 11,000 душъ, изъ которыхъ около двухъ третей кочующихъ, и только одна треть осѣдлыхъ. По незначительной числительности ихъ въ предѣлахъ Россіи, они не заслуживаютъ подробнаго описанія, почему мы ограничимся нѣсколькими словами.

Ученые приписываютъ курдамъ древнее кавказское происхождение

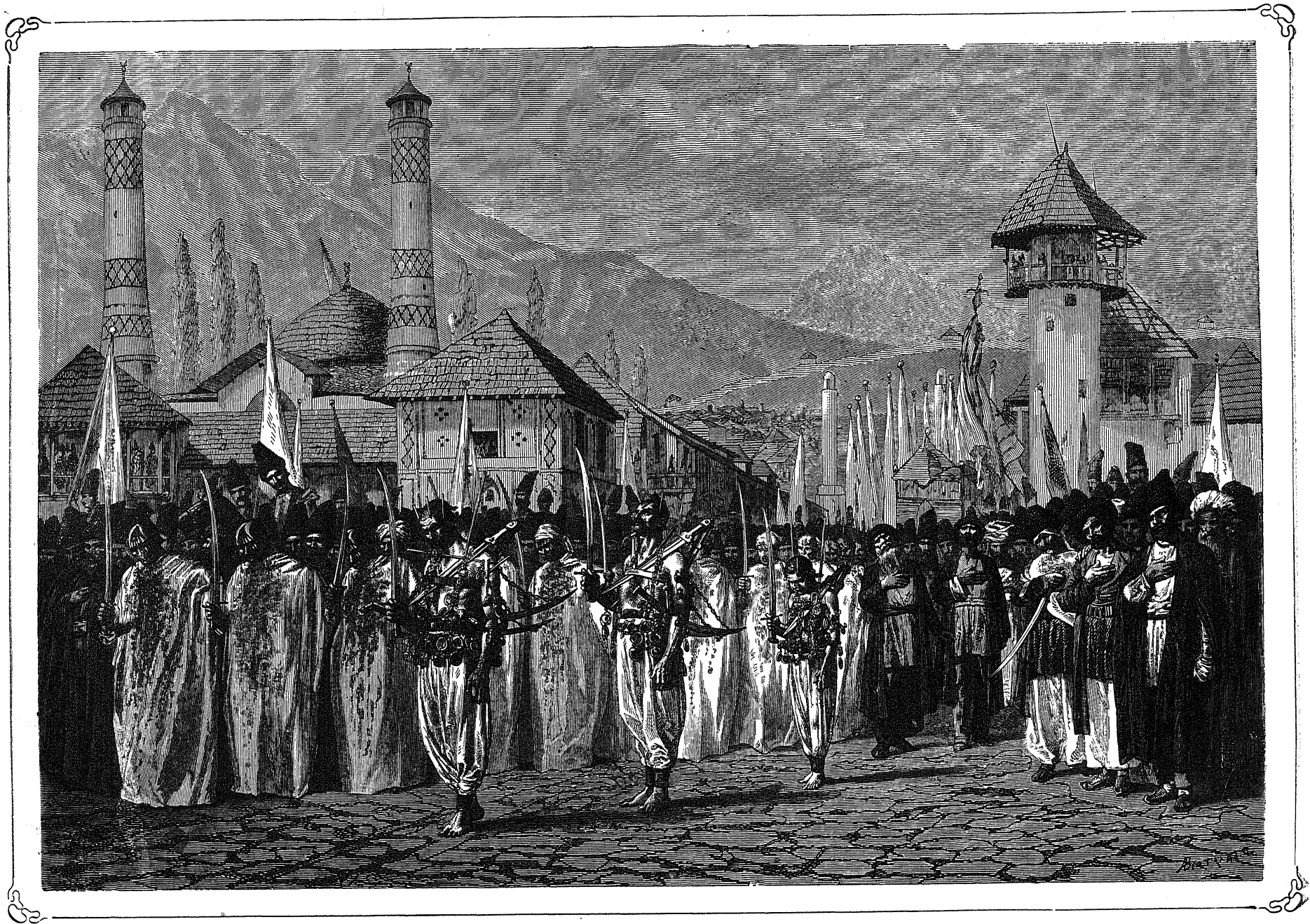
ніе. Нынѣ они населяютъ долину Тигра и Евфрата, и окрестности озера Ванъ. Большинство этого воинственнаго племени ведетъ кочевую жизнь; если нѣкоторые и живутъ осѣдло въ домахъ, то это только во время зимы; лѣтомъ же начинаютъ кочевать; да и самыя зимнія жилища ихъ, состоящія по большей части изъ землянокъ, занесенныхъ въ зимнее время снѣгомъ, непостоянны, а также переносятся съ мѣста на мѣсто. Хотя они умѣютъ прекрасно искусственно орошать землю, тѣмъ не менѣе, какъ всѣ горскіе народы, весьма мало занимаются хлѣбопашествомъ. Главное богатство ихъ состоитъ въ стадахъ скота, состоящихъ изъ коровъ, буйволовъ, барановъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Овечье молоко составляетъ ихъ любимую пищу, а курдистанскіе бараны, въ громадномъ числѣ, идутъ на пищу жителямъ Константинополя и другихъ городовъ сирійскаго побережья; фабричной промышленности, разумѣется, никакой не существуетъ, кромѣ самыхъ грубыхъ предметовъ для собственной необходимости.

Наружный видъ курдовъ красивъ; красивыя же женщины встрѣчаются весьма рѣдко. Страсть къ грабежу и хищничеству преобладаетъ у нихъ надъ всѣми другими качествами; кромѣ того они мстительны.

Большинство курдовъ принадлежитъ къ суннитскому толку; но вообще они плохіе мусульмане, и обряды ихъ весьма различаются отъ

тѣхъ, которыхъ придерживаются турки или персы. Нѣкоторые курды, исповѣдующіе христіанство, почти всѣ несторіане. Что же касается до курдовъ-язычниковъ, то они называютъ себя іезидами. Они вѣруютъ въ Бога, Иисуса Христа и Богородицу, но къ этимъ догматамъ они присоединяютъ множество понятій, чуждыхъ какъ христіанству, такъ и магометанству. Они вѣруютъ, напримѣръ, въ дьявола. Священныхъ книгъ у нихъ нѣтъ никакихъ, умершихъ хоронятъ съ множествомъ палочекъ, чтобы они могли отгонять отъ себя злыхъ духовъ. Старухи находятся у нихъ въ большомъ почитаніи. Полагаютъ, что живущихъ въ Малой Азіи іезидовъ насчитывается до одного милліона душъ. Въ Эриванской губерніи ихъ не наберется болѣе нѣсколькихъ сотенъ. Другая языческая секта признаетъ своимъ богомъ Алія; послѣдователи ея называются кизиль-башами, по названію употребительнаго между ними головнаго убора. Наконецъ, еще одна языческая секта поклоняется высокимъ деревьямъ, скаламъ и другимъ выдающимся предметамъ природы.

Курдскія женщины, живущія въ предѣлахъ Россіи, отличаются некрасивостію и неопрятностію, хотя они очень усердны въ хозяйствѣ. Кромѣ того, они очень ревнивы, и рѣдкій изъ курдовъ имѣетъ болѣе одной жены. Курдскій женскій костюмъ очень живописенъ, а танцы женщинъ очень выразительны.

ШИТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОЦЕССИЯ.

XL. ЧЕЧЕНЦЫ.

По соседству съ осетинами и на востокъ отъ нихъ поселилось чеченское племя. Чеченцы называютъ себя *нахиче*, т. е. народъ, и названіе это относится одинаково до всѣхъ племенъ и поколѣній, говорящихъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Наружная деликатность и вѣжливость есть отличительная черта характера чеченцевъ. Мужчины, часто незнакомые между собою, встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга или отдаютъ «селямъ»; знакомые же привѣтствуются пожатіемъ руки, и всегда правою. Въ языкѣ ихъ не существуетъ, подобно другимъ народамъ, ни изысканныхъ ругательствъ, ни бранныхъ словъ. Въ минуты гнѣва, самую употребительную у нихъ бранью считается какое-нибудь пожеланіе, въ родѣ того: чтобы тебѣ голову сняли! чтобы тебя пушкой убило, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, чеченецъ произноситъ: «джалій корне» (собачій сынъ), что считается большимъ оскорбленіемъ. Если въ настоящее время чеченскій лексиконъ увеличился новыми ругательствами, то они большею частію заимствуются отъ соседней-иноземцевъ.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ отличаются

полнымъ уваженіемъ къ женской стыдливости, составляющей достоинство дѣвушки. Чеченецъ считаетъ недостойнымъ себя не только оскорбить чѣмъ-нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію, и, какъ увидимъ ниже, за подобнымъ поступкомъ слѣдуетъ весьма серьезная раздѣлка. Вообще, въ характерѣ народа много гордаго и самолюбиваго.

Подобно черкесамъ, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и вѣрили въ широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая съ трудомъ свое отечество, чеченецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться подъ свое родное одѣяло — такъ называютъ они свои лѣса. Даже отправляясь на богомолье, туземецъ сохраняетъ присутствіе духа только до тѣхъ поръ, пока его провожаютъ родные.

Чеченцы считаютъ себя народомъ, избраннымъ самимъ Богомъ, но для какой именно цѣли они предназначены и избраны, — объяснить не могутъ. Вслѣдствіе такой самоувѣренности, они полагаютъ, что ни во взглядѣ на жизнь, ни въ своихъ мнѣніяхъ и приговорахъ, ошибиться не могутъ. Отъ этого у нихъ часто проявляется недовѣріе ко всему, сказанному нами, ко всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, клонящимся прямо въ ихъ пользу. Мнительность и подозрительность, а вслѣдствіе того большая осторожность и предусмотрительность видны во всемъ томъ, что исходитъ прямо отъ самого народа. Они ласковы, по собственному ихъ выраженію, только потому, чтобы не подать подозрѣнія о склонности къ воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нѣтъ возможности. Онъ васъ любитъ, какъ брата, но горсть серебра — и онъ готовъ отдать васъ въ самыя адскія руки.

Какъ всѣ полудикіе народы, и чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ, и весьма склонны къ мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой сте-

пени развитія, чеченецъ легковѣренъ, впечатлителенъ, быстръ на знакомство и всегда веселъ. Одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ. Подъ веселостію у него часто скрывается чувство мести за обиду. Въ минуты увлеченій, во время споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбежно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную вражду и мщеніе.

Умственное развитіе чеченцевъ далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствуетъ ихъ врожденная недоувѣрчивость, а главное—безпрерывныя насилія и вѣчная война. Чеченецъ богато одаренъ умственными способностями, но, къ сожалѣнію, и онъ получили фальшивое направленіе при той обстановкѣ, при которой онъ развивался.

Многіе обычаи гостепріимства придаютъ полудикому населенію нѣкоторый видъ благородства. Гостепріимство развито въ значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежителны и, не смотря на дикость нравовъ, являются утонченно вѣжливыми хозяевами и гостями. Шамиль, стараясь развить въ народѣ шпионство и доносы, сильно поколебалъ въ подвластныхъ ему племенахъ строгое наблюденіе обычая гостепріимства.

Гостепріимство чеченца, говоритъ Пассекъ, далеко ниже того, какъ привыкли воображать: безъ расчета чеченецъ не испечетъ теперь гостю чурека (хлѣба), не зарѣжетъ барана, и было нѣсколько примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, а хозяинъ обиралъ своихъ гостей.

Въ тѣхъ же обществахъ, которыя не были подъ властью Шамиля, гостепріимство и до сихъ поръ осталось на высокой степени своего развитія. Въ такихъ племенахъ, хозяинъ считаетъ великимъ для себя стыдомъ позволить обидѣть и даже арестовать человѣка, пе-

реступившаго порогъ его сакли, хотя бы онъ былъ даже преступникъ.

Чеченецъ одѣвается безъ всякихъ затѣй, все по мѣрѣ, все къ мѣсту, и ничего лишняго. Сшитый изъ желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія чекмень или чуа, плотно и въ обтяжку охватываетъ его гибкую талію; бешметъ или архалуеъ его бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи. Чеченецъ носить суконныя шаровары, суживающіяся къ низу, а чевяки или мачи, приготовленные изъ сыромятной лошадиной кожи, составляютъ его обувь. Чевяки плотно охватываютъ ногу такъ, чтобы обрисовать ее—это щегольство.

Желающіе блеснуть чевяками, надѣваютъ ихъ, подобно черкесамъ, не прежде, какъ достаточно размочивъ въ водѣ. Нѣкоторые носятъ кожаные чиріки—родъ башмаковъ, иногда безъ подошвы, а иногда подъ нихъ подшивается подошва изъ буйволової кожи. Зимой туземецъ одѣвается въ полстяные теплыя чевяки, похожіе на валенки. На головѣ чеченецъ носить папаху, представляющую родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, обращенной шерстью во внутрь, съ завороченными наверхъ краями, образующими мѣховую околышъ, или куртей. Нарядное платье свое чеченцы обшиваютъ узкимъ галуномъ, приготовленнымъ дома, довольно прочно и красиво.

Одежда чеченскихъ женщинъ довольно живописна, хотя мало отличается отъ обыкновеннаго татарскаго женскаго костюма. Онѣ носятъ одноцвѣтныя, краснаго или синяго цвѣта, длинныя рубашки, доходящія до колѣнъ, съ длинными же рукавами и цвѣтными надплечіями. Поверхъ рубашки надѣваютъ бешметъ, или архалуеъ, широкія шальвары, подвязанныя у чевякъ, и на ногахъ чевяки. Зимой женщины носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ у нѣкоторыхъ племенъ чеченскаго народа считается большимъ срамомъ. Костюмъ женщинъ отличается большею чистотою и опрятностію. На головѣ онѣ носятъ небольшія шапочки, разукрашенныя монетами и другими

блестящими бездѣлушками; большинство же повязываетъ голову длинными бѣлыми платками, но покрывалъ въ горахъ по большей части не носятъ вовсе, лица своего не скрываютъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Въ богатыхъ семействахъ одежда женщинъ отличается своею роскошью и изысканностію.

Обыкновенную пищу у чеченца составляютъ: просяная лепешка и сыскиль, кукурузный хлѣбъ, который ѣдятъ часто съ биремомъ. Биремъ давнишнее квашенное и соленое молоко, безпрестанно разводимое то водою, то молокомъ, съ приправою соли. Прочія блюда составляютъ: ахигъ—варенная кукуруза, лапша, молоко свѣжее (ширь) и кислое (шаръ), творогъ, масло, пшеничныя лепешки, у которыхъ верхняя корка покрывается толстымъ слоемъ сала, блины, употребляемые на свадьбахъ и похоронахъ, и джи-жигъ—мясо въ различныхъ видахъ, и преимущественно баранина, изъ которой приготавливаютъ довольно вкусный бульонъ, весьма часто приправляемый сметаною и чеснокомъ. Чеченцы не ѣдятъ горячаго и, сваривъ бульонъ, разводятъ его холодною водою, если не желаютъ ѣдать, пока онъ остынетъ. Кромѣ того варятъ фасоль, бобы, а теперь входятъ въ употребленіе картофель. Для гостя чеченецъ подаетъ шашлыкъ, калтъ-детты—сыръ, перемѣшанный съ топленнымъ масломъ, и калмыцкій чай.

Чеченцы очень умѣренны въ пищу, точно также какъ во снѣ. Несмотря на то, что весьма сильны и ловки, они ѣдятъ очень мало и часто довольствуются чурекомъ съ вкусомъ бараняго сала или сыра. Дома чеченцы ѣдятъ раза два или три, но понемногу. Мужъ ѣстъ всегда отдѣльно отъ жены, которая не осмѣлится сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, безъ особаго приглашенія. Пищу приготавливаютъ, тогда, когда приходитъ время ѣсть, и при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы не было остатковъ. Приличіе требуетъ, по окончаніи ѣды, оставлять всегда что-нибудь на блюдѣ. Передъ ѣдою и послѣ умываютъ руки и полощатъ ротъ.

Чеченскіе аулы или селенія вообще растянуты на значительное разстояніе; сакля отъ сакли отдѣляется садомъ, огородомъ, дворомъ, а иногда и пашнею. Селенія строятся неправильно, каждый дворъ отдѣльно, и раскидываются по предгорьямъ, въ лѣсу, вдали отъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; но въ горахъ, напротивъ того, селенія ихъ незначительны и часто состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ предупрежденіе отъ нападений, нѣкоторые изъ ауловъ, подобно тому какъ наши казачьи станицы, окружены валомъ и плетнемъ съ стоволомъ.

Жилища нѣкоторыхъ чеченскихъ племенъ, составляющихъ Ингушевскій округъ, состоятъ преимущественно изъ старыхъ каменныхъ башенъ, сложенныхъ изъ камня, безъ цемента и имѣющихъ нѣсколько ярусовъ. Башни эти построены преимущественно на выступахъ скаль или на оконечностяхъ гребней, словомъ на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго не годны. Въ одной такой башнѣ живетъ почти всегда нѣсколько семействъ, занимающихъ верхніе этажи, а нижніе предназначаются для помѣщенія скота. Живя совоуно въ одной башнѣ и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, семейства раздѣлены между собою капитальными стѣнами и помѣщеніе каждаго выходитъ въ общій корридоръ, составляющій принадлежность каждой башни. Кромѣ жилыхъ башенъ, въ горскомъ аулѣ встрѣчаются нерѣдко башни оборонительныя со множествомъ амбразуръ, имѣющихъ форму треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній.

Двѣ или три жилыхъ башни, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ аулъ, группирующійся, какъ мы сказали, или до оконечностей гребней, или на выступахъ скаль, и преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ.

Чеченское селеніе, напротивъ того, часто тянется въ длину версты на три или на четыре, хотя весь аулъ состоитъ не болѣе какъ

изъ ста домовъ. Всѣ строенія деревянныя, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, и съ плоскими крышами.

Домъ чеченца обмазанъ съ обѣихъ сторонъ глиною и выбѣленъ внутри него относительно чисто, опрятно и свѣтло. Въ стѣнахъ сдѣланы окна безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ вѣтра, преимущественно сѣвернаго, оттого и двери обращены всегда на югъ или востокъ.

Дверь свою чеченецъ почти никогда не запираетъ, и потому сильный сквозной вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ, которыхъ бываетъ по двѣ или по три въ каждомъ домѣ.

Сакля нагрѣвается каминомъ, чаще очагомъ, надъ которымъ сдѣлана труба, проходящая сквозъ крышу. Вдоль внутреннихъ стѣнъ сакли идутъ лавочки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: посуды ковры, одѣяла, подушки и прочая рухлядь. Въ одномъ углу комнаты стоитъ корзина съ зерновымъ хлѣбомъ, а въ другомъ кадка съ водою, составляющія почти единственную мебель сакли. Одна изъ комнатъ сакли предназначается для приема гостей и носить названіе кунахской. На убранство и чистоту этого помѣщенія каждый хозяинъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ кунахской можно встрѣтить двѣтри скамейки, лучшія изъ всѣхъ, какія только есть въ домѣ, широкій сундукъ, покрытый ковромъ, и полъ комнаты, устланный бѣлыми войлоками. Здѣсь, вмѣсто очага, устраивается непременно каминъ, а сбоку его у маленькаго окошечка, на почетномъ мѣстѣ стоитъ кровать туземнаго издѣлія. Въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно около дверей, виситъ нѣсколько бычачьихъ шкуръ, на которыя правовѣрные становятся при совершеніи молитвы или намаза. Стѣны кунахской утыканы деревянными колышками и на нихъ въ одномъ мѣстѣ развѣшано оружіе, въ другомъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышко, въ третьемъ глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, также схваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки. Все это почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ,

и чѣмъ больше развѣшано такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепримнѣе считается кунахская. Каждый домъ имѣетъ почти всегда дворъ, огороженный плетнемъ.

Близъ дома строятся помѣщенія для скота; а если недалеко отъ аула протекаетъ рѣчка, то многіе хозяева имѣютъ свои мельницы, или на самой рѣчкѣ, или на проведенной изъ нея канавѣ.

Почти у каждого дома есть свой огородъ, въ которомъ засѣвается преимущественно: лобія, бобы, тыква рѣдко огурцы, чеснокъ и лукъ; подлѣ огорода есть небольшой клочекъ земли, засѣваемый пшнѣ табакомъ, иногда огурцами и дынями. Въ нѣкоторыхъ аулахъ разведены небольшіе сады, но за то во всѣхъ аулахъ кукуруза засѣвается въ изобиліи.

Изъ всего своего помѣщенія чеченецъ больше всего любитъ кунахскую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей.

Господствующая религія чеченцевъ магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротивъ того, жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и развалины древнихъ храмовъ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ страпѣ, исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію.

Трудно опредѣлить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религію, но съ достовѣрностію можно сказать, что различныя племена этого народа принимали эту религію, разновременно и во всякомъ случаѣ водворилась она у нихъ не ранѣе начала прошлаго столѣтія.

До появленія Шамиля духовенство въ Чечнѣ было бѣдно и невѣжественно. Все преимущество чеченскаго духовенства надъ прихожанами заключалось въ посредственномъ знаніи грамоты, которая дѣлала ихъ необходимыми для многихъ нуждавшихся въ составленій разныхъ письменныхъ документовъ. Эта необходимость и давала

ТАТАРСКАЯ ШКОЛА ВЪ ЗАКАВКАЗЬ.

имъ еще нѣкоторое значеніе въ народѣ. При поступленіи въ духовное званіе не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знаніе грамоты. Церковное богослуженіе магометанской религіи не требуетъ никакой подготовки; оно состоитъ въ дневныхъ молитвахъ, извѣстныхъ почти каждому.

Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности чеченскаго духовенства былъ крайне ограниченъ. Не получая никакихъ особенныхъ доходовъ съ прихожанъ, а имѣя за то большой запасъ свободнаго времени, духовенство посвящало его торговлѣ и хлѣбопашеству. Въ Чечнѣ каждый мулла получалъ, по примѣру своихъ прихожанъ, опредѣленный участокъ земли, которымъ и кормился.

Съ водвореніемъ въ Чечнѣ власти Шамиля, послѣдній хотя и значительно поднялъ духовенство въ глазахъ народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующимъ.

Муллы въ Чечнѣ по-прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространеніи истинъ магометанскаго ученія и чистоты религіи, сколько хлопотали о поддержаніи суевѣрія въ народѣ. Къ нимъ прибѣгали за помощью чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисманъ, приворожить къ себя возлюбленную или возлюбленнаго.

Получая за это приношеніе или подарокъ изъ нѣсколькихъ барановъ, муллы не отказывались отъ исполненія такихъ просьбъ и вообще старались поддержать религіозное суевѣріе въ народѣ, увѣряя его, что коранъ открываетъ имъ все темное и скрытое.

Случалась-ли засуха, — жители спѣшили къ муллѣ, и просили его отыскать въ книгѣ такой день, въ который можетъ быть назначена церемонія для добыванія дождя.

Самъ Шамиль прибѣгалъ нерѣдко къ подобному шарлатанству, распространяя въ народѣ слухъ о томъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ.

Вообще Шамиль старался дѣйствовать на религіозное чувство народа внѣшнею обрядностію религіи и выказывалъ себя чрезвычайно религіознымъ и чистосердечно преданнымъ мюридизму.

Чеченецъ чрезвычайно суевѣренъ: онъ не броситъ напримѣръ, яичной скорлупы въ огонь, боясь, что куры не станутъ нести яицъ или вовсе переведутся; онъ никогда не выбрасываетъ костей, а старается сжечь ихъ, вѣря, что выбрасываніе ихъ непріятно Богу.

Чеченцы вѣрятъ, что можно сглазить человѣка, и, въ противодѣйствіе тому, имѣютъ амулеты, въ которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изреченія изъ корана.

Умопомѣшательство и идиотизмъ чеченцы приписываютъ знакомству съ джинышами. Джиныши — духи, которые, по понятію народа составляютъ средину между ангелами и духами зла, но связь съ которыми человѣка не приводитъ къ доброму и кончается почти всегда умопомѣшательствомъ.

Суевѣріе, существующее въ народѣ, частію перешло и въ дурную сторону характера туземца.

Чеченецъ не затруднится дать несправедливое показаніе или ложную присягу. Онъ не считаетъ это преступленіемъ и вѣритъ чистосердечно, что присягнуть ложно не составляетъ грѣха, если только присягающій, во время обряда, не положитъ пальца на коранъ или перевернетъ газыръ на груди своей черекски. Присягнуть ложно ничего, а курить табакъ, по понятію чеченца, грѣхъ тяжкій, потому что табакъ — дѣло нечистое.

Запрещеніе курить табакъ принадлежитъ въ числу установленій, изобрѣтенныхъ Шамилемъ, который вообще преслѣдовалъ роскошь, пляски, музыку и пѣніе, стараясь замѣнить его однимъ постояннымъ напѣвомъ: ля-илляхи-иль-Алла! (нѣтъ Бога, кромѣ единого Бога).

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотритъ на нее свысока. Мужъ почти никогда не раздѣляетъ съ женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если рассказываетъ о своемъ наѣздничествѣ,

удальствѣ и удачѣ, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того, чтобы, порисовавшись передъ нею, возбудить къ ней удивленіе и еще большую къ себѣ покорность. О дѣлахъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе секретныхъ, чеченецъ не станетъ никогда говорить съ женою.

Рабское положеніе женщины владеть на нее и рабскіе отпечатки. На лицѣ женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости.

Чувственная отъ природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполнѣ и до послѣдней степени. Въ такихъ случаяхъ для нея нѣтъ ни предѣловъ, ни ограниченій. Подъ вліяніемъ страсти, молодая дѣвушка не стѣсняется въ глухую ночь пробраться къ саклѣ того, кому рѣшилась отдаться.

Чтобы завладѣть храбрымъ джигитомъ, чтобы достигнуть своей цѣли, дѣвушка употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, пускаетъ въ ходъ всѣ свои чарующія знанія, волшебство, созданное суевѣріемъ народа, и нерѣдко прибѣгаетъ къ гаданію, какъ къ средству узнать заранѣе будущую свою судьбу и предстоящее счастье.

Пришедшая въ домъ мужчины дѣвушка, по обычаю, становится его женою. Никто не въ правѣ расторгнуть этого брака, и роднымъ волею или неволею остается согласиться и пожелать молодымъ счастья; тогда задаютъ пиръ — и дѣло кончено.

Супружескія отношенія отличаются согласіемъ, чему отчасти способствуетъ полная покорность женщины. Будучи чрезвычайно ревнивымъ, чеченецъ зорко слѣдитъ за поведеніемъ своей жены, и нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки и преслѣдуются весьма строго.

Хотя мужъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ посягнуть на жизнь своей жены, но, убѣдившись въ ея невѣрности, онъ можетъ въ наказаніе изуродовать ее, отрѣзать носъ или ухо, или же просто развестись съ нею. За прелюбодѣяніе замужней женщины у чечен-

цовъ существовало страшное наказаніе: затаптывать лошадьми или побивать камнями несчастную жертву обольщенія. Отъ воли мужа зависѣло однакоже предать жену народному суду или ограничиться простымъ разводомъ и прогнаніемъ отъ себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была дѣвушка, то долженъ былъ жениться или также его ожидала смерть.

Туземцы большіе охотники мѣнять женъ, т. е. разводиться съ прежними и брать новыхъ.

Со дня замужества, чеченская женщина дѣлается самою неутомимою работницею своего семейства, не имѣетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при всемъ этомъ къ чести женщинъ надо сказать, что онѣ содержатъ свое простое и незатѣйливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мужчина, въ свободное отъ воинственныхъ занятій время, проводилъ его праздну, безопасно, весело и, не смотря на окружающую его бѣдность, былъ всегда доволенъ собою. Призадуматься о своемъ положеніи, склонить голову на руку, считалось малодушіемъ. Надежда на свою силу, ловкость и проворство дѣлали чеченца разгульнымъ, но не порождали въ немъ стремленія къ улучшенію своего быта.

Въ образѣ жизни, между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ нѣтъ почти никакой разницы, развѣ только та, что богатый одѣвается нѣсколько лучше, да владѣетъ болѣе богатымъ оружіемъ.

Не видя вокругъ себя ничего лучшаго противъ своего собственнаго положенія, привыкнувъ, со дня своего рожденія, къ окружающимъ его красотамъ и богатству природы, чеченецъ или проводилъ праздну время въ своей кунахской, или, сидя на заборѣ, стругалъ палочку, чистилъ оружіе, то шилъ поршни (обувь изъ сыромятной кожи), шелъ въ гости или, наконецъ, вскочивъ на коня, рыскалъ по дикимъ гребнямъ горъ безъ всякой видимой цѣли.

Конь, ружье и шашка — вотъ его гордость и жизнь; папаша, посѣвъ и покосъ — единственная забота житейская. Чеченцы вообще

склонны къ праздности, и жизнь ихъ была до невѣроятности однообразна, скучна, безчувственна и совершенно бесплодна для души и сердца. Въ то время, когда жены таскаютъ на себѣ вязанки дровъ, сѣно, тяжелые кувшины съ водою работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчины сидятъ у дверей своихъ хижинъ, которыя всегда настежь зимою и лѣтомъ, или около мечети, слушаютъ и рассказываютъ новости.

Вся дѣятельность ихъ, и все почти занятіе, состояло въ пяти намазахъ.

Оставаясь цѣлые дни въ бездѣйствіи, чеченцы, какъ и вообще всѣ горцы, съ необыкновенною жадностію принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ отправляются въ дальнія путешествія, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, и пускаются на самыя бессмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій была, въ свое время, одною изъ побудительныхъ причинъ къ хищничеству.

Таково положеніе чеченца въ семейномъ быту, но не таково положеніе чеченской женщины.

Женщины, напротивъ того, отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и самыя тяжелыя работы, не исключая полевыхъ.

За всѣ свои труды жена подчинена мужу, какъ своему полновластному господину, въ присутствіи котораго никогда не садится и съ которымъ не раздѣляетъ стола. При разговорахъ мужъ и жена не называютъ другъ друга по имени.

Отецъ есть глава семьи, и воля его священна для жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ держитъ себя весьма серьезно; но онъ полновластенъ надъ сыновьями только въ періодъ ихъ малолѣтства.

Мать, никогда и ни въ какомъ возрастѣ, не имѣла никакой власти надъ дѣтьми. Во многихъ случаяхъ она не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вкладываетъ въ человѣка,

какъ къ виновницѣ его существованія. Восемилѣтній сынъ часто обращается съ матерью съ большимъ пренебреженіемъ и даже цинизмомъ.

Чеченцы, считая дѣтей даромъ Божиимъ, никогда не бьютъ и не бранятъ ихъ, особенно съ тою цѣлію, чтобы не запугать и не сдѣлать съ малолѣтства робкими; но за то впадаютъ въ другую крайность, предоставляя самимъ обстоятельствамъ развитіе дѣтскаго характера и буйныхъ страстей, заключающихся въ ихъ бурной природѣ.

Если дѣти иногда слишкомъ надоѣдаютъ матери и огорчаютъ ее, то она плачетъ, но не тронетъ, не ударитъ ихъ.

Отецъ хотя и обращается съ ними сурово и молчаливо, но не внушаетъ тѣмъ къ себѣ никакого уваженія. Дѣти не называютъ его отцомъ, а величаютъ собственнымъ именемъ, иногда даже шутовскимъ; слова: мать и отецъ не существуютъ въ семейномъ быту чеченца. Сами родители бываютъ часто виновниками развитія дурныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ.

Отецъ часто подбиваетъ сына на воровство и хищничество. Когда, на примѣръ, созрѣваютъ фрукты, то мальчишки, вмѣстѣ съ взрослыми, какъ бы ученики съ опытными наставниками, собираются по ночамъ на воровство фруктовъ въ садахъ сосѣдей. Предпринявъ предварительно мѣры къ огражденію себя отъ поимки, они рвутъ плоды, а потомъ общею компаніею отправляются куда нибудь въ поле, гдѣ скрытно лакомятся наворованнымъ.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, мужъ уѣзжаетъ изъ дому и предоставляетъ ухаживать за родильницей родственникамъ или знакомымъ женщинамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ родовъ, такъ дней черезъ пять, мужъ возвращается домой и не обращаетъ никакого вниманія ни на жену, ни на новорожденного, причемъ съ первою онъ даже долгое время не разговариваетъ, въ особенности если жена имѣла несча-

стіе подарить мужа дочкою, а не сыномъ. Рожденіемъ дочери отцы бывають крайне недовольны и радуются, когда родится сынъ. Появленіе на свѣтъ младенца мужскаго пола часто служитъ поводомъ въ пиршеству и угощеніямъ въ домъ отца. Роженіе мальчика, хотя бы и отъ гяурской плѣнницы, считалось всегда хорошимъ предзнаменованіемъ для семейства. Такъ, одна изъ женщинъ, бывшихъ въ плѣну, вмѣстѣ съ княгинями Чавчавадзе и Орбеліани, разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ. Едва только жители аула узнали объ этомъ, какъ тотчасъ же на дворѣ раздались выстрѣлы, возвѣстившіе о рожденіи младенца мужскаго пола, въ честь котораго зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ роженія, младенцу даютъ имя съ нѣкоторою торжественностію.

Дѣти растутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до четырехъ-лѣтнаго возраста они ходять почти нагія. Съ наступленіемъ четырехъ-лѣтнаго возраста ихъ одѣвають въ рубашки, а впоследствии даютъ и шаровары, зимою же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

Весь костюмъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее бѣлье; послѣднее, одинъ разъ уже надѣтое, не снимается до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ набожныя болѣзни и заводитъ міриады насѣкомыхъ.

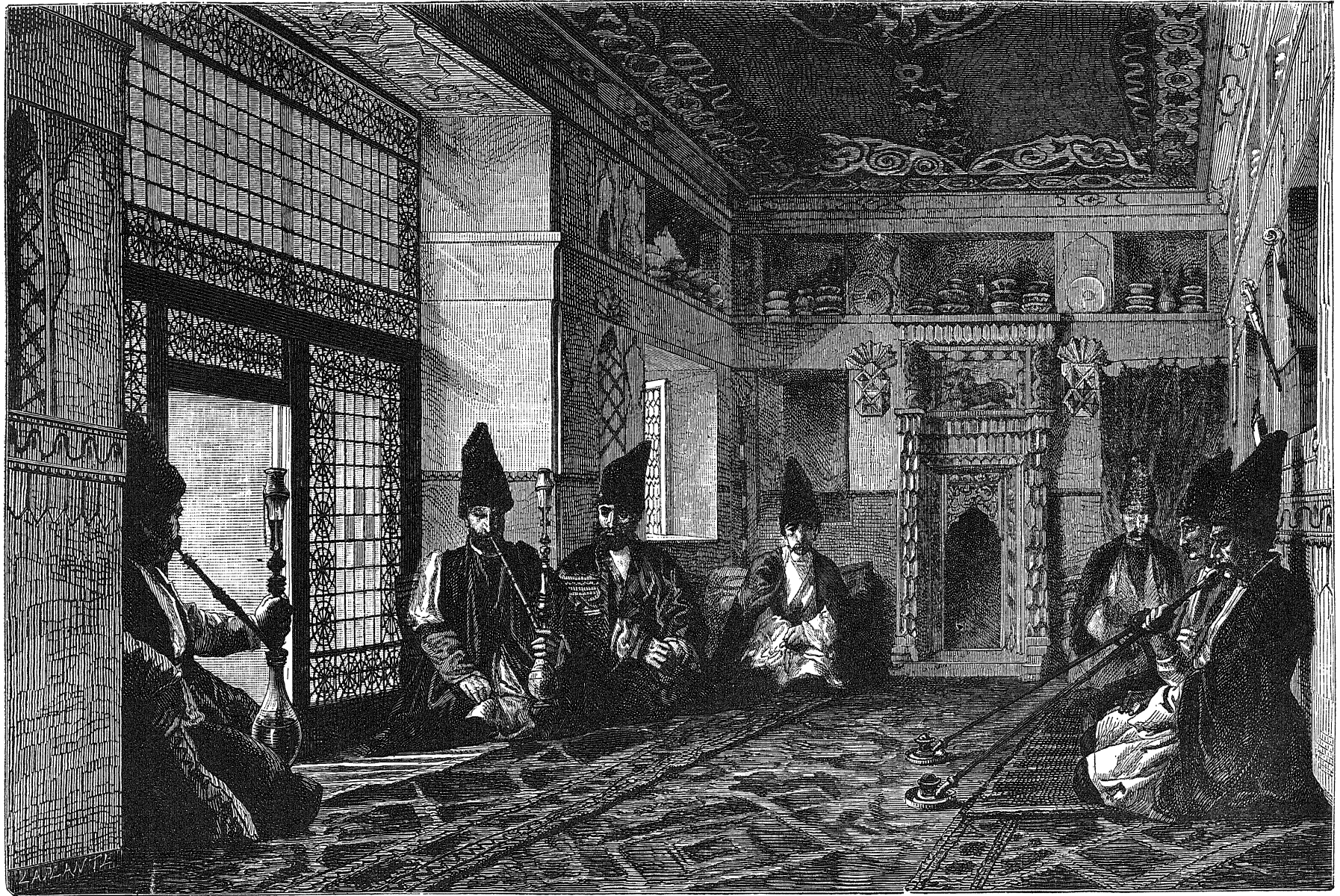
Женитьбы, совершаемой обыкновеннымъ способомъ, всегда предшествуетъ стговоръ или сватовство. Случалось, въ прежнее время, что родители, еще во время младенчества своихъ дѣтей, обѣщались породниться другъ съ другомъ и, въ залогъ калыма, давали пулю, газыръ черкески или нѣсколько денегъ. Дѣти, подрастая, мало по малу свыкались съ своимъ положеніемъ.

Желая засватать дѣвушку, родители жениха посылаютъ сватовъ,

которые и дѣлають предложеніе родителямъ дѣвушки выдать ее замужъ. Если родители ея согласны, то призываютъ дѣвушку и спрашиваютъ: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашиваніе составляетъ только форму, требуемую обычаемъ. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ непрекословно волю родителей, а если и высказываетъ протестъ, то на него не обращаютъ никакого вниманія, развѣ имѣется въ виду другой, болѣе выгодный женихъ или дѣвушка чувствуетъ видимое отвращеніе къ сватающемуся. Когда согласіе на бракъ состоится, то женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и нѣсколькихъ рублей денегъ.

Въ случаѣ отказа родителей выдать свою дочь за человѣка ищущаго ея руки, народный обычай даетъ средство получить дѣвушку и помимо воли ея родителей, съ согласія ея брата. Стоитъ только брату, во время пирушки или обѣда, выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, дѣлающимъ ей предложеніе, и принять отъ него подарокъ: тогда сестра его считается засватанною, и онъ обязанъ принудить отца выдать ее именно за того, съ кѣмъ пилъ за ея здоровье. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду. Впрочемъ, къ такому странному обычаю прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже рѣшительно нѣтъ никакой надежды получить руку дѣвушки по прямому согласію ея родителей.

Чеченскія свадьбы совершаются рано: дѣвушка выходитъ замужъ какъ только исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и самое позднее въ пятнадцать; молодые люди женятся съ наступленіемъ семнадцати-лѣтнаго возраста. Часто домашнія работы, которыя всѣ лежатъ на обязанности женщины, заставляли родителей, изъ личныхъ выгодъ, удерживать дочь долгое время въ семействѣ и отказывать женихамъ, что было весьма невыгодно для Шамиля, при непрерывной войнѣ, и нароистреблявшедонаселеніе въ значительной степени. Для

КОМНАТА ВЪ ДОМЪ БОГАТАГО ТАТАРИНА.

искорененія этого зла, имамъ принялъ на себя наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ.

По народному обычаю, молодой человѣкъ, сдѣлавшись женихомъ, приобретаетъ уже нѣкоторыя права надъ своею будущею невѣстою. Онъ можетъ отказаться отъ нея, или, по ея просьбѣ, дозволить ей выйти за другаго; но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволенія или согласія жениха освободить ее, или чтобы женихъ, заплативъ калымъ, взялъ ее въ жены. Этимъ послѣднимъ правомъ молодые люди нерѣдко пользовались. Разсердившись на свою невѣсту или имѣя въ виду болѣе выгодную свадьбу, молодой человѣкъ нарочно оттягивалъ неопредѣленное положеніе засватанной дѣвушки, и часто, считаясь женихомъ въ одномъ, сватался въ другомъ семействѣ и, получивъ согласіе, сочетался бракомъ съ тою дѣвушкою, съ которою наводилъ болѣе выгоднымъ. Впрочемъ, родители первой невѣсты, захѣтивъ уклоненіе жениха, могли сами отказать ему. Подъ предлогомъ того, что дочь молода, или необходима для работы въ семействѣ, отецъ отвозилъ жениху сдѣланные подарки, возвращалъ калымъ, и тогда дѣвушка, сдѣлавшись свободною, вольна была избрать себѣ другаго.

За четыре дня до свадьбы, невѣсту отводятъ въ домъ родственниковъ жениха, и въ этотъ день ее наряжаютъ, бѣлятъ, румянятъ и выщипываютъ часть бровей, съ цѣлю подравнять ихъ. Нарядъ ея отличается тою изысканностью, которая возможна только по средствамъ и достатку родныхъ, выдающихъ ее замужъ.

По обычаю, женихъ отправляетъ за невѣстою, на арбѣ, какуюнибудь бойкую старуху, отличающуюся своимъ острымъ языкомъ, и съ нею человѣкъ тридцать молодежи, извѣстныхъ своею удалью. Весь этотъ поѣздъ, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами. Отшучиваясь и обороняясь какъ кто умѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ дому, и у

дверей комнаты невѣсты встрѣчаютъ одного изъ ея родственниковъ, который запираетъ передъ ихъ носомъ дверь и требуетъ подарка. Кинжалъ въ руки привратника — и завѣтная дверь растворяется; но тамъ ожидаетъ цѣлая толпа женщинъ, которыя встрѣчаютъ пріѣзжихъ иглами, булавками и ножицами. На нихъ рвутъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что многіе выходятъ изъ комнаты безъ рукавовъ и полъ платья. Натѣшившись и напумѣвшись вдоволь, заключаютъ мировую, — и всѣ садятся за угощеніе.

Послѣ угощенія невѣсту сажаютъ на арбу, часто закрытую, и отвозятъ въ домъ жениха, который, по обычаю, долженъ находиться въ это время въ отсутствіи. Толпа односельцевъ сопровождаетъ церемоніальный поѣздъ невѣсты.

Въ саклѣ жениха, въ ожиданіи пріѣзда невѣсты, происходитъ суматоха: варятъ мясо, пекутъ хлѣбъ, убираютъ саклю.

Извѣстіе о томъ, что вдали показалась процессія, производитъ еще большую суматоху въ домѣ. Каждый спѣшитъ привести свое занятіе къ концу, бѣгаютъ, шумятъ, а на порогѣ сакли стелютъ что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходѣ изъ арбы.

Невѣста сходитъ съ арбы. Ловкій джигитъ бросаетъ ей подъ ноги въ одинъ мигъ снятую съ себя черкеску, и получаетъ отъ невѣсты, за такое вниманіе, подарокъ: обыкновенно азіатской собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входитъ въ саклю, и если нѣтъ мужчинъ, то садится; ее встрѣчаютъ радушно съ хлѣбомъ-солью. Вдругъ, среди пира, одинъ изъ присутствующихъ вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ, и въ мигъ пуля сидитъ въ стѣнѣ сакли; за первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, потомъ третій, четвертый, и пули сыплются во всѣ стороны изъ ружей и пистолетовъ. Чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значить, болѣе приверженцевъ у молодого, и тѣмъ краше его невѣста. Звукъ выстрѣловъ смѣняются ударами въ бубенъ, тазы, и бойкая лезгинка,

сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, выходитъ на сцену и завладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ. Не смотря на всѣ усилія, Шамиль не могъ вывести пляску, которая, въ такіе дни какъ свадьба, продолжалась въ теченіи цѣлаго дня; въ ней одинаково принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Въ теченіи трехъ дней происходитъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха; затѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія.

На другой день, или нѣсколько дней спустя, послѣ окончанія всѣхъ брачныхъ церемоній, молодая, которая въ это время ничего не работала, не выходила изъ своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, должна идти первый разъ по-воду, и послѣ того уже вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождаютъ ее съ пѣснями и музыкою на рѣку, гдѣ молодая, проколовъ нѣсколько блиновъ иглою или булавкою, бросаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за другимъ въ воду, и затѣмъ уже черпаетъ ее кувшиномъ. Когда она ставитъ кувшинъ съ водою къ себѣ на голову, раздаются выстрѣлы.

Въ первое время послѣ свадьбы, молодая не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ, не только въ присутствіи постороннихъ, но и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ ее только по вечерамъ и ночью. Говорить съ отцомъ своего мужа и близкими родственниками, а также видѣться и посѣтить свою мать, она можетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня замужества.

Когда родственники больного видятъ, что наступаетъ его послѣдній часъ, тогда посылаютъ за муллою, который читаетъ надъ нимъ ясынъ — отходную молитву.

Во время чтенія, женщины громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо, рвутъ волосы, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не скончается. Съ его смертію, женщинъ тотчасъ же выгоняютъ изъ комнаты, или силою заставляютъ прекратить опла-

киваніе, какъ выраженіе скорби, совершенно противное духу магометанской религіи.

Мулла, между тѣмъ, приготовляетъ умершаго къ погребенію. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло, которое потомъ и обвертываетъ нѣсколькими кусками полотна или бѣлой шерстяной матеріи; иногда же обвертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываютъ на головѣ и ногахъ.

Положивъ вату въ ротъ, глаза и уши умершаго, мулла завязываетъ саванъ двумя неширокими полосами холста, надъ головою умершаго, а другою ниже ногъ его. Приготовленное къ погребенію тѣло оставляется на постели, и родственники тихо его оплакиваютъ.

Печальное извѣстіе о кончинѣ скоро разносится по ауламъ, и всѣ сосѣди изъ окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спѣшатъ къ саклѣ умершаго, при чемъ мужчины-родственники покойнаго обязаны привезти съ собою барана или принести деньги семейству умершаго, иначе оно прекратитъ съ ними всякую родственную связь.

Похороны составляютъ для женщинъ настоящій праздникъ, потому что только по этому случаю имъ дозволяется собираться изъ другихъ ауловъ и составлять свое общество. Отправляясь въ домъ умершаго, онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать.

Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокругъ вдовы или матери умершаго и начинаютъ плакать, причемъ вдова царапаетъ себѣ лицо до крови.

Затѣмъ входятъ въ комнату по одному или по два мужчины, молча опускаются они на колѣни передъ вдовою, не произносятъ никакого утѣшительнаго слова и раздраютъ до крови свой лобъ.

Съ появленіемъ крови на лицѣ, встаютъ и, молча, съ поникшею головою, выходятъ на открытый воздухъ.

Поздно вечеромъ возвращаются по домамъ посѣтители, а тѣ, ко-

торые пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются ночевать у семейства покойника. Такимъ образомъ, собирается въ домъ семейство покойника каждый день около двухсотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня, а иногда и цѣлую недѣлю.

Положивъ покойника на арбу, его отвозятъ или относятъ на могилу, согласно требованія мусульманской религіи въ самый день его смерти. Исключеніе дѣлается въ случаѣ неожиданной, скоропостижной смерти, и тогда умершаго хоронятъ въ теченіи трехъ дней, съ тою цѣлю, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ умершимъ, тогда какъ при продолжительной болѣзни, предшествовавшей кончинѣ, прощаніе это совершается при посѣщеніи больного.

Послѣ погребенія на самомъ кладбищѣ происходитъ угощеніе. Если въ это время кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непременно вынесутъ ему на-встрѣчу чего-нибудь съѣстнаго. Блины составляютъ почти у всѣхъ непремѣнную принадлежность стола во время поминовъ.

На другой день послѣ погребенія, родственники устраиваютъ похоронный пиръ, для котораго рѣжутъ много скотины и барановъ.

Надъ убитымъ въ дѣлѣ съ непріателемъ, ставился особый знакъ, съ разноцвѣтнымъ флагомъ и съ необыкновенною торжественностію, въ которой участвовали всѣ жители аула.

Нигдѣ не находились въ такомъ почетѣ могилы убитыхъ въ сраженіи съ русскими, какъ въ воинственной Чечнѣ и во всѣхъ остальныхъ владѣніяхъ, подвластныхъ Шамилю.

Безпрерывная и энергическая война, происходившая въ Чечнѣ, причинила ей большія потери. Существованіе множества кладбищъ на равнинѣ и въ горахъ, на высотахъ и по ущельямъ, остались теперь безмолвными свидѣтелями множества павшихъ жертвъ, надъ которыми видѣются многочисленные группы памятниковъ съ копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженныхъ копьями

и развѣвающихся своими разноцвѣтными флюгерами. Вся Чечня — Большая, Малая и Нагорная — наполнены этими нѣмыми памятниками потерь горцевъ и ихъ отчаянной борьбы съ русскими. Всѣ эти памятники придають странѣ какой-то грустно-величественный характеръ. Подъ ними скоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди, потому что народъ не каждому убитому ставилъ подобный памятникъ; а чтобы имѣть право на этотъ почетный знакъ, составлявшій высочайшую награду смѣлому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростію, или какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ. Церемонія вооруженія такого копья съ флюгеромъ на могилѣ шагида была чрезвычайно величественна и рассчитана такъ, чтобы въ каждомъ присутствующемъ возбудить храбрость и самоотверженіе.

Шамиль хорошо понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ подобная церемонія на духъ чеченцевъ, поощрялъ и поддерживалъ эти обряды. Въ Ичкеріи почти при каждомъ аулѣ есть цѣлая группа шагидовъ, вѣющихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Самъ имамъ, какъ бы въ примѣръ другимъ, поставилъ памятникъ съ великолѣпнымъ шагидомъ нѣкогда знаменитому въ Чечнѣ наибу Шуаинъ-муллѣ.

Могилы умершихъ пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ. Отправляясь на работу, они заходятъ на кладбище поклониться праху родственника. Возвращаясь же съ работы, если съ покосу, то кладутъ на могилу клочекъ травы, а при уборкѣ хлѣба или при посѣвѣ — сыпятъ на могилу зерна.

Характеръ страны и народа.

Собственно говоря, слово лезгинъ неизвѣстно туземцамъ, и ни одно мельчайшее общество не называетъ себя этимъ именемъ. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, слово лезгинъ на турецкомъ языкѣ означаетъ «горскій житель».

Это есть общее названіе, не принадлежащее исключительно какой-либо націи. Другіе говорятъ, что лезгинъ значить разбойникъ, хотя и неизвѣстно на какомъ языкѣ. Наконецъ, трети называютъ многія общества, населяющія Дагестанъ, тавлинцами.

Первое мѣсто въ Дагестанѣ, по числу населенія или, лучше сказать, по единоплеменности, принадлежитъ аварскому племени.

Аварское племя дробится на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впоследствии подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Самую сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ Салатавія или Салатау. Салатавцы народъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ рыжими волосами и голубыми глазами. Они считались всегда народомъ хищнымъ, энергичнымъ и кровавымъ.

Непосредственно къ Салатавіи примыкаетъ Гумбетъ, а къ юго-западу отъ Гумбета—лежитъ Андія. Андійцы говорятъ своимъ особымъ языкомъ, народъ воинственный и считались однимъ изъ храбрѣхъ въ Дагестанѣ. Андійцы разводять овецъ, и по своему достоинству андійскія бурки славятся не только въ Дагестанѣ, но и среди сосѣднихъ племенъ, и уступаютъ въ достоинствѣ только абхазскимъ и кабардинскимъ.

Непосредственно къ гумбетовцамъ примыкали койсубулинцы, а рядомъ съ ними лежитъ Аварское ханство.

У восточнаго истока Андійскаго Койсу, по сосѣдству съ тушинами, занимающими котловину западнаго истока этой рѣки, поселилось общество Дидо, или Цунта, народъ неуклюжій, грубый и дивій, Дидойцы сами себя называютъ цеза, т. е. орлы, хотя съ виду вовсе не похожи на нихъ. «По виду, говоритъ Н. И. Вороновъ, они гораздо правильнѣе цунта, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ; ихъ угодыя—альпійская луговая полоса горъ». Дидойцы живутъ въ котловинѣ, образуемой двумя снѣговыми хребтами.

Большая часть народонаселенія Дагестана принадлежитъ къ аварскому или лезгинскому племени, населяющему почти всю западную часть его.

Провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю, вслѣдствіе долгого тамъ владычества персіянъ, утратили во многомъ первобытный характеръ, смѣшались съ персіянами и отличаются нѣсколько въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ отъ жителей горъ.

Что касается до языка, то едва-ли найдется такой край, въ которомъ бы, подобно Дагестану, на столь незначительномъ пространствѣ, было-бы такое разнообразіе нарѣчій.

Почти каждое общество, владѣніе и даже селеніе или ауль—имѣ-

ПРАВДИНЪ У БОГАТАГО ЗАКАВНАЗСКАГО ТАТАРИНА.

ють свое нарѣчіе, а нѣкоторые аулы говорятъ даже языкомъ, непонятнымъ для сосѣдей. Такъ напримѣръ, селеніе Инухъ, Дидойскаго общества, состоящее только изъ 30 семействъ, и селеніе Арчи, въ 170 дворовъ, находящееся въ Казикумскомъ округѣ, говорятъ каждое на особомъ языкѣ, понятномъ только имъ однимъ.

Сами дагестанскіе горцы не могутъ опредѣлить положительной границы между племенами и обществами, и никто прежде не зналъ съ достовѣрностію, гдѣ кончаются владѣнія одного общества и начинаются другаго, потому что не находилось охотниковъ спорить за голыя, бесплодныя скалы и за хребты горъ, пересѣкающіе ихъ владѣнія по всемъ направленіямъ. Камни же, на которыхъ можетъ держаться земля для посѣвовъ, или лоскутъ лужайки, поросшей травой, были причиною нескончаемыхъ споровъ и даже убійствъ.

Лѣсъ составляетъ рѣдкость въ горахъ Дагестана и крайне бережется жителями. Какъ драгоценнѣе лѣсъ, можно судить изъ того, что въ Аваріи однимъ изъ жестокихъ наказаній было разореніе нѣсколькихъ комнатъ у провинившагося. Хотя дома тамъ все каменные, но лѣсъ необходимъ для балокъ, настилки потолка и для дверей, и обыкновенно проходилъ годъ, два и даже нѣсколько лѣтъ, пока разоренный соберется со средствами, чтобы отстроить свой домъ. Вотъ причина, по которой въ Дагестанѣ разореніе нашими войсками селеній составляло существенное наказаніе для жителей.

Сложные изъ бревенъ и камня, и охваченные огнемъ, дагестанскіе дома превращаются въ груды мусора, который несравненно труднѣе и убыточнѣе разобрать и употребить на постройку сакли, чѣмъ заготовить новый матеріалъ. Съ разореніемъ дома, горецъ становился нищимъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны и березы, растутъ на крутыхъ и высокихъ скалахъ, пересѣкаемыхъ глубокими ущельями, ловомъ сказать, въ такихъ трущобахъ, изъ которыхъ добываніе его крайне затруднительно, часто сопряжено съ опасностями жизни,

а зимою и положительно невозможно. Лѣсъ растетъ на такихъ мѣстахъ, что врядъ-ли когда нибудь будетъ возможно имъ пользоваться.

Хлѣбопашество, отъ постоянныхъ вторженій непріятеля и неимѣнія удобной земли, находится въ весьма плачевномъ положеніи. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ удовлетворительно только на низменностяхъ, въ ущельяхъ и на покатосяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу, южныя склоны песчаны и неплодородны. Скалистая природа причиною того, что во многихъ мѣстахъ горцамъ приходится присыпать земляныя площадки и обрабатывать ихъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли недостаетъ даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпаютъ землю, смѣшанную съ камнемъ. Присыпка эта производится такъ: параллельно къ отлогой горѣ выстраивается, по возможности, длинная, каменная стѣна на глинѣ, вышиною отъ 1 до 2 саж., а шириною въ полсажени. Пространство между стѣною и отлогостію горы засыпается землею, взятою съ той же горы и утрамбованною; она-то и составляетъ площадку или пахатное поле горца. Нѣсколько такихъ площадокъ, устроенныхъ на одной и той же горѣ, уступами въ видѣ лѣстницы орошаются весьма искусно водою, проводимою изъ рѣкъ и родниковъ, и даютъ довольно сносный урожай.

Скотоводство также находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Рогатый скотъ мелкій и худой. Хозяинъ не заботится объ уходѣ за нимъ, и совершенно равнодушно смотритъ, какъ его скотъ худѣетъ и едва волочитъ ноги.

Овецъ держать въ значительномъ количествѣ, большею частію только богатые, а бѣдные имѣютъ по нѣскольку штукъ и круглый годъ содержатъ на подножномъ кормѣ, подъ надзоромъ пастуховъ, нанятыхъ цѣлымъ ауломъ. Лошади мелки, некрасивы, но сносны въ ѣздѣ; ихъ держатъ не всякій. Для перевозки тяжестей на вьюкахъ по горамъ, держатъ эшаковъ, или мелкихъ ословъ, которые подни-

мають отъ 3 до 5 пудовъ груза. Эшахъ чрезвычайно сносливъ, хозяинъ почти его не кормитъ въ теченіи года, и онъ самъ себѣ отыскиваетъ пищу и въ навозѣ, и подъ снѣгомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана жители занимаются садоводствомъ, и въ садахъ встрѣчаются яблоки, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы, черешни, грецкіе орѣхи, инджиръ и миндаль. Плоды эти большею частію потребляются на мѣстѣ, или продаются и вымѣниваются на другія произведенія земли, въ ближайшихъ городахъ, или же на издѣлія жителей тѣхъ селеній, которые не занимаются садоводствомъ.

Всѣ дагестанцы, за немногими исключеніями, магометане-суниты, но въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Ахты находится селеніе Мескенджи, населенное магометанами-шіитами. Вначалѣ существовала довольно сильная вражда между этими двумя селеніями, доходившая употребленія оружія и кровопролитія. Послѣ значительной потери, оба селенія, имѣя равныя силы, заключили между собою условіе и поклялись ненавидѣть другъ друга въ душѣ, но никогда не ссориться между собою. Условіе это соблюдается не только свято между жителями обоихъ селеній, но даже ахтинцы не позволяютъ сосѣдямъ обижать мескенджинцевъ и обратнo.

Среди джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ исповѣдуютъ христіанскую религію ингилойцы, принадлежащіе къ грузинской народности, но поработанные лезгинами при водвореніи послѣднихъ на земляхъ нѣкогда принадлежавшихъ Грузіи. Хотя нѣкоторые изъ ингилойцевъ и вынуждены были принять исламъ, но за то многіе, въ теченіи трехъ столѣтій, не забыли вѣры предковъ. Они соблюдаютъ посты въ установленные дни, молились въ стѣнахъ старыхъ церквей, хранили у себя, какъ святыню, евангеліе, чаши и прочіе священные предметы, и, для совершенія разныхъ требъ тайно приглашали къ себѣ грузинскихъ священниковъ изъ ближайшаго Сигнахскаго уѣзда.

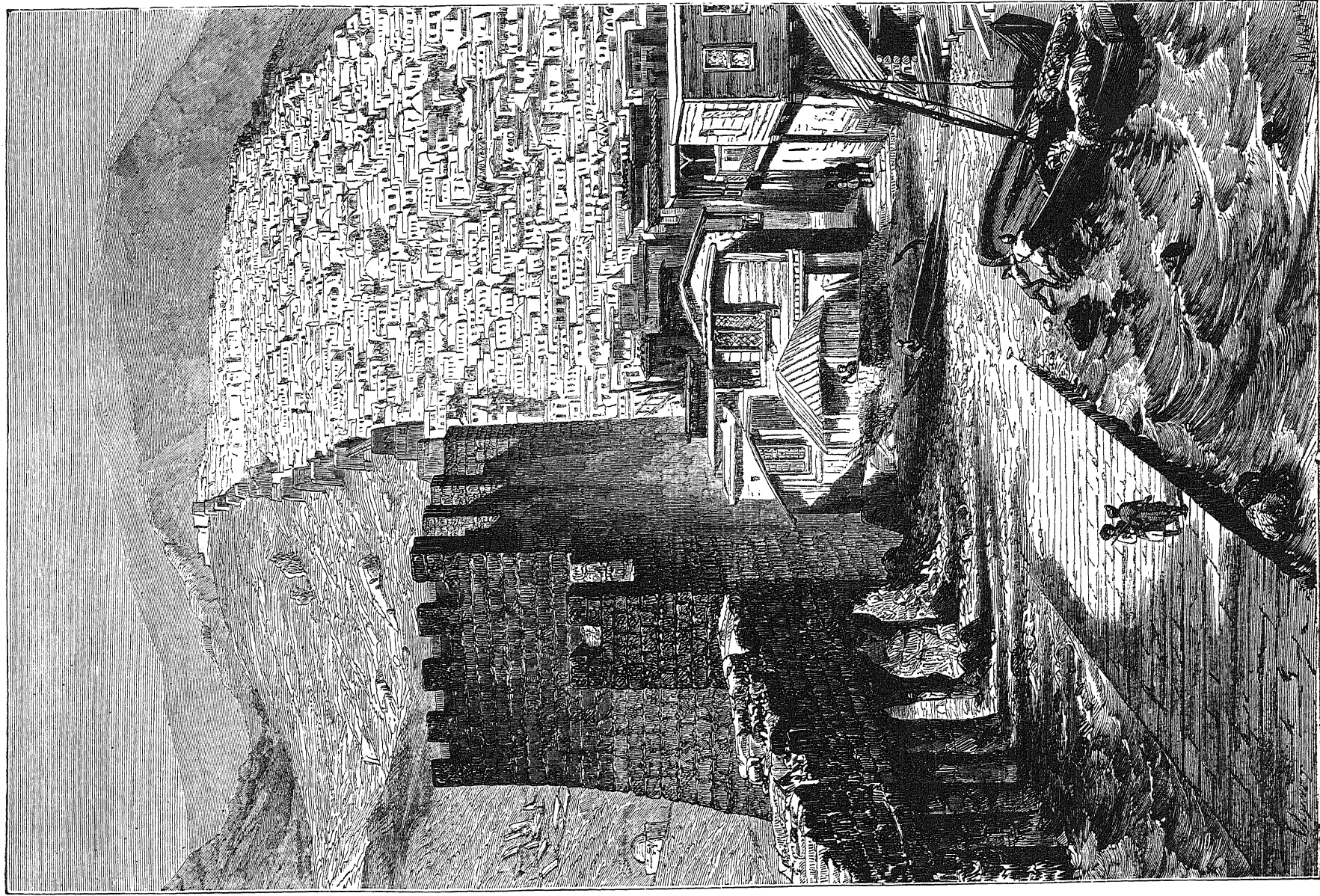
Переодѣвшись въ лезгинскій костюмъ, пробирались по ночамъ пастыри церкви въ дома ингилойцевъ, гдѣ крестили ихъ дѣтей и совершали другія таинства.

Будучи мусульманами, лезгины придерживаются въ большинствѣ сунитскаго толка, а ихъ суевѣріе и вообще обряды весьма сходны съ тѣмъ же у другихъ сосѣдей ихъ и въ особенности чеченцевъ. Поэтому въ настоящемъ очеркѣ мы объ этомъ говорить не будемъ, а остановимся только на наиболѣе характеристичныхъ сторонахъ быта.

Не смотря на всеобщую бѣдность и неопрятность, горецъ смотритъ гордо и весело. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, преимущественно средняго роста, сухощавъ, смугль и черноволосъ. Суннитъ брѣетъ голову, шить же пробиваетъ широкую полосу, отъ лба до затылка и до самой шеи, оставляя только съ боку головы, подлѣ ушей, длинныя пряди волосъ. Обѣ секты ровно подстригаютъ бороду и весьма рѣдко брѣютъ ее; мюриды носили бороду треугольникомъ. Люди, имѣющіе значеніе въ обществѣ, и почетные старики красятъ бороду и ногти хной въ шафранный цвѣтъ. Джаро-бѣлаканцы имѣютъ черты лица весьма пріятныя, носъ умѣренный, губы небольшія, волосы гладкіе. Они стройны, цвѣтъ кожи у мужчинъ смугль, у женщинъ—бѣль и нѣжень.

Горецъ вспыльчивъ, мстителенъ и помнитъ обиду долго, смысленъ, хитеръ, лукавъ, корыстолюбивъ и охотникъ до вляузъ.

Вообще въ характерѣ горца есть много хорошаго, но за то есть много и дурнаго, и послѣднее едва-ли не превышаетъ первое. Народъ обладаетъ большими умственными способностями, но употребляетъ ихъ на дурные поступки. Прикинувшись святошею, человекомъ благонамѣреннымъ и добродѣтельнымъ, онъ дѣлаетъ это такъ ловко, что часто приводитъ въ смущеніе и обманываетъ своихъ земляковъ. Всѣ человѣческіе недостатки и пороки особенно рельефно высказываются здѣсь потому, что никто не считаетъ нужнымъ скры-

вать ихъ отъ постороннихъ, никто не стыдится своихъ слабостей. Все это, конечно, происходитъ отъ необразованности и невоспитанія. Единственное образованіе, которое получаютъ дѣти, есть умѣнье читать коранъ и его толкованія. Рѣдко можно встрѣтить лицъ, занимающихся ремесломъ, но и эти лица самоучки. Желаніе пріобрѣсти легкимъ способомъ средство къ пропитанію сдѣлало горца вкрадчивымъ, приторно-льстивымъ и завистливымъ. Если онъ не видитъ, что вы можете быть ему полезны, онъ держитъ себя относительно васъ гордо; но если онъ рассчитываетъ на васъ, надѣется получить какую-либо выгоду, то унижается до того, что не только обнажить передъ вами бритую свою голову, но будетъ цѣловать руки, не отличая раба отъ господина или гяура отъ мусульманина. Если при этомъ расчеты его окажутся невѣрными, и человекъ, на содѣйствіе котораго онъ рассчитывалъ, окажется безсильнымъ для осуществленія его корыстолюбивыхъ видовъ, то онъ, какъ бы въ отпущеніе за свое напрасное униженіе, оплачиваетъ ему презрѣніемъ, бранью и насмѣшками. Зависть горца не имѣетъ границъ, и изъ-за нея онъ готовъ причинить всевозможное зло даже и ближайшему своему родственнику.

Движенія горца мягки и быстры, походка рѣшительная и твердая, словомъ, во всемъ видна гордость и сознаніе собственного достоинства. Особенно, если онъ богатъ, обвѣшанъ оружіемъ, блестящимъ серебромъ, если на немъ надѣтъ богатый лезгинскій нарядъ: чоха, обшитая серебряными галунами, шелковый архалукъ, широкія шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками и черная баранья шапка, да если ко всему этому онъ сидитъ на добромъ конѣ, то нельзя не любоваться его рыцарскимъ видомъ. Къ сожалѣнію, богатство и опрятность въ одеждѣ весьма рѣдко встрѣчаются между горацами.

На сколько костюмъ лезгина отличается отъ костюма чеченца, видно изъ приложеннаго рисунка. Поэтому мы здѣсь не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ.

На сколько костюмъ мужчины принаровленъ къ тому, чтобы обнаружить всѣ физическія достоинства, на столько же костюмъ женщины неудобенъ, неловокъ, скрадываетъ всю ея красоту и тройность.

Драгоценности и украшенія женщинъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перетняхъ, дѣлаемыхъ изъ серебра и не лишенныхъ нѣкотораго вкуса. Имѣя по большей части видъ полулунія, серьги цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ тяжелѣе, а потому онѣ не только оттягиваютъ уши, но встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны тяжестью серегъ. Браслеты точно также массивны, дѣлаются на подобіе той желѣзной витой цѣпи, которая употребляется часто на лошадиныхъ уздечкахъ; запонки ихъ имѣютъ видъ большихъ печатей и надѣваются часто по три штуки, и такъ, чтобы запонки находились въ одной линіи. Нѣкоторыя носятъ янтарныя четки, а люди бѣдные дѣлаютъ ихъ изъ гороху и бобовъ.

Утромъ и въ обѣденную пору мужчина не прихотливъ, но за то требуетъ отъ хозяйки, чтобы ему былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ обыкновенное время, днемъ, горцы не ѣдятъ ничего теплаго только въ холодное время они употребляютъ теплую пищу. Возставъ отъ сна, онъ завтракаетъ или, лучше сказать, пьетъ воду, смѣшанную съ поджаренною пшеничною мукою; во время обѣда ѣстъ, что случится, а иногда ограничивается однимъ чурекомъ или толокномъ, къ которому прибавляетъ немного молока, сыворотки или просто воды; вечеромъ же хозяинъ требуетъ, чтобы былъ приготовленъ хингалъ. Самую употребительную пищу горца составляетъ чуреки, хингалъ, кукуруза и проч. Хозяйка беретъ ячменную, кукурузную или, очень рѣдко, пшеничную муку и мѣситъ тѣсто, изъ котораго приготовляетъ круглыя лепешки и нѣчто въ родѣ широкой лапши.

Кукурузу ѣдятъ вареную съ солью. Отправляясь изъ дому или въ походъ, горецъ беретъ съ собою чурекъ и муку, поджаренную на сковородѣ; за неимѣніемъ и этого, въ случаѣ продолжительнаго похода, онъ довольствуется нѣсколькими листьями растенія, похожаго

на шавель. Мясо и курдюки сала занимают почетное мѣсто въ жизни горца. Изъ продуктовъ этого рода приготовляются кушанья только у самыхъ богатыхъ, или во время роскошныхъ обѣдовъ. Мясо составляетъ рѣдкость въ пищу бѣднаго жителя, и варится только тогда, когда пожелаетъ того глава семейства, безъ разрѣшенія котораго жена не смѣетъ распоряжаться въ хозяйствѣ и самую бездѣлицю. Въ то время, когда жена вѣшаетъ на огонь котель, мужъ, лѣниво развалившись возлѣ камина или очага, указываетъ ей на висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы. Она подаетъ ему, а онъ, не нарушая своего спокойствія, отрѣзавъ сколько нужно и, повертѣвъ его предъ огнемъ, чтобы опалить шерсть, рѣжетъ на куски и, сосчитавъ ихъ, опускаетъ съ молитвою въ котель собственноручно.

Хозяйки дома пользуются этимъ случаемъ, и передъ тѣмъ, какъ снять котель съ очага, собираютъ ложкою весь жиръ, образовавшійся на верху напара. Жиръ этотъ выливается потомъ въ чашки и, застывшій, употребляется для намазыванія головъ правовѣрныхъ послѣ бритья, для смазыванія рукъ, ногъ, кожаной обуви, а иногда, смѣшанный съ толокномъ, составляетъ лакомство для дѣтей, мало знакомыхъ со вкусомъ мяса.

Употребляютъ въ пищу иногда и конину, но лошадь свою хозяйинъ рѣжетъ только тогда, когда она заболѣетъ такъ, что ей не останется прожить болѣе четверти часа; быковъ рѣжутъ только извѣстные богачи, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Пьютъ бузу и угощаютъ ею гостей. Буза противный, но опьяняющій напитокъ; она готовится изъ ячменнаго солода.

Какъ умѣренъ въ пищу горецъ въ обыкновенное время, такъ, напротивъ того, въ гостяхъ онъ съѣдаетъ огромное количество, чему способствуютъ, конечно, и сами хозяева.

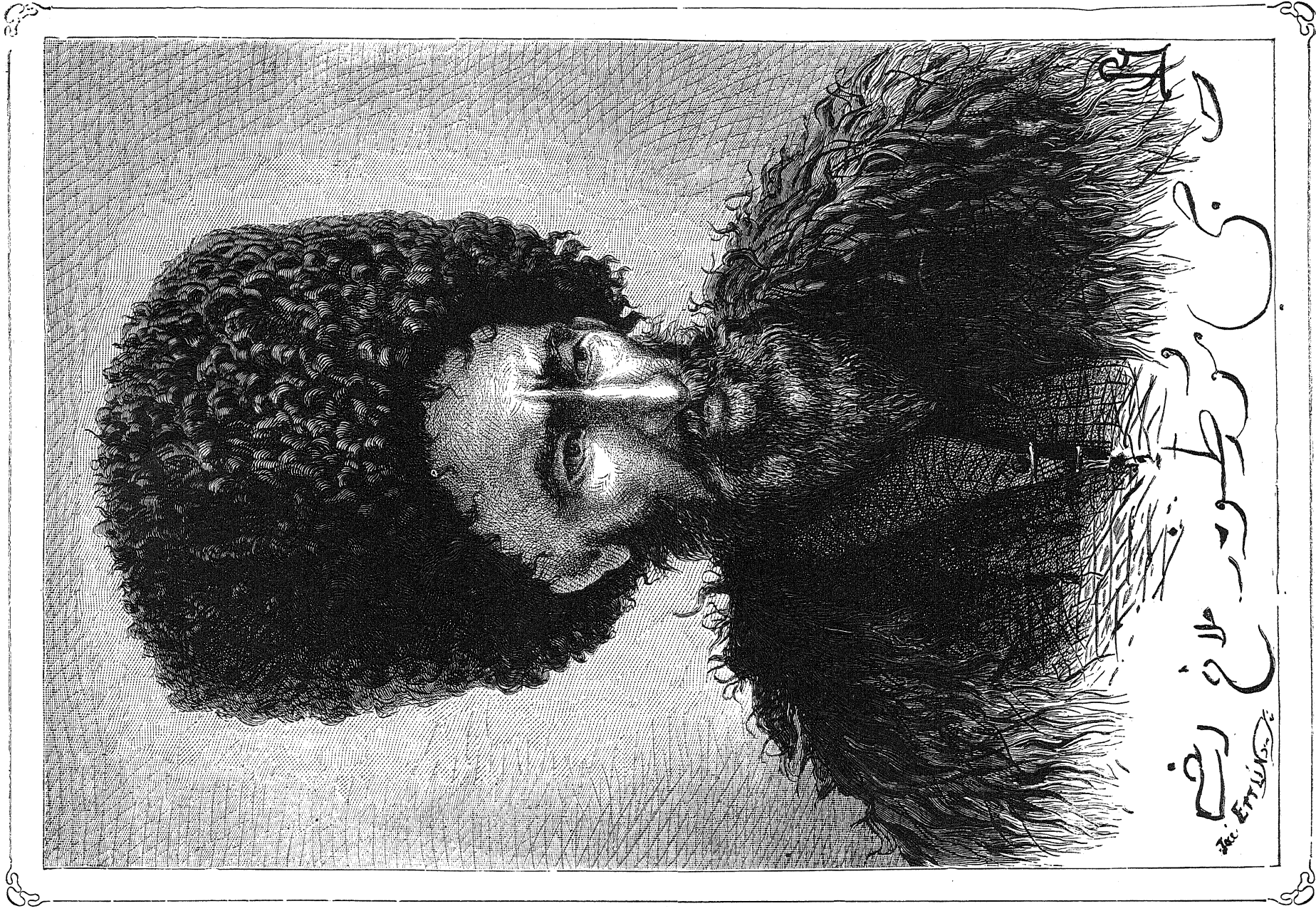
Въ гостѣ каждый видѣлъ собственное развлеченіе, источникъ новостей, которыя могъ сообщить пріѣзжій и удовлетворить любо-

пытство хозяина. Всѣ такія новости сносились потомъ въ общую кучу, на аульной сходкѣ, и дѣлались достояніемъ всѣхъ одноаульцевъ.

Большую часть лезгинскихъ ауловъ окружаютъ голыя скалы, приближаясь къ которымъ, гдѣ нибудь на пригорѣ, видна скученная масса сѣрыхъ, каменно-деревянныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна надъ другою, безъ внутреннихъ дворовъ. Изъ каждой клѣтушки глядитъ нѣсколько миниатюрныхъ отверстій, то круглыхъ, то четырехъ-угольныхъ—это окна безъ рамъ, переплетовъ и безъ стеколъ. Они служили нѣкогда и амбразурами, такъ что брать съ боя кучку сѣроватыхъ сакель аула было все равно, что брать крѣпость. Улицы ауловъ Дагестана чрезвычайно извилисты, узки, круты и состоятъ часто изъ ступенекъ, образуемыхъ изъ безпорядочно набросанныхъ каменьевъ, острыхъ и неровныхъ. При встрѣчѣ двухъ человекъ въ такой улицѣ, имъ трудно разойтись иначе, какъ повернувшись бокомъ; а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкою. Причиной такой тѣсноты улицъ бываетъ часто сбоку обрывъ въ нѣсколько сажень, не позволяющій сдѣлать ихъ болѣе широкими. Грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность ауловъ; даже общественныя зданія, какъ напримѣръ мечети, содержатся неопрятно. Всѣ дома построены сжато: одинъ прилѣпленъ къ другому.

Стараясь укрѣпить свои дома отъ непогоды, жители, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагали свои деревни на такой мѣстности, которая могла бы представить наиболѣе выгодъ при оборонѣ отъ вторгающагося непріятели. Отъ этого деревни ихъ или спустились въ глубокіе овраги, гдѣ прикрываются нависшими скалами, те тянутся не вдоль подошвы горъ, а по скату ея, и лѣнятся одна надъ другою въ видѣ амфитеатра, или, наконецъ, пріютились на такой крутой возвышенности, что доступъ къ ней весьма затруднителенъ.

Мѣста аула, доступныя непріятели, закрывались каменною стѣ-

ЛЕВГИНЪ ХАДЖИ МУРГУЗЪ.

ною съ бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стѣну замѣняли простой плетень изъ хвороста, перевитого въ два ряда и вооруженнаго колючками. Въ стѣнѣ, окружающей аулу, располагались ворота, для выѣзда въ поля или сосѣдніе аулы; со сторонъ же, не подверженныхъ непріятельскому нападенію, ни воротъ, ни стѣнъ не было.

Въ послѣднее время горцы, и въ особенности даргинцы и мехтулинцы, стали устраивать сторожевыя башни, на подобіе нашихъ казачьихъ вышекъ. Башни эти строились на такихъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть окружающую мѣстность на значительное разстояніе, и занимались днемъ и ночью карауломъ изъ ближайшихъ ауловъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, сабли и всѣ надворныя службы строятся изъ камня и глины, а другія просто сложены изъ камня безъ глины. При недостаткѣ камня строятъ изъ нежженнаго кирпича, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ плетуть изъ хвороста, обмазаннаго внутри и снаружи глиною.

Строеніе горца разгорживается и въ верхнемъ этажѣ на отдѣльныя продолговатыя комнаты, величина которыхъ совершенно зависитъ отъ произвола хозяина, и бываетъ отъ четырехъ до двухъ сажень въ длину и отъ пяти до трехъ арш. въ ширину. Въ одной такой комнатѣ помѣщается все семейство хозяина, въ другихъ женатые сыновья, каждый отдѣльно, и затѣмъ всѣ прочія помѣщенія служатъ складомъ грушъ, яблокъ, разныхъ овощей и другихъ произведеній сельскаго быта. Тутъ же въ углу наложены серпы, топоры, кирки, шерстяныя веревки, ремни и прочее.

Окна дѣлаются въ стѣнѣ, выходящей на дворъ, весьма малы и не имѣютъ стеколъ, а закрываются изнутри ставнями или рамами со съезною рѣшеткою, иногда съ узорчатою рѣзбою, выкрашенною яркими цвѣтами. Двери, хотя и двухстворчатыя, но, по большей ча-

сти, очень низки, притворяются съ внутренней стороны и не имѣютъ запоровъ.

Одна изъ комнатъ оставляется свободною, лучше другихъ убранная и покрытая паласами, или коврами; она называется кунахскою и служитъ для приѣма гостей.

Нѣтъ дома сколько нибудь зажиточнаго горца, въ которомъ бы не было подобія балкона—навѣсъ, поддерживаемый стойками, утвержденными въ землѣ. Внутренность же жилища имѣетъ сходство съ жилищами и другихъ горцевъ.

Горецъ спитъ на полу, стаскиваетъ туда тюфяки и подушки, раздѣвается до-гола, не снимаетъ только папахи, и прикрывается одеяломъ изъ бумажной набойки, подложенной бараньей шерстью. На балконѣ ставятъ деревянную, грубой работы, кровать, на которой всегда лежитъ тюфякъ и подушка, на которыхъ отдыхаетъ лѣтомъ хозяинъ въ теченіи дня.

Столбы, подпирающіе потолокъ и часть стѣнъ, увѣшиваются оружіемъ, большими овчинными шубами, новыми и старыми, и маленькими ночными папахами изъ бараньей шкуры; неподалеку отъ двери, на поперечной стѣнѣ, висятъ два мѣдные таза, которые часто во время пирушекъ служатъ музыкальными инструментами и подносами.

Общественный и семейный бытъ.

Жизнь горца проходитъ однообразно, скучно и, по большей части, бесплодно. Повсюду видно какое-то наводящее тоску спокойствіе, и въ цѣломъ селеніи незамѣтно никакого движенія, не слышно ни пѣсни, ни музыки—точно все вымерло подъ вліяніемъ деспотическаго гнета Шамиля, преслѣдовавшаго всякое проявленіе веселости. Горецъ проводилъ свое время или въ кунахской среди гостей,

или на общественной сходкѣ. Гостепрѣимство между лезгинами развито не менѣе, чѣмъ у другихъ горскихъ народовъ.

Въ каждомъ селеніи есть непремѣнно гудебанъ, или площадка съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, подъ которымъ въ назначенные дни собирается сельское общество для совѣщаній, и гдѣ, за отсутствіемъ его, ежедневно съ утра и до вечера сидятъ бѣлобородые старцы, поучающіе молодежь, занятые серьезнымъ разговоромъ или передачею другъ другу новостей. Многіе приходятъ сюда съ самаго ранняго утра, какъ только budouъ (помощникъ муллы) призываетъ народъ къ молитвѣ.

Проснувшись раньше всѣхъ, передъ утреннею зарею, budouъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на-распѣвъ, предупреждаетъ правовѣрныхъ.

Призывъ будуна служитъ сигналомъ къ потягиванію, ворочанію съ бока на бокъ и зѣванію, передающихся изъ одной сакли въ другую. Женщины торопливо вскакиваютъ съ своей постели и, нашептывая молитву, снимаютъ со стѣны мѣдные или деревянные тазы такой величины, что два человѣка могутъ свободно уѣсться въ нихъ. Наливъ въ нихъ нагрѣтую воду, чета правовѣрныхъ полщится въ тазахъ и, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь, ограничивается обливаніемъ семи членовъ. Бѣдные, не имѣющіе подобныхъ тазовъ, спѣшатъ въ куллу*), общественную ванну, устроенную подлѣ мечети, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ своихъ сараяхъ.

Торопливо окончивъ, послѣ тѣлеснаго очищенія, утреннюю молитву, только нѣкоторые изъ мужчинъ, преимущественно люди пожилые и старики, принимаются за чтеніе корана; всѣ же остальные закутываются въ свои сагулы—широкія, длинныя безъ рукавовъ шубы,

*) Куллою называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни или подлѣ мечети, и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія.

и засыпаютъ, предоставляя женщинамъ хлопотать по хозяйству. Послѣднія принимаются за ежедневныя работы.

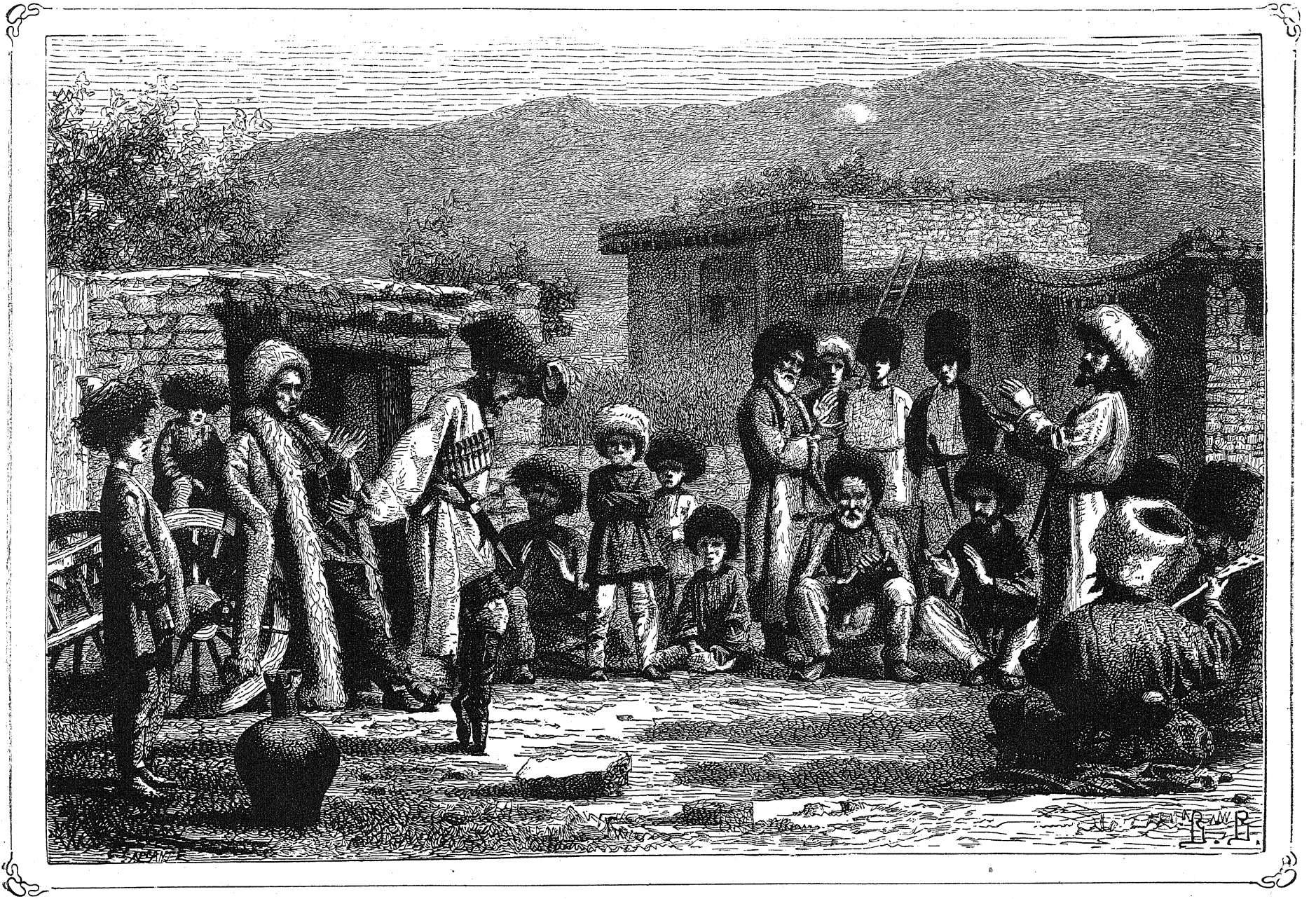
Зимою, во время сильныхъ морозовъ, никто не показывается на улицѣ, пока не проглянетъ солнце; но едва оно покажется, какъ все населеніе, отъ мала до велика, высыпаетъ на крыши сакель, стараясь подставить свои бока подъ согрѣвающіе лучи солнца.

Солнечная теплота располагаетъ горцевъ къ пріятнымъ занятіямъ, состоящимъ исключительно въ самоочищеніи и изгнаніи изъ своего костюма насѣкомыхъ.

Въ такое время дня и при солнечномъ освѣщеніи, почти на каждой крышѣ можно видѣть группы сидящихъ и полужащихъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, занимающихся разсматриваніемъ своего костюма.

Горецъ, почувствовавшій надобнаго насѣкомаго, въ какой бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папахи, отъ лѣтняго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣняясь ни мѣстомъ, гдѣ отерылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ гдѣ самъ находится, ни чьимъ бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ повальный обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ же всенародно наказывается. Послѣ этой операціи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогноцируя съ тою же цѣлю заповѣдныя части своего туалета или держа разостланную на колѣняхъ свою рубаху и оставаясь по поясъ ничѣмъ не покрытою, немедленно оставляетъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье.

Подобное занятіе женщины тѣмъ болѣе интересно, что она, во время владычества Шамиля и господства шаріата, оставаясь по

ЛЕЗГИНКА.

поясъ совершенно голою, старалась закрыть свое лицо, чтобы не соблазнить правовѣрныхъ мужскаго пола.

Одновременно съ этимъ, на крышѣ сосѣдней сакли, туземецъ, смотря въ зеркало, выщипываетъ на бородѣ и щекахъ волосы, или производитъ ту же операцію надъ товарищемъ, лежащимъ къ верху лицомъ. Дочь заботливо осматриваетъ волосы своей матери и для этого кладетъ ея голову на свои колѣни, или осматриваетъ рубаху своего отца, который, надѣвъ на голое тѣло овчиную шубу, занимается осматриваніемъ своего папаха. Болѣе религіозные люди, перебирая четки и поднявъ къ верху лицо, съ закрытыми глазами, безсознательно, нашептываютъ молитву; наконецъ нѣкоторые, растянувшись во всю длину, сладко дремлютъ подъ лучами зимняго солнца.

Тихо въ воздухѣ, еще тише въ аулѣ; каждый занятъ своимъ дѣломъ на столько, что, повидимому, никто не рѣшится перемѣнить мѣста или нарушить пріятное для него занятіе, исключительно посвященное собственному тѣлесному очищенію. Такова картина мирныхъ занятій горца. Въ прежнее время однообразіе это нарушалось изрѣдка бранною жизнью. Тогда случалось, что извилистые переулочки и крутыя околицы селенія наполнялись толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные жарили на открытомъ воздухѣ шашлыкъ, другіе стоятъ возлѣ, третьи сидѣли или бродили вокругъ своихъ коней. Всѣ они одѣты бывали въ буркахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами за поясомъ. Одежда ихъ не отличалась ни тонкостію, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ руки на крестъ или взявшись за рукоять кинжала, или наконецъ, опершись на ружье, стоялъ такъ гордо, какъ будто былъ властителемъ вселенной, попираемой его ногою.

Вся толпа эта собиралась, бывало, съ разныхъ сторонъ послѣ ночнаго набѣга, и если случалось, что привозила съ собою русскаго плѣннаго, то онъ становился предметомъ всеобщаго любопытства:

его щупали, осматривали и спрашивали о мастерствѣ какое онъ знаетъ, о числѣ русскихъ войскъ и намѣреніи ихъ. Нѣкоторые кичились своею храбростію и прославляли свою независимость.

«Съ тѣхъ поръ, говорили они, напримѣръ, какъ солнце блеститъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе вздумали удержать рѣшетомъ Койсу нашу; пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики.... милости просимъ! Хотя бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не вынести бы вамъ назадъ пары языковъ, чтобы рассказать своимъ о горскомъ угощеніи. У насъ мало мѣсто подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами».

Въ домашнемъ быту лезгинны чрезвычайно неопрятны, носятъ бѣлье и платье до износа и перемѣняютъ его или, лучше сказать, замѣняютъ новымъ только тогда, когда оно, какъ говорится, свалится съ плечъ. О мытьѣ бѣлья они не имѣютъ понятія, и запаса платья, на случай перемѣны, не имѣютъ; оттого къ одеждѣ ихъ или постели невозможно прикоснуться: тамъ цѣлый рой вшей. Новое платье шьютъ тогда, когда старое такъ изорвется, что носить его уже нѣтъ возможности. Но прежде чѣмъ надѣть новый платокъ или рубаху, хозяйка кладетъ ихъ въ котель, примѣшиваетъ туда золы и сала и, такимъ образомъ, превращаетъ свой новый костюмъ въ грязную сальную тряпку, которую и надѣваетъ затѣмъ на свое тѣло. Предварительная операція эта производится потому, что если женщина надѣнетъ чистый новый платокъ или рубаху, то злые языки скажутъ: «она чиста оттого, что владѣтельница ихъ никогда не видитъ въ глаза мяса или курдючьяго сала». На основаніи такого правильнаго взгляда, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ грязнѣе и сальнѣе она одѣвается. Только нѣсколько ауловъ, какъ напримѣръ, Ирганай, Могохъ и Карату, не слѣдуютъ этому закону и отличаютъ

ся своею опрятностію въ одеждѣ. Населеніе этихъ ауловъ одѣвается довольно чисто, даже щеголевато, но за то про нихъ сосѣди отзываются съ большою насмѣшкою.

Тяжелыя работы, лежація на женщинѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣлаютъ то, что онѣ развиваются очень неправильно и скоро старѣются, сохраняя только надолго прекрасныя и полныя страсти глаза—неотъемлемое сокровище каждой.

Вся жизнь лезгинки есть трудъ, и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимся въ аулъ двухъ-трехъ ословъ, навьюченныхъ ношею, за ними съ большою еще ношею, тащится женщина, имѣющая, кромѣ того, за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любого джугаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считаая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина.

Женщина въ Дагестанѣ есть ни что иное, какъ самаа для выживанія дѣтей, и рабочей скотъ, не имѣющей ни минуты отдыха.

Въ домашнемъ быту горца женщина и эшакъ одинаково нагружаются. Горянка такъ привычна къ тяжелой работѣ, что, при транспортировкѣ провіанта для нашихъ войскъ, многія изъ нихъ добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своихъ плечахъ, на разстояніи до тридцати верстъ, кули муки въ три пуда вѣсомъ, и притомъ по трудно доступнымъ дорогамъ.

Разграниченіе въ положеніи мужчины и женщины дѣлается съ самаго ранняго возраста. Часто можно видѣть девятилѣтнихъ дѣвочекъ, возвращающихся съ рѣки съ огромными кувшинами воды, тогда какъ мальчики тѣхъ же лѣтъ, а иногда и болѣе взрослые, ничего не дѣлаютъ. Не удивительно послѣ того, что женщины старѣются весьма скоро и дѣлаются горбатыми до такой степени, что въ каждомъ аулѣ можно встрѣтить нѣсколько старухъ, ходящихъ

на четверенькахъ. Помочь женѣ въ ея работѣ мужъ считаетъ дѣломъ постыднымъ, и даже въ случаѣ болѣзни жены онъ ни за что не станетъ исполнять ея работы, а обратится съ просьбою къ сосѣдкамъ распорядиться и позаботиться о его хозяйствѣ.

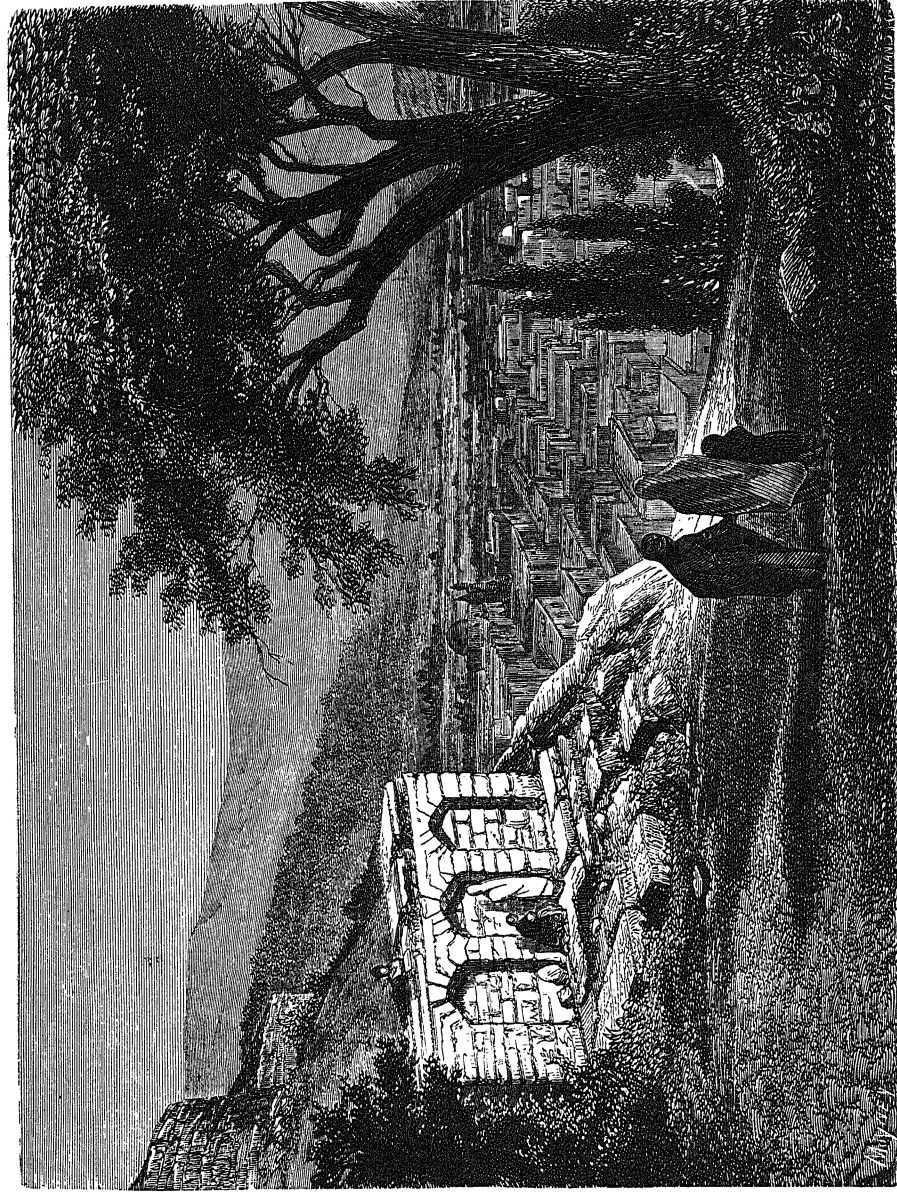
Смерть жены дѣлаетъ горца нищимъ въ полномъ значеніи этого слова. Но, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ однако же оказываетъ при жизни полное презрѣніе своей женѣ. Имя женщины служить самымъ позорнымъ, браннымъ словомъ; назвать горца женщиною—значитъ оскорбить его глубоко и рисковать поплатиться за то жизнью.

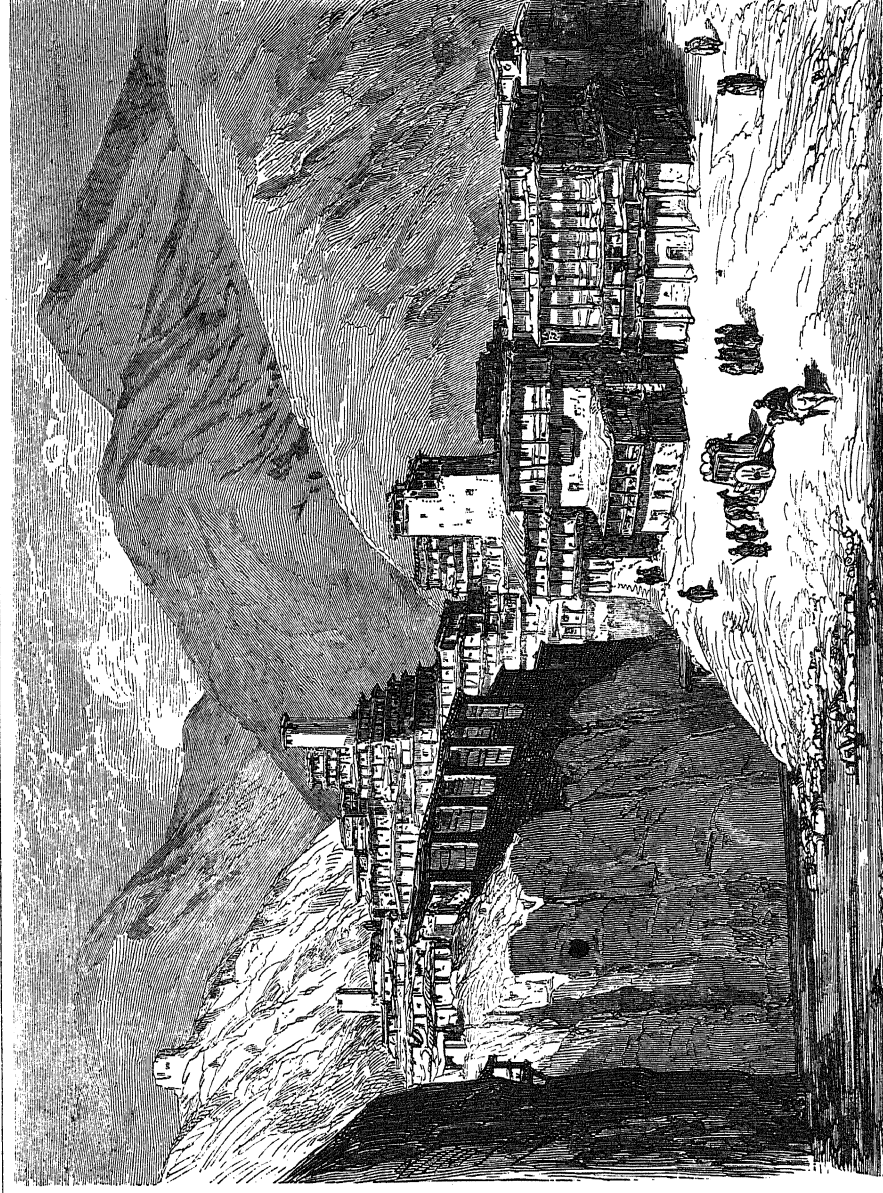
Неуваженіе къ женщинѣ простирается до того, что, встрѣчаясь съ нею, мужчина привѣтствуетъ ее словомъ кошкильды—тѣмъ же самымъ, которое онъ скажетъ каждому встрѣчному не магометанину, а слѣдовательно и гауру. Встрѣчая гостя, жена принимаетъ его такъ, какъ принимаетъ его у насъ лакей. Если мужа нѣтъ дома, то она немедленно даетъ знать о пріѣздѣ гостя и затѣмъ исполняетъ все, что мужъ ей прикажетъ. Въ отсутствіе мужа, жена не имѣетъ права подчивать гостя мясомъ, хотя бы онъ былъ самый почтенѣйшій, близкій и дорогой. Въ присутствіи гостя жена становится въ самомъ отдаленномъ углу сакли, не принимаетъ участія въ разговорѣ, отвѣчаетъ только на вопросы мужа и ожидаетъ приказаній.

Даже и въ такомъ случаѣ, когда мужъ любитъ свою жену, она все-таки исполняетъ обязанность слуги, пріобрѣвшаго расположеніе господина своею хорошею нравственностью. Она пользуется тогда до нѣкоторой степени его ласкою и восхищается шутивно-строгимъ обхожденіемъ своего властелина. Прировнять съ собою жену и поставить женщину наравнѣ съ мужчиною—это недоступно понятію горца. При разработкѣ на Гунибѣ дорогъ, жители отказались ходить

ШЕМАХА.

ЛЕВГИНСКИЙ АУЛЪ.

на работу, и, какъ оказалось впоследствии, потому только, что по-денная плата за работу мужчинамъ была положена наравнѣ съ женщинами. Если участь женщины въ настоящее время до нѣкоторой степени сносна, такъ это у жаро-бѣлованскихъ лезгинъ. Мужъ обходится съ нею ласковѣе, допускаетъ ее до разговора съ собою, объѣдаетъ вмѣстѣ съ женою, и она, не нося покрывала, часто не отворачивается отъ посторонняго. Во всемъ мусульманскомъ мѣрѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ праздности мужчины.

Всѣ развлечения въ дагестанскомъ аулѣ оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца, и тогда все народонаселеніе закупоривается въ своихъ саеляхъ, группируясь вокругъ тлѣющаго въ очагѣ или камины кизяка и рѣдко одинокаго полѣна дровъ.

Въ ожиданіи ужина, правовѣрные отъ нечего-дѣлать перебираютъ свои грязныя четки и нашептываютъ молитву.

Несчастныя, грязныя и оборванныя лезгинскія дѣти страдаютъ отъ холода и голода, и вечеромъ, съ жадностію поглядывая на котелъ и кипящую въ немъ воду, ожидаютъ остатковъ ужина.....

Только самые чадолюбивые отцы допускаютъ къ совместному ужину своихъ дѣтей, но и тогда лучшій кусокъ принадлежитъ все-таки главѣ семейства.

Въ этомъ отношеніи въ характерѣ горца встрѣчается странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное противорѣчіе. Онъ любитъ своихъ дѣтей пламенно и неограниченно, но, по принципу, что въ семействѣ онъ глава, что все остальное ниже его, отецъ держитъ своихъ дѣтей въ отдаленіи, не обращаетъ вниманія на ихъ наружность, одежду и не допускаетъ ихъ къ присутствію за общимъ столомъ.

Нравственный и физическій гнетъ, тяготѣющій надъ женщиною, заглушилъ въ ней всякое проявленіе самостоятельности характера, но не могъ заглушить страстной ея природы. Въ этомъ случаѣ жег-

пина осталась вѣрною себѣ, и строгая нравственность не составляетъ отличительной черты женщины горянки. Пылкость южной натуры, а въ особенности корыстолюбіе, дѣлаютъ ихъ весьма податливыми на соблазнъ. Сознавая, что мужъ ея неограниченный властелинъ, что онъ глава, начальникъ, повелитель, судья, защитникъ и обвинитель, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть, жены горянки, подъ вліяніемъ своей впечатлительной натуры, далеко не прочь отъ любовныхъ похожденій; скрытно отъ мужа, она весьма часто предается разврату въ полномъ значеніи этого слова. Склонность къ разврату не стѣсняетъ ее въ выборѣ возлюбленнаго она очень легко и скоро сводитъ свои интриги съ неправовѣрными или гаурами.

Молодая жена, вступая въ домъ родителей мужа, дѣлается помощницею своей тещи, старающейся свалить всѣ работы на невѣстку, такъ что та не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Теща, помыкая ею, заставляетъ испытывать тѣ же страданія, которыя сама вынесла въ молодости. Стараясь возстановить сына противъ его жены, теща заставляетъ его обходиться съ своею невѣсткою точно такъ же, какъ отецъ его во время-оно обходился съ нею. Эти совѣты матери-тещи, къ несчастію, не остаются безъ послѣдствія и не рѣдко исполняются буквально. Разсердившись на жену, мужъ, безъ всякой видимой причины и за какіе-нибудь пустяки, бьетъ ее до полусмерти, и часто, въ порывѣ бѣшества и необузданности гнѣва, рубитъ ее кинжаломъ, стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и если несчастная женщина не успѣетъ уклониться отъ наносимыхъ ударовъ развирѣпѣвшаго мужа, то падаетъ жертвою ничѣмъ неограниченнаго его своеволія. Тотъ горецъ считается добрымъ еще мужемъ, который швыряетъ въ свою жену первую попавшуюся ему подъ руку вещь, какъ, напимѣръ, башмакомъ, щипцами, чашкою и т. п. Натѣшившись вдоволь, мужъ еще сѣтуетъ на жену и жалуется на свое положеніе.

Подобныя ссоры не рѣдкость и составляютъ едва ли не ежедневное явленіе. Крики и вопли ежедневно слышны въ аулѣ, часто привлекаютъ цѣлыя толпы народа, приходящаго полюбоваться на раздрающія сцены семейной жизни горца.

Горцы, достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Стариками, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти.

Рожденіе сына даетъ еще нѣкоторыя, впрочемъ, весьма незначительныя, права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастіе быть бесплодною или привычку рождать дочерей, то окончательно теряетъ въ себѣ всякое уваженіе и любовь мужа, который, чтобы досадить ей еще болѣе, женится на другой. Но если всё эти средства не помогаютъ и, по несчастію для первой, вторая жена родитъ сына, тогда старшая жена дѣлается служанкою молодой своей соперницы—и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Безусловная вѣра въ предопредѣленіе или фанатизмъ проявляются у горцевъ въ полной силѣ. Мусульманинъ, или, лучше сказать, горецъ-фанатикъ, часто страдая какою-либо болѣзнію, не лечится, основываясь на томъ, что его жизнь и здоровье нисколько не зависятъ отъ воли человѣка.

— Если Богу угодно, говоритъ онъ, чтобы я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, то мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы.

Произнося такія слова, многіе изъ туземцевъ были совершенно справедливы, потому что медицинскія познанія ихъ докторовъ были крайне ограничены и лекарства мало дѣйствительны.

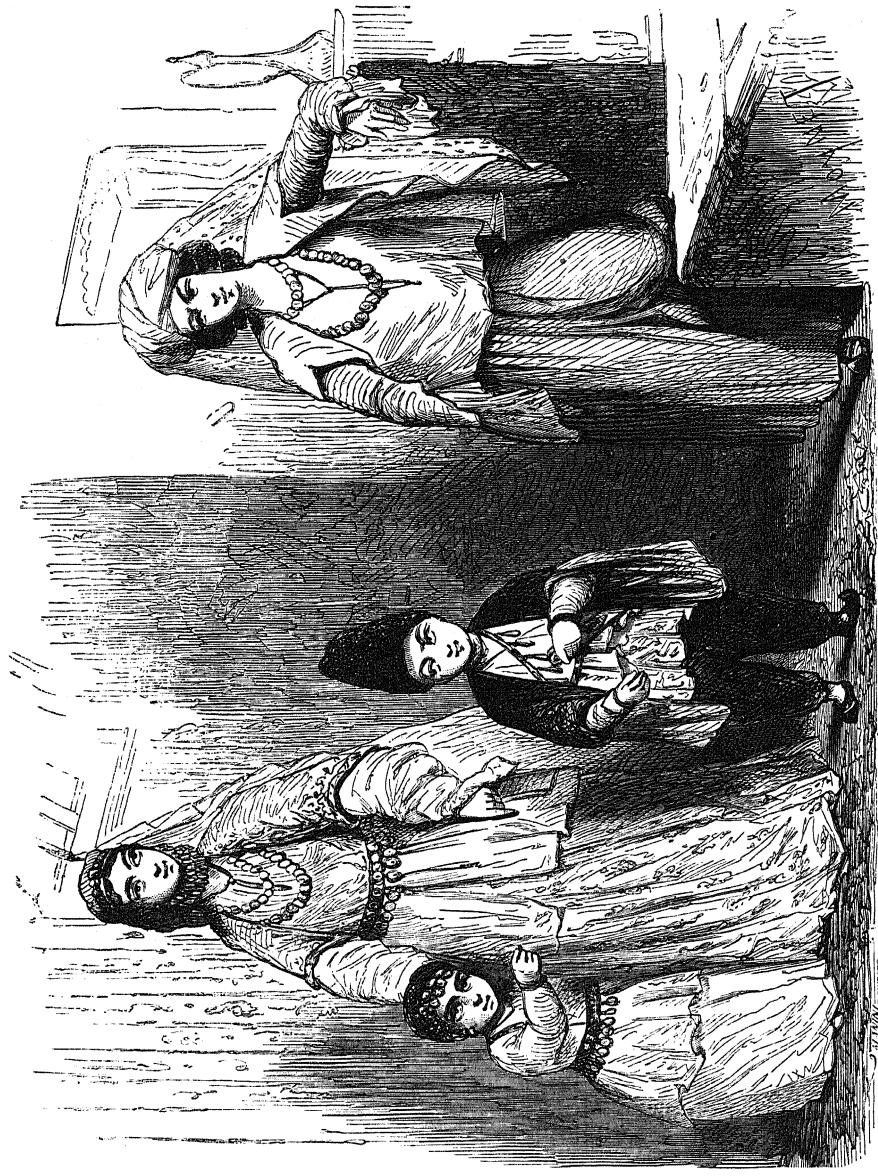
Умершаго стараются похоронить какъ можно скорѣе. Тотчасъ послѣ кончины, родственники посылаютъ въ мечеть за носилками и за длиннымъ овальнымъ борытомъ, въ которомъ омываютъ его тѣло.

Обмывавшій покойника получаетъ часть его одежды, а другая принадлежитъ кадю или муллѣ. Послѣ омовенія, покойнику чистятъ ногти, а если умершая женщина или дѣвица, то ее бѣлятъ, румянятъ, чернятъ брови и рѣсницы. Обернувъ три раза чистымъ полотномъ, тѣло вкладутъ на носилки, привязываютъ къ нимъ веревками, покрываютъ мужчину черною буркою, а женщину одѣяломъ или какою-нибудь матеріею, и относятъ на кладбище, гдѣ опускаютъ въ могилу безъ гроба, въ одномъ только саванѣ.

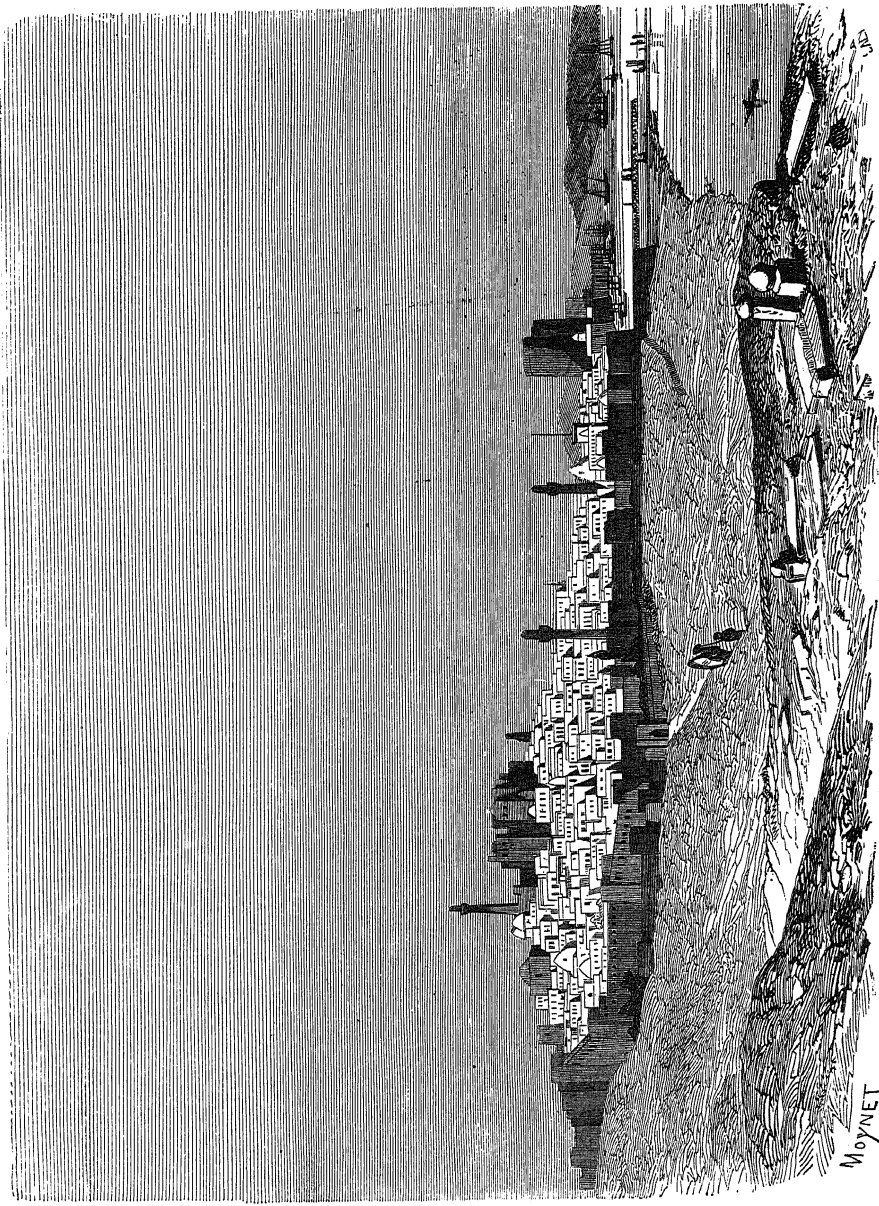
Со дня похоронъ, надъ могилою умершаго устраивается палатка или навѣсъ изъ войлока, въ которомъ помѣщается мулла или опытный мунгаллимъ (ученикъ, читающій по найму коранъ въ теченіе 8-ми, а у богатыхъ и до 40 дней со дня погребенія). Во все время, пока стоитъ на могилѣ палатка, жители каждый день ходятъ, послѣ утренняго и вечерняго намаза, помолиться о покойномъ.

Вообще горцы уважаютъ память усопшихъ. Весьма часто они выдерживали упорный бой съ нашими войсками для того только, чтобы подобрать тѣла убитыхъ своихъ товарищей и не оставить ихъ въ рукахъ непріятеля.

Памятники надъ могилами ставятъ только богатые; бѣдные же ограничиваются каменными плитами съ надписью имени умершаго, года его смерти и изреченія изъ корана. Тѣ-же, которые не могутъ, по своей бѣдности, поставить и такой плиты, ставятъ въ головѣ и ногахъ могилы небольшіе острые камни. Надъ могилами убитыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ ставятся точно такіе же знаки, какъ и въ Чечнѣ. Могилы людей, замѣчательныхъ по своей святой жизни, огораживаютъ заборомъ и непременно сажаютъ дерево, на вѣтвяхъ котораго каждый прохожій вѣшаетъ, въ знакъ своего уваженія, цвѣтной доскутъ матеріи, часто отрывая его отъ своего платья. Въ праздники по ночамъ на подобныхъ могилахъ зажигаются свѣтильники.

БАКИНОЦЕ ЖИТЕЛИ

МОУНЕТ

ГОРОДЪ БАНУ.

КОЧУЮЩИЕ НАРОДЫ.

XLII. ЛОПАРИ.

Характеръ, одежда, пища.

На самомъ крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Ледовитаго океана живетъ бѣдное и немногочисленное племя лопарей, предки которыхъ, какъ и предки многихъ другихъ народовъ, населяющихъ нынѣ Европу, вышли изъ Азіи. Надо полагать, что лопари недобровольно выбрали для жительства эти безпріютныя, скудно одаренныя природою мѣста, а что ихъ загнали туда болѣе многочисленныя азіатскіе выходцы. Въ настоящее время племя это живетъ въ Россіи въ сѣверной части Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Въ Русской Лапландіи считается до 2,180 душъ обою пола; въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ они живутъ только въ трехъ сѣверныхъ приходахъ, въ числѣ до 1,200 душъ обою пола.

Наружность лопарей отличается своеобразнымъ типомъ. При взглядѣ на кореннаго лопаря, прежде всего поражаетъ уродливое сложеніе его большой головы, которая выдается кверху угломъ, сужи-

ваясь съ обѣихъ сторонъ. Затылокъ неокругленный, а заостренный. Лобъ широкій, глаза каріе, которые вѣчно слезятся отъ дыма испѣта; скулы вдавленные, носъ правильный, ротъ — искривленный жалобнымъ выраженіемъ, подбородокъ длинный и кривой, цвѣтъ лица буроватый, волосы, большею частью свѣтлорусые, густые и щетинистые, падаютъ на лобъ неровными прядками. Есть впрочемъ лопари и съ черными, лоснящимися волосами. Борода рѣдкая; у нѣкоторыхъ она вовсе не растетъ, какъ и усы, и голова покрыта струпьями. Болѣзнь эта бываетъ часто наследственна.

Лопари малорослы, хотя нѣсколько выше самоѣдовъ, но, вслѣдствіе суровой жизни, сложенія крѣпкаго и проворны. Они говорятъ по-русски понятнѣе, чѣмъ самоѣды, но вставляютъ въ рѣчь посторонніе слоги, не имѣющіе никакого смысла, и цѣлыя слова на своемъ природномъ языкѣ.

Лопари, живущіе въ приморскихъ погостахъ, вслѣдствіе сношеній съ русскими, пріѣзжающими на промыслы, до такой степени утратили свой коренной типъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ русскихъ. Особенно бросается въ глаза это на молодомъ поколѣніи Воронежской волости. Только въ лопаряхъ Терскаго берега не замѣтно этого перерожденія. Вліяніе суровой природы, посреди которой живетъ лопарь, сильно отразилось на его характерѣ. Онъ смотритъ на все съ мрачной стороны и даже фізіономія его запечатлена выраженіемъ грусти. Онъ привыкаетъ съ дѣтства къ невозмутимой тишинѣ окружающихъ его громаднхъ снѣжныхъ пространствъ, и эта тишина рано сродняется съ его душою и настраиваетъ ее на мирный ладъ. Миролюбіе — отличительная черта характера лопаря. Онъ готовъ многое вынести, отъ многого отказаться, лишь-бы жизнь его шла мирно и однообразно въ своей обычной колеѣ. Онъ чрезвычайно тихъ, терпѣливъ, добродушенъ и довѣрчивъ, уступчивъ; но стоитъ только хорошенько затронуть его — и онъ выказываетъ такую энергію, которую трудно заподозрить въ немъ. Онъ выходитъ

тогда изъ своего всегдашняго равнодушія и становится свирѣпъ въ гнѣвъ и непримиримъ во враждѣ.

Лопари даже не чужды воинственной отваги. Это доказываютъ сохранившіеся еще до-нынѣ между ними рассказы о воинственныхъ подвигахъ ихъ предковъ, которые нападали на норвежцевъ, представшихъ къ Мурманскому берегу.

Преступленій между ними почти нѣтъ; крупныхъ кражъ также. Данное слово держать они свято. Честность ихъ такъ велика, что русскіе промышленники, уѣзжая домой по окончаніи рыбныхъ промысловъ, поручаютъ имъ надзоръ за своими становащами, въ амбарахъ которыхъ остается иногда на нѣсколько сотъ пудовъ трески, палтусины, семги и пр. про запасъ для весеннихъ

промысловъ. Въ этихъ же амбарахъ хранятся и рыболовныя снасти на нѣсколько сотъ рублей. Лопарь стережетъ все это семь мѣсяцевъ за самое пустое вознагражденіе, и промышленники, возвратясь, находятъ всегда все въ цѣлости.

Вообще, въ отношеніи къ русскимъ, лопари очень добродушны и гостепріимны, а между собою выказываютъ другъ къ другу почти братское участіе.

Самый крупный недостатокъ лопарей — пьянство, которое даже не считается у нихъ порокомъ. Пьютъ всѣ, въ всякое время и вездѣ.

Также не чужды они мелкихъ обмановъ и плутовства; но надо замѣтить, что всѣ хорошія свойства

лопарей врожденныя, а недостатки привились къ нимъ вслѣдствіе сношеній ихъ съ русскими промышленниками и торговцами.

ЛОПАРСКАЯ ВЪЗДА НА ОЛЕНЯХЪ.

Лопарки трудолюбивы, домовиты и большія мастерицы шить одежду, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопратны и иногда упрямы. Онѣ до такой степени пугливы, что громкій, неожиданной стукъ или крикъ производятъ во всемъ организмѣ нервное разстройство, часто доводящее ихъ до бѣшенства.

Селенія лопарей, или погосты состоятъ изъ нѣсколькихъ шалашей, называемыхъ вѣжами. Такъ какъ лѣтомъ лопари переочевываютъ къ берегамъ моря для ловли рыбы, то у нихъ есть зимніе и лѣтніе погосты. Кромѣ того, лопарь строитъ иногда вѣжу на берегу какого нибудь озера, куда заѣзжаетъ ловить рыбу послѣ лѣтняго промысла.

Вѣжа похожа на самоѣдскій чумъ съ тою только разницею, что не перевозится съ мѣста на мѣсто, а потому и устройство ея прочнѣе. Обыкновенно лопарь строитъ вѣжу подлѣ какой-нибудь скалы или большаго камня для защиты отъ вѣтра. Онъ начинаетъ съ того, что вколачиваетъ въ землю два столба, которые соединяетъ переладиною. Это основаніе вѣжи. Стѣны ея состоятъ изъ вколоченныхъ въ землю жердей. Образованное ими круглое пространство съуживается къверху и заканчивается остриемъ для выхода дыма. Жерди обкладываютъ сверху хворостомъ и сосновыми или еловыми вѣтвями, а сверхъ вѣтвей дерномъ. Въ сторонѣ вѣжи, выходящей на югъ, продавливаютъ отверстіе, въ которое вставляютъ сколоченную кое-какъ изъ досокъ опускающую дверь, такъ что входъ въ вѣжу похожъ на входъ въ ловушку и притомъ устроенъ такъ неискусно что при малѣйшей неосторожности опускающая дверь можетъ пришибить входящаго. Земляной полъ покрытъ хворостомъ, поверхъ котораго разстилаютъ олени мѣха, служащіе постелями. Четыре балки, расположенныя крестообразно, раздѣляютъ внутренность вѣжи на девять отдѣленій. Въ трехъ первыхъ, ближайшихъ къ выходу, лежатъ дрова, кожи и различные домашніе снаряды. Въ томъ изъ среднихъ отдѣленій, которое приходится подъ дымовымъ отверстіемъ, грубо выло-

женъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, вокругъ котораго обыкновенно сидитъ вся лопарская семья. Направо отъ него, — отдѣленіе хозяйина съ хозяйкою, а налѣво — другихъ членовъ семьи. Три заднія отдѣленія служатъ кладовыми для съѣстныхъ запасовъ. Въ переладины вбиты брючья, къ которымъ привѣшены на цѣпочкахъ котлы для варки пищи. Прямо противъ двери на полкѣ стоятъ мѣдный или деревянный образъ, и тутъ же около него разная хозяйственная утварь, а на полу подъ образомъ чанъ съ водою, подлѣ котораго виситъ безмѣнъ. Мѣсто это называется чистымъ, къ нему питаютъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія, хотя тутъ же льютъ помои, бросаютъ кости рыбъ и пр. Зимомъ, передъ вѣжею устраиваютъ небольшія сѣни изъ снѣга.

Кромѣ вѣжи, лопари живутъ такъ же въ тупахъ. Такъ называютъ небольшія, очень низенькія хижины, построенныя изъ тонкихъ бревенъ, съ земляною крышею.

Въ тупѣ два-три маленькія окошечка, въ которыя вставлены стеклянныя рамы. Полъ выстланъ расколотыми пополамъ тонкими бревнами. Тупа отапливается очагомъ въ родѣ камина, сложеннымъ изъ камней, смазанныхъ глиною. Дымъ выходитъ въ дощатую трубу, возвышающуюся надъ кровлею.

Въ нѣкоторыхъ погостахъ есть курныя и даже бѣлыя избы. Последнія посреди вѣжъ и тупъ кажутся настоящими дворцами; но ихъ очень немного. Постройка избы тяжелая и трудная работа для лопарей, такъ какъ у нихъ нѣтъ пилъ, а только топоры, притомъ же роскошь эта доступна для нихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много лѣса. При бѣлой избѣ есть также вѣжа, но уже служащая кухнею.

Около каждаго лопарскаго жилья непременно есть небольшая клѣтущка, родъ амбара, въ которомъ лопарь хранитъ главное свое богатство, а именно: шкуры убитыхъ имъ пушныхъ звѣрей и рыбу. Большею частью клѣтущки эти строятъ на высокихъ столбахъ, затѣмъ чтобы въ нихъ не могли забраться ни лисица, ни волкъ.

Общій видъ лопаренаго погоста наводитъ тоску. Иногда онъ такъ занесенъ снѣгомъ, что еслибы не дымъ, выходящій изъ вѣжъ, и не собачій лай, то можно бы подумать, что вовсе нѣтъ жилья.

Внутри вѣжъ бросается въ глаза нечистоплотность, почти всегда нераздѣльная съ грубостью понятій и бѣдностью.

Хозяйственной утвари вообще мало. Удобствъ никакихъ. Низенькій, хохлатый, закопченный дымомъ лопарь, закутанный съ головы до ногъ въ мѣхъ, встрѣчающій васъ, почесываясь, у двери, напоминаетъ скорѣе медвѣдя, вылѣзшаго изъ своей берлоги, нежели чело-вѣческое существо. Но и въ этомъ грустномъ бытѣ можно найти хорошее, и недаромъ существуетъ пословица, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, за то внутри ея скрывается часто золото—миръ.

Одежда лопаря похожа на самоѣдскую. Онъ носитъ такую же маску, какъ и самоѣдъ, т. е. родъ мѣшка изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, сшитой оленьими жилами, безъ разрѣза, а только съ отверстіемъ для головы. Лопари называютъ эту одежду *печокъ*. Печокъ надѣвается поверхъ овчиннаго тулупа. Нижняя одежда изъ грубаго холста. Въ большіе морозы надѣваютъ подъ печокъ рубашку изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу. На головѣ у лопаря теплая шапка, подбитая и опушенная россомашнымъ или лисьимъ мѣхомъ. Иногда шапка украшена множествомъ фарфоровыхъ пуговокъ и кусочками цвѣтнаго сукна. На ногахъ длинныя сапоги изъ шкуры оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ, съ загнутыми вверху острыми и длинными носами, называемые *ярами*. Сапоги эти довольно красивы, такъ какъ мѣхъ состоитъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ, которыя чередуются между собою. Яры всегда пришиваются къ брюкамъ изъ выдѣланной оленьей кожи. Подъ сапогами шерстяные чулки или сукно, плотно обвитое вокругъ тѣла тесмою. Иногда вмѣсто яровъ надѣваютъ *камми* — башмаки съ острымъ носкомъ. На рукахъ шер-

стяныя варежки, а сверхъ нихъ длинныя рукавицы изъ невыдѣланной оленьей шкуры.

Лѣтняя, верхняя одежда называется—*юпа*. Она шьется изъ толстаго сукна, на подобіе голландской рубашки, со стоячимъ воротничкомъ, защищающимъ на морскомъ берегу отъ вѣтра и въ тундрѣ отъ комаровъ. На головѣ валеный колпакъ, имѣющій форму сахарной головы, черный съ краснымъ подбоемъ. Въ будни носятъ его наружу черною стороною, а по праздникамъ красною. На ногахъ—*нох-и-яки*, т. е. длинныя сапоги изъ выдѣланной, оленьей кожи, съ мягкою подошвою, на которую насыпаютъ внутри траву, ситникъ, а на рукахъ—шерстяныя рукавицы. Юпу подтягиваютъ ремнемъ, на которомъ виситъ ножъ, огниво съ трутёмъ и непремѣнно мѣшечекъ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, украшенный иногда мелкимъ бисеромъ.

Женщины зимою носятъ также печокъ, а подъ нимъ суконную юпу. Лѣтомъ же сарафаны пестрядинные, выбойчатые и даже ситцевые и рубашку изъ грубаго холста. На головѣ красный кумачный или штофный повойникъ, похожій фасономъ на повойники поморокъ съ холстиннымъ подзатыльникомъ. Иногда повойникъ и подзатыльникъ вышиты бисеромъ. Лопарки любятъ щегольство, которое проявляется у нихъ въ видѣ оловянныхъ и мѣдныхъ колецъ на рукахъ и такихъ же серегъ большаго размѣра, но въ особенности щеголяютъ онѣ крестомъ, который надѣваютъ сверхъ рубашки.

Зажиточныя носятъ его на серебряной цѣпочкѣ. Дѣвушки одѣваются такъ же какъ и женщины, только вмѣсто повойниковъ повязываютъ голову пестрымъ или краснымъ бумажнымъ платкомъ, на шею надѣваютъ онѣ ожерелья изъ разноцвѣтныхъ бусъ, биссера и мѣстнаго жемчуга. Всѣ женщины носятъ на ремнѣ ножъ и игольникъ со всѣми принадлежностями для шитья. У хозяекъ, вромѣ того, виситъ на ремнѣ ключъ.

Лопари, живущіе въ холодномъ климатѣ и проводящіе жизнь въ

безпрерывномъ трудѣ, принуждены употреблять большое количество пищи, но они не могутъ быть разборчивы въ этомъ отношеніи.

Рыба и оленина—главные продукты, доставляемые имъ природою въ этихъ почти лишенныхъ растительности мѣстностяхъ. Впро-

чемъ лопари привыкли нынче къ хлѣбу, который покупаютъ у поморовъ. Самы же не пекутъ его, такъ какъ это невозможно при устройствѣ ихъ очаговъ. Рыбу ѣдятъ они свѣжую и вяленую. Любимое ихъ кушанье называется рюба, т. е. по-

хлебка изъ вяленой рыбы, съ мучною подболткою. Также готовятъ они родъ кашицы на рыбьемъ отварѣ изъ ржаной муки, пополамъ съ сосновою корою. Эта кора употребляется бѣдными лопарями и отчасти предохраняетъ ихъ отъ цынготной болѣзни. Изъ

ржаной муки дѣлаютъ они рѣзку, т. е. пекутъ полусырыя лепешки, которыя потомъ рѣжутъ на кусочки и ѣдятъ, обмакивая въ уху или горячую воду. Также пекутъ родъ пироговъ изъ ржаной муки. Но самыми лакомыми кушаньями считается медвѣжатина и просто-

кваша изъ ланяго молока, въ которую кладутъ траву василея. Въ постные дни питаются кромѣ рыбы ягодами, брусникою, вороницею и морошкою.

Живущіе на Терскомъ берегу лопари ѣдятъ и въ постные дни куропатокъ, которыхъ тамъ

ТИПЫ РУССКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

изобиліе и которыхъ они называютъ летучими рыбами. Оленьи и птичье мясо жарятъ у огня, воткнувъ на желѣзный прутикъ, и также варятъ изъ него щи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопари ѣдятъ не только всякую рыбу, но хищныхъ звѣрей и птицъ. Мужчины, жен-

щины и даже дѣти пьютъ много водки. Чай же употребляютъ больше такъ называемый лопарскій, т. е. бакую-то траву, имѣющую довольно пріятный вкусъ. Впрочемъ тѣ, которые позажиточнѣе, пьютъ и настоящій чай.

Религія и бытъ

Лопари до половины XVI столѣтія были язычниками. Но въ этомъ столѣтіи инокъ Соловецкаго монастыря, Феодоритъ, удалившійся изъ любви къ пустынножительству къ берегамъ рѣки Колы построилъ здѣсь монастырь. Познакомясь съ жившими въ окрестности лопарями, онъ началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы и распространилъ между ними понятіе о христіанствѣ. Въ то же время, другой проповѣдникъ св. Трифонъ, просвѣтилъ христіанствомъ лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ, и построилъ въ этомъ краю первый христіанскій храмъ во имя Пресвятой Троицы. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1533 году и тогда же крестили всѣхъ новообращенныхъ лопарей. Трифонъ устроилъ здѣсь монастырь и самъ принялъ иночество.

Вскорѣ христіанство распространилось по всей странѣ, такъ что въ 1526 году лопари Кандалакской губы, пріѣхавъ въ Москву, просили у новгородскаго архіепископа, Макарія, антимиаса и священника для построенной ими церкви. Въ 1532 году просили у Макарія священниковъ Кольскіе лопари. Макарій исполнилъ ихъ желаніе, — и прибывшіе сюда священники крестили многихъ лопарей, жившихъ за мысомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Св. Носа.

Вскорѣ приняли крещеніе Терскіе лопари, жившіе по рѣкѣ Понойѣ. Въ 1581 году была дана грамота на учрежденіе церковнаго причита при Понойской церкви. Но впоследствии лопари въ дѣлѣ христіанства были предоставлены совершенно на произволь судьбы

и потому не могли ознакомиться ни съ догматами христіанской религіи, ни даже ея обрядовою стороною. Имъ неизвѣстны даже самыя главныя молитвы. Церквей въ Лапландіи очень мало. Священникъ обязанъ разъ въ годъ объѣзжать всѣ погосты, но онъ рѣдко застаетъ дома лопарей, постоянно занятыхъ зимою пушнымъ, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Иные не видятъ его по нѣскольку лѣтъ.

Вслѣдствіе ихъ кочевой жизни, родившіеся часто остаются по нѣскольку лѣтъ безъ крещенія, а умершихъ хоронятъ безъ церковнаго обряда. Правда, что лопари наблюдаютъ посты и теплятъ свѣчи въ своихъ часовняхъ, но они исполняютъ это какъ обычай, едва понимая его значеніе. Одно уже то, что лопарей носятъ поверхъ рубашки символъ христіанства — крестъ — и стараются щеголять имъ одна передъ другою, доказываетъ какъ грубы ихъ понятія въ этомъ отношеніи. Въ настоящее время, впрочемъ, при волостяхъ устраиваются церкви и школы.

Несмотря на то, что лопари считаются христіанами, между ними сохранилось еще и до-нынѣ много языческихъ вѣрованій.

Въ языческія времена у нихъ не существовало никакихъ храмовъ или капищъ, но были идолы: каменные и деревянные. Каменные состояли просто изъ камней въ ихъ натуральномъ видѣ, или деревянные — изъ обрубковъ дерева, корни котораго обрѣзывали такъ, что они имѣли видъ человѣческой головы. Этихъ идоловъ называли сейдами. У лопарей существовало повѣрье, что боги присутствуютъ тамъ, гдѣ величественна природа, а потому они ставили сейды преимущественно на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ, но всегда на открытомъ воздухѣ. Иногда на одномъ мѣстѣ стояло по нѣскольку такихъ идоловъ, изображавшихъ цѣлую семью боговъ: самый большой былъ главою семьи, поменьше его женою, а остальные — дѣтьми и работниками. Лопари чрезвычайно почитали этихъ идоловъ и приносили имъ въ жертву части животныхъ. Мѣсто вокругъ идола считалось священнымъ. Беременнымъ женщинамъ запрещено было подѣ

ЛОПАРИ.

КАЛМЫКИ.

опасеніемъ смерти приближаться къ этимъ мѣстамъ. Мужчины также не дерзали подходить къ нимъ безъ жертвъ.

Ужасъ къ священнымъ мѣстамъ былъ такъ великъ, что еще и нынѣшніе лопари христіане стараются объгать ихъ. Въ ихъ окрестностяхъ никто не селится и не ловятъ птицъ. Когда же ловятъ рыбу, то наблюдаютъ безмолвіе и не берутъ съ собою женъ и собакъ. Особенно боятся этихъ мѣстъ лопарки.

Еще уцѣлѣло у лопарей вѣрованіе въ духовъ горъ и воды. Они воображаютъ и донныя, что можно продать душу этимъ богамъ и получить за то власть надъ другими людьми въ различныхъ случаяхъ жизни. Этимъ богамъ приносятъ дань или ту же жертву. Лопари, живущіе въ глубинѣ страны, взбираются для этого на высокую гору, выбираютъ лучшаго оленя и молятся до тѣхъ поръ, пока выбьются изъ силъ, затѣмъ убиваютъ оленя и остаются здѣсь ночевать. Смо-

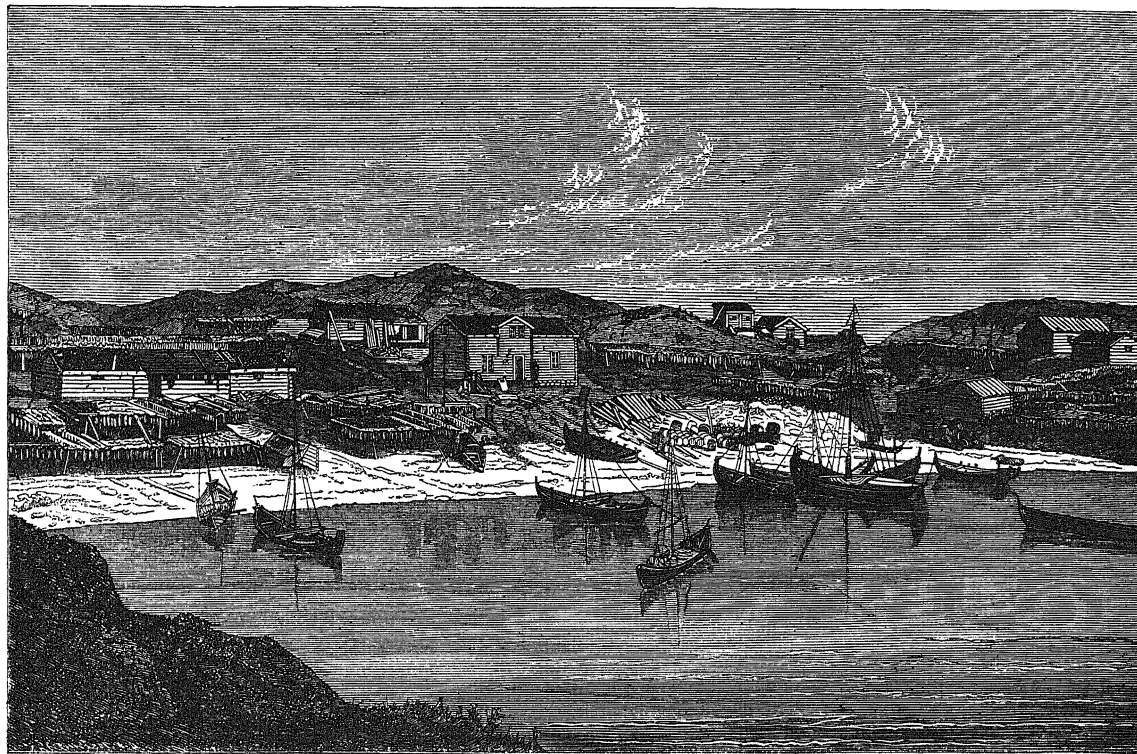
тря по сну, какой увидятъ, и по вытекшей изъ оленя крови, заключаютъ о томъ — уменьшатся ли или увеличатся ихъ стада. Приморскіе же лопари приносятъ въ жертву духу водъ маленькую лодочку, нагруженную жемчугомъ, серебромъ и другими веществами, которую

спускаютъ въ море. Иногда мореплаватели вылавливаютъ изъ воды такія лодочки.

Обо всѣхъ явленіяхъ природы у лопарей, какъ и надо ожидать, образныя понятія. Такъ они видятъ въ сѣверномъ сіяніи души своихъ умершихъ родственниковъ, поднимающіяся на небо. Нѣкоторые лопарки до такой степени прозорливы въ этомъ случаѣ, что различаютъ даже въ

какой именно части сіянія находятся ихъ отцы, братья, мужья и пр.

Про полевыхъ мышей, странствующихъ большими стадами, лопари думаютъ, что онѣ валятся на землю изъ облаковъ, и потому не дѣлаютъ имъ никакого вреда.

ВАДЗЕ—ПОГРАНИЧНЫЙ СЪ НОРВЕГІЕЮ ЛАПЛАНДСКІЙ ГОРОДЪ.

Вѣрованье въ лѣшихъ и водяныхъ сильно распространено. Лопарь любитъ потолковать объ этихъ таинственныхъ существахъ, увлекающихъ его воображеніе за недостаткомъ умственной дѣятельности, и на этотъ счетъ ходитъ много рассказовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ говорятъ, будто лѣшій ходитъ въ красномъ колпагѣ и съ дубиною въ правой рукѣ. Иной лопарь рассказываетъ, какъ лѣшій гнался за нимъ, а если не за нимъ, такъ за его дѣдомъ или прадѣдомъ.

Вода, по мнѣнію лопарей, населена кромѣ рыбъ чертами и, разумѣется, главное мѣстопребыванія ихъ омуты. Около такихъ мѣстъ не закидываютъ даже сѣтей.

Лопари славилась еще въ древности своимъ искусствомъ въ колдовствѣ. Когда появилась комета въ 1584 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный выписалъ изъ Лапландіи колдуновъ, для объясненія этого явленія. Въ настоящее время вѣра въ колдуновъ нисколько не ослабѣла. Лопари воображаютъ, что колдунъ можетъ вызвать дождь, разговаривать съ духами, призывать и прогонять насѣкомыхъ и пр. Единственное спасеніе отъ нихъ—громъ, который уничтожаетъ колдуновъ. Еслибы его не было, то они извели-бы своимъ чародѣйствомъ весь свѣтъ. При пображѣ какой нибудь вещи или при другомъ подобномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ помощи колдуна. Онъ не употребляетъ никакихъ заклинаній, но бьетъ въ волшебный барабанъ который ничто иное какъ овальной формы ящикъ, обтянутый съ одной стороны кожей; къ нему привязано множество веревочекъ и разныхъ побрякушекъ. На кожѣ изображены небесныя свѣтила, звѣри, птицы и разныя волшебныя знаки. Колдунъ кладетъ на нее кольцо и начинаетъ колотить по ней мохнатымъ оленьимъ рогомъ. Кольцо подпрыгиваетъ и, смотря по тому, на какой упадетъ знакъ, колдунъ узнаетъ какой ему дать отвѣтъ. Иногда колдунъ во время гаданья прибѣгаетъ къ обмороку, и лопари убѣждены, что въ

это время душа его блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ то, что онъ хочетъ узнать.

Существуютъ еще между лопарями такіе искусники, которые будто бы умѣютъ напускать по вѣтру разныя болѣзни. Всѣ боятся ихъ и потому оказываютъ имъ уваженіе и почетъ. Къ нимъ же обращаются для излеченія напущенной болѣзни. Лопари думаютъ также что эти знахари могутъ дѣлать добро и зло, какъ на землѣ, такъ и на водѣ.

Отъ наружныхъ ранъ лопари лечатся сосновою сѣрою; отъ коросты моются отваромъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную кровь дивихъ оленей. Чаще всего прижигаютъ болѣное мѣсто зажженною губкою, которую держатъ на тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока треснетъ кожа.

Когда лопарь охотится на медвѣдя, то, прежде чѣмъ выстрѣлить, обращается къ нему съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, медвѣдь, не нападалъ первый, такъ какъ ружье можетъ сбѣчься, рука дрогнуть и т. п. Послѣ чего, по убѣжденію лопаря, благодарный за эту вѣжливость медвѣдь, никогда не рѣшится напасть первый на человѣка.

Новорожденного ребенка кладутъ нагаго въ колыбель, выдолбленную изъ древеснаго обрубка и похожаго формою на ткацкій челнокъ, и покрываютъ мѣхомъ. Сверху же перетягиваютъ веревками. Колыбели вѣшаютъ въ шалашахъ и на древесныхъ сучьяхъ. Во время перекочевки мать несетъ колыбель на спинѣ.

При крещеніи родители дарятъ малюткѣ лань, которую клеймятъ особымъ клеймомъ. Какъ лань, такъ и приплодъ ея, остаются на всю жизнь собственностью ребенка.

Лопари вступаютъ въ бракъ обыкновенно съ согласія родителей; но бываютъ случаи самовольныхъ браковъ, хотя чрезвычайно рѣдко. Къ такимъ бракамъ относятся съ большимъ презрѣніемъ. Обыкновенно же родители сами выбираютъ жениху невѣсту.

При сватаньѣ и свадьбѣ строго соблюдается множество старинныхъ обычаевъ.

Отецъ жениха, взявъ порядочный запасъ вина, идетъ съ сыномъ въ тотъ погостъ, гдѣ живетъ невеста. Придя въ ея вѣжу, онъ читаетъ передъ дверью молитву; ему говорятъ въ отвѣтъ: «аминь», и онъ входитъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Выступивъ впередъ, лопарь внимаетъ флягу съ виномъ и, наливъ стаканъ, подаетъ отцу невесты, а если нѣтъ отца, то старшему въ семьѣ. Тотъ не отказывается, а спрашиваетъ: «А что, первая рюмка не завяжетъ»? Гость отвѣчаетъ ему, что онъ можетъ выпить ее и не исполнить его

просьбы. Хозяинъ вѣжи выпиваетъ тогда рюмку и возвращаетъ ее гостю. Тотъ подноситъ другую рюмку хозяйкѣ, которая также выпиваетъ ее. Затѣмъ опять слѣдуетъ рюмка хозяйну, послѣ чего всѣ

усаживаютъ — и начинается сватовство, оканчивающееся обыкновенно тѣмъ, что отецъ невесты говоритъ: «Хорошо, мы подумаемъ».

Отказъ считается безчестьемъ, и оскорбленная сторона взмскиваетъ какъ за безчестье, такъ и за выпитое вино. Въ слу-

чаѣ же согласія, отецъ невесты посылаетъ съ этимъ извѣстіемъ къ отцу жениха своего сына, послѣ чего женихъ пріѣзжаетъ со всею своею роднею.

ТИПЫ НОРВЕЖСКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

У лопарей женихъ обязанъ, такъ сказать, купить неvěсту, и даетъ за нее условленное число оленей и шкуръ пушныхъ звѣрей. Иногда онъ обязуется прослужить нѣсколько лѣтъ тестю. Обо всѣхъ этихъ статьяхъ торгуются, причемъ отецъ неvěсты старается запросить какъ можно больше; но, разъ сойдясь въ условіяхъ, строго выполняетъ ихъ.

Наканунѣ свадьбы, женихъ съ своими родными ѣдетъ къ вѣжѣ неvěсты, гдѣ уже собрались всѣ ея родственники. Дверь заперта на задвижку, и жениха не пускаютъ. Онъ начинаетъ стучаться, приговаривая: «Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Это повторяется до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго раза изъ вѣжи слышится сердитый, заспанный голосъ: «Кто это тамъ бродитъ по ночамъ»? Вслѣдъ затѣмъ дверь отворяютъ до половины, и въ отверстіе появляется голова родственника неvěсты, исполняющаго роль свата. «Не вижу, не вижу, что за люди пришли», говоритъ онъ, щуря глаза. Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ. Сватъ третъ имъ одинъ глазъ и прищуриваетъ другой, за что получаетъ опять полтинникъ, на этотъ разъ уже отъ жениха.

Но ему мало этого. Онъ говоритъ, что горло болить — ему дарятъ платокъ; далѣе, что озябъ — ему даютъ водки. Братъ неvěсты въ свою очередь, также продѣлываетъ всю эту исторію. «У насъ улетѣла птичка, говоритъ наконецъ отецъ жениха, такъ мы пріѣхали посмотреть, не здѣсь-ли она спряталась». Послѣ того дверь отворяютъ, и гости входятъ въ вѣжу гуськомъ, держа другъ друга за плечи. Женихъ начинаетъ топать, но его осаживаютъ возгласами «тиру!» Послѣ этого вся родня жениха усаживается на лавки, гдѣ уже сидитъ вся родня неvěсты, но ея самой нѣтъ. Отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ и будятъ его, слегка постукивая пальцами по головѣ. Онъ протираетъ глаза и говоритъ, чтобы ему дали на очки, на починку головы и пр. То же дѣлаетъ и вся родня неvěсты, которую женихъ обязанъ одарить.

Разыгравъ всю эту комедію, выводятъ неvěсту подъ покрываломъ и усаживаютъ на постель. «Не та-ли это птица, которую вы ищите?» говорятъ родные неvěсты, указывая на нее. Тогда настаетъ очередь свахи просить подарка и, получивъ его, она поднимаетъ покрывало. «Та самая», отвѣчаютъ гости. Шаферъ неvěсты беретъ ее за руку и подводитъ къ жениху. «Попробуемъ, хороши-ли у вашего сокола когти?» приговариваетъ шаферъ и, положивъ руку неvěсты въ руку жениха, начинаетъ похлопывать его. — «Ого, у вашего сокола хороши когти», говоритъ онъ въ заключенье. Женихъ даритъ неvěстѣ платокъ, который та тотчасъ же повязываетъ на голову, и затѣмъ уѣзжаетъ домой. Родные же его остаются — и начинается пиръ.

На другой день всѣ опять собираются въ домъ неvěсты и, помолясь Богу, идутъ въ церковь, иногда за 300 верстъ. Послѣ свадьбы новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ, и тутъ начинается пиръ во всемъ разгарѣ, на который всякій приноситъ то, что у него есть съѣстнаго и водку. На свадьбѣ прыгаютъ черезъ шести, играютъ въ гусекъ, рассказываютъ разныя басни, поютъ и пляшутъ. Игра въ гусекъ — нѣчто въ родѣ шахматной: играютъ тринадцатю камушками, изображающими гусей и лисицу.

Повеселясь и погулявъ вдоволь, свадебный поѣздъ отправляется въ погость отца новобрачной, гдѣ она остается съ мужемъ. По прошествіи года, тестъ и теща награждаютъ зятя оленями и одеждою, и онъ уѣзжаетъ съ женою въ свой погость, гдѣ и устраиваетъ себѣ вѣжу. Иногда же поселяется у отца и живетъ вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь всѣмъ, наравнѣ съ неженатыми сыновьями.

Увеселенія лопарей не разнообразны. Въ воскресные дни молодые люди выходятъ изъ тупъ и вѣжей на открытый воздухъ, для игоръ. Старики садятся тутъ же и бесѣдуютъ между собою, причемъ слушатель шевелитъ губами такъ-же, какъ рассказчикъ. Обыкновенныя игры: прыганье черезъ шести, борьба и игра въ мячъ. Поютъ также

пѣсни, но пѣнье лопарей неприятно, таеъ какъ у нихъ хрипые голоса. Иногда пляшутъ подъ пѣнье.

Зимомъ лопари занимаются оленеводствомъ и пушнымъ промысломъ, но въ началѣ весны изо всѣхъ погостовъ внутри страны перекочевываютъ къ морю для ловли рыбы. Перекочевка эта совершается въ веревкахъ, легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, которыхъ лопарь погоняетъ возгласами: «ги! го! ге!» Вѣжи и тупы остаются безъ надзора, какъ оттого, что не боятся воровъ, таеъ и оттого, что въ нихъ и взять нечего. Хозяйственный скарбъ увозится съ собою. Стада оленей большою частью остаются бродить на произволъ судьбы. Въ случаѣ, если волки, росомахи и медвѣди потаскаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то хо-

зяинъ всегда вознаградитъ эту убыль дикими оленями. Длинные вереницы веревекъ мчатся къ условленному мѣсту, при чемъ лопарь ѣдетъ, не разбирая пути. Дорога вездѣ лежитъ для него бархатнымъ ковромъ, а заблудиться не боится онъ оттого, что ему хорошо знакомы страны свѣта: онъ знаетъ, что въ той сторонѣ, съ которой не растетъ на камняхъ мохъ—сѣверъ, а на противоположной, съ

которой камни одѣты мохомъ,—югъ, и соображается съ этимъ. Хорошо для лопаря то, что, отправляясь въ путь, онъ не долженъ запасаться кормомъ для оленей, таеъ какъ они отыскиваютъ сами чутьемъ мохъ подъ снѣгомъ, а когда хотятъ пить, то ѣдятъ снѣгъ.

Во время перекочевки, лопарямъ не разъ случается ночевать на открытомъ воздухѣ, таеъ какъ жилие въ этой странѣ рѣдко. Въ такомъ случаѣ, они огораживаютъ веревками известное пространство

и, набравъ хворосту, разводятъ огонь. Они дѣлаютъ это очень проворно и искусно, таеъ какъ у каждаго лопаря непременно есть при себѣ огниво, березовый труть, который хранится въ кожаномъ футлярѣ, вусочекъ сѣры и нѣсколько обломковъ коры смолистыхъ деревьевъ. Всѣ ложатся во-

ЛОПАРСКАЯ ВѢЖА.

вругъ огня, закутанные въ мѣховые одежды и, зарывшись въ снѣгъ, спать таеъ-же спокойно и крѣпко, какъ на пуховикахъ.

Иногда ночью залаютъ собаки: это значитъ, что къ оленямъ подкрадывается волкъ. Проснувшись, лопарь встаетъ, убиваетъ хищника изъ винтовки,—и снова крѣпко засыпаетъ.

На слѣдующее утро снова пускаются въ путь. Веревки тянутся

длинными вереницами, за ними слѣдуютъ навьюченные олени. Лопари и лопарки идутъ подлѣ кережекъ, весело разговаривая между собою. Между ними снуютъ дѣти, рѣзаясь и играя. Рядъ кережекъ тянется версты на двѣ. Позади него идутъ домашніе олени, сопровождаемые нѣсколькими десятками малорослыхъ, косматыхъ, лапландскихъ собакъ. Прибывъ къ мѣсту лѣтнихъ промысловъ, лопари живо устраиваются въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ и принимаются за работу.

На Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, гдѣ лопари нанимаются работниками къ русскимъ промышленникамъ, послѣдніе, по окончаніи промысловъ, угощаютъ ихъ обѣдомъ, на которомъ главную роль играетъ норвежскій ромъ. Иногда въ одномъ становищѣ, въ одинъ день, бываетъ у разныхъ хозяевъ до пяти и шести такихъ обѣдовъ, Лопарь, страстно любящій спиртные напитки, непременно явится на каждый изъ нихъ, а въ промежуткахъ, отъ избытка восторга, повалится и покувыркается по землѣ.

Лопари любятъ заводить съ русскими тѣсную дружбу. Часто лопарь, чтобы укрѣпить ее, мѣняется съ русскимъ крестомъ, причемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Обычай этотъ старинный.

Способъ погребенія лопарей скорѣе языческій, чѣмъ христіанскій хотя, конечно, языческіе обычаи исполняютъ тайно. Покойника хоронятъ безъ гроба, иногда въ одеждѣ, иногда же нагаго.

Замѣчательныхъ стрѣлковъ хоронятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносили жертвы богамъ.

Прежде покойниковъ просто клали на землю и обкладывали камнями, но нынче зарываютъ въ землю, насыпаютъ сверху курганъ, и кладутъ на него сани, полозьями вверхъ, а подъ ними немного пищи и утвари.

Иногда кладутъ въ могилу также орудія, которыми работалъ умершій: топоръ, весло, удочки и т. п. Похоронный пиръ дѣлаютъ чрезвычайно рѣдко.

На ѣздовыхъ оленяхъ покойнаго никто не имѣетъ права ѣздить.

Относительно умственнаго развитія, лопари стоятъ на очень низкой ступени. Вся цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добывать насущное пропитаніе, и всѣ силы ихъ ума устремлены, главнымъ образомъ, на средства къ удовлетворенію этой потребности. Лопарь постоянно занятъ мыслью о томъ, какъ-бы ему искуснѣе перехитрить какого-нибудь звѣря, такъ что у него не остается времени для другихъ помысловъ. Какъ всѣ дикіе и полудикіе народы, лопарь прельщается тѣмъ, что поражаетъ его чувственность, разсудокъ же его бездѣйствуетъ.

Впрочемъ, онъ интересуется тѣмъ, что происходитъ внѣ круга его жалкой жизни, и путешественника, пріѣхавшаго въ какой-нибудь погостъ, обыкновенно встрѣчаютъ разспросами о томъ: здоровъ-ли Государь, живъ-ли губернаторъ, все-ли въ краю миръ.

Лопари не знаютъ грамоты, но употребляютъ вмѣсто буквъ клейма. До сихъ поръ въ лопарскихъ селеніяхъ никогда не было никакихъ школъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ десятилѣтіе, отъ 1857 до 1867 года, обучались грамотѣ изъ лопарей въ кольскомъ приходскомъ училищѣ: 3 ч. муж. пола и 1 жен. пола. Нынче хотятъ завести школы при приходскихъ церквахъ, которыя строятъ въ нѣкоторыхъ зимнихъ лопарскихъ погостахъ. Сами лопари начинаютъ уже сознавать пользу грамотности для своихъ дѣтей, и надо надѣяться, что, съ распространеніемъ ея, смягчится грубость ихъ быта.

Лопари говорятъ различными нарѣчіями, но разница между ними не велика. Она состоитъ, главнымъ образомъ, въ примѣси иностранныхъ словъ, смотря по тому, съ какимъ народомъ приходится имъ чаще имѣть сношенія: финскимъ, норвежскимъ или русскимъ.

У лопарей есть своего рода героическія поэмы о богатыряхъ. Замѣчательно то, что богатыри эти всегда имѣли дѣло съ русскими, и всегда одолѣвали ихъ.

Лопари рѣшаютъ вопросы, относящіеся до внутренняго порядка ихъ быта, на мірскихъ сходкахъ. Каждый лопарь, имѣющій тупу или вѣжу, можетъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, но молодежь не пользуется правомъ голоса. Уважается только мнѣніе старшихъ. Наибольшее значеніе имѣетъ голосъ такого богача, который помогаетъ міру, внося иногда повинности за отлучившагося изъ своихъ мѣстъ и помогающаго въ другихъ нуждахъ. Обсуждаемые вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ споровъ, обидъ, воровства и т. п., собираютъ особня сходки, на которыхъ производятъ судъ. Наказанія состоятъ въ уплатѣ вознагражденія за обиду.

Отецъ, какъ глава семейства, имѣетъ право отдѣлять часть дѣдовскаго имущества и закладывать его. Если сынъ не пожелаетъ жить вмѣстѣ съ родителями и отдѣлится противъ ихъ воли, то отецъ ничего не даетъ такому.

Лопари, жившіе прежде на границахъ Россіи съ Норвегіею и Финляндіею, подпавъ съ X вѣка подъ вліяніе сильныхъ сосѣдей русскихъ, шведовъ и датчанъ, платили всѣмъ троимъ дань, отчего ихъ и называли двоеданными и троеданными лопарями. Тѣ изъ нихъ, которые жили на границахъ Финляндіи, съ присоединеніемъ ея къ Россіи, вошли въ составъ Россійскаго государства и въ настоящее время живутъ въ самой сѣверной части Лалландіи.

Есть еще племя лопарей, говорящее совершенно особымъ нарѣчіемъ и исповѣдующее лютеранскую вѣру. Лопари эти называются фильманами или финеманами, и вочуютъ по тундрамъ на пространствахъ 300 верстъ отъ города Колы на западъ до границъ Финляндіи и Норвегіи. Они владѣютъ огромными стадами оленей, иногда до тысячи головъ. Отечество ихъ — Финляндія и норвежская провинція Финмаркенъ.

У нихъ черные волосы, варіе глаза, смуглый цвѣтъ лица съ румянцемъ на щекахъ. Они гостеприимны и цѣломудренны, но недо-

вѣрчивы, угрюмы и мстительны. Въ отношеніи умственнаго развитія стоятъ ниже другихъ лопарей.

Они носятъ печокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, яры, а на головѣ шапки, въ родѣ кучерскихъ, изъ синяго сукна съ краснымъ околышкомъ.

Лѣтомъ носятъ одежду изъ бѣлаго сукна. Вообще бѣлый цвѣтъ считается щегольствомъ, и печокъ изъ бѣлыхъ оленей — праздничнымъ нарядомъ. Живутъ они въ кувасахъ. Такъ называютъ палатки конусообразной формы изъ грубаго сукна, натянутого на жерди. Грязь и духота въ такой палаткѣ невообразимыя. Пространство ея въ діаметрѣ двѣ съ половиною сажени и полторы сажени вышины, а въ ней спитъ семья, числомъ иногда до десяти человѣкъ; тутъ же и собаки.

На концахъ жердей развѣшаны оленье, китовое или тюленье мясо, шкуры, одѣяла, хомуты и пр. Посреди очагъ, надъ которымъ всегда виситъ котелокъ со снѣгомъ.

Фильманы ѣдятъ оленье и тюленье мясо, рыбу и китовый жиръ — все въ сыромъ видѣ и несоленое. Ыдятъ также лепешки изъ ржаной муки и очень любятъ кофе, который пьютъ два раза въ день.

Устройство быта и занятія:

Калмыки ведутъ полудикій образъ жизни, кочуя съ большими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами лошадей по неудобнымъ для земледѣлія степямъ, простирающимся по низовьямъ Волги до Астрахани, а также въ Донской области и на Кавказѣ. Общее число ихъ доходитъ до 100,000 душъ. Главное занятіе калмыковъ состоитъ въ скотоводствѣ. Народъ этотъ монгольскаго происхожденія и исповѣдуетъ буддійскую религію.

Въ фізіономіи калмыка рѣзко сказывается монгольскій типъ; отличительныя черты его: смуглое, широкое и плоское лицо съ выдающимися скулами, широкой приплюснутый носъ, небольшіе черные глаза съ косымъ разрѣзомъ и очень часто косые и блестящіе, наконецъ черные какъ смоль жесткіе волосы.

Кочующіе ближе къ Волгѣ калмыки коренасты и приземисты, но степняки отличаются высокимъ ростомъ и стройнымъ, красивымъ тѣлосложеніемъ.

Устройство калмыцкаго быта основано на родовомъ началѣ. Ис-

ходнымъ пунктомъ этого устройства служитъ *хотонъ*, т. е. собраніе ближайшихъ родственныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ, какъ напр. дѣдъ, сыновья, внуки, племянники и т. п. Правителемъ хотона считается старѣйшій въ семействѣ.

Нѣсколько хотоновъ, находящихся между собою въ болѣе отдаленномъ родствѣ, составляютъ *аймакъ*, Тотъ изъ хотонныхъ старшинъ, который происходитъ по прямой линіи отъ главы перваго хотона, называется *зайсаномъ* и управляетъ цѣлымъ аймакомъ. Собраніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, называется родомъ. *Улусомъ* называется часть народа заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Владѣтель улуса называется *нойономъ*.

Вліяніе этого устройства отразилось въ характерѣ народа: калмыкъ свято чтитъ не только своего нойона, т. е. владѣтеля улуса, къ которому принадлежитъ, но и нойоновъ другихъ улусовъ. Онъ входитъ въ кибитку владѣтеля точно такъ же какъ въ кумирню, т. е. не иначе, какъ съ правой стороны и, при входѣ, беретъ сперва лѣвою рукою за дверную перекладину, а потомъ касается ею лба. Выходя же изъ кибитки нойона, пятится задомъ. При всякомъ торжественномъ случаѣ и при семейныхъ празднествахъ, онъ подноситъ нойону дары. Несоблюденіе этого обычая для него невысказано. Къ жрецамъ, называемымъ гелюнгами, калмыкъ относится также съ большимъ уваженіемъ, слѣпо вѣритъ въ ихъ ученость и также охотно дѣлаетъ имъ приношенія.

Но въ своей семьѣ онъ является полнымъ ея главою и держитъ всѣхъ своихъ домочадцевъ въ строгомъ повиновеніи и почтительности. Изъ этого происходитъ рабская покорность дѣтей къ родителямъ и почтительное обхожденіе младшихъ со старшими. Въ старину виноватаго въ неповиновеніи къ отцу или матери, въ грубости и дерзости къ родственникамъ и старшимъ по званію и лѣтамъ, нака-

звали нагайками и, выпачавъ ему лицо сажею, водились таганомъ на шеѣ по хотону, вокругъ каждой кибитки.

Молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ явиться передъ отцомъ или матерью въ нетрезвомъ видѣ, не садеть при старшихъ, поджавъ ноги, что считается большою фамильярностью, а присядеть на колѣни, крѣпко упершись пятками въ землю; явиться предъ старшими безъ пояса для него такъ же немислимо, такъ какъ у калмыковъ быть безъ пояса считается почти тѣмъ же, чѣмъ у насъ быть въ халатѣ.

Положеніе женщины у калмыковъ лучше, чѣмъ у племень, исповѣдующихъ магометанскую вѣру. Женщина не закрываетъ лица отъ постороннихъ, можетъ свободно разговаривать, танцовать и играть съ мужчинами въ различныя игры, и молится вмѣстѣ съ ними въ кумирнѣ. Она полная хозяйка въ домѣ; но все, что выходитъ за черту домашняго хозяйства, долженъ приготовить для нея мужчина. Она не сѣдлаетъ коня, и никто, ни даже самъ владѣлецъ, не имѣетъ права передать даже простой женщинѣ своего коня, съ тѣмъ чтобы она подержала его за поводъ. Мужчина, хотя бы самъ владѣтель, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойти съ своего коня, долженъ самъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ сѣдла. Отъ подчиванья женщины нельзя отказаться. Если женщина поднесетъ гостю чашку теплой арзы, только что выгнанной ея трудами, то отказъ считается жестокою обидою всему дому. Женщину нельзя бить ни рукою, ни палкою, ни передъ бурханами *). Понятно, что въ ежедневномъ быту правила это не всегда исполняются. Полудикій калмыкъ соблюдаетъ учтивость и цермонность только при народныхъ собраніяхъ, также съ посторонними и особенно съ богатыми соплеменниками. Но въ своей семьѣ онъ откладываетъ всякія церемоніи въ сторону и частенько бьетъ жену за всякую оплошность: если напр. чай не готовъ во-время, или обѣдъ не вусеня, мало арзы и т. п.

*) Статуэтки; изображающія буддійскія божества.

Калмыки мужественны и отважны. Обращаясь съ дѣтства обою лошадей, они страстно любятъ наѣздничество и отличаются въ этомъ искусствѣ чрезвычайною смѣлостью и ловкостью.

Калмыцкія женщины также хорошія наѣздницы; часто, когда брату или отцу некогда, молодая дѣвушка, вооружась арканомъ, носится на конѣ по степи, отыскивая отставшую за ночь отъ табуна дикую лошадь. Даже калмыцкіе мальчики отличаются удалью въ наѣздничествѣ и часто выдѣлываютъ на конѣ такія ловкія штуки, которыми у насъ позавидовалъ бы любой вольтижеръ.

Чистоплотность не принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ калмыцкаго быта, но нельзя и ожидать ея при грубости понятій этого народа и при его неосѣдомомъ образѣ жизни. Впрочемъ, нельзя также сказать, чтобы чистота не имѣла уже вовсе никакого значенія въ глазахъ калмыка.

Калмыцкія женщины, которыя вообще большія руководѣльницы, любятъ даже щеголеватость въ украшеніи своихъ жилищъ и вещей, служащихъ для домашняго обихода.

Въ жилищахъ людей богатыхъ и въ особенности такихъ, которые, вслѣдствіе частыхъ посѣщеній городовъ и знакомства съ русскимъ бытомъ, успѣли уже усвоить привычку къ нѣкоторому удобству, не рѣдко встрѣчается не только чистота, но даже роскошь

Калмыки любятъ повеселиться въ свободное время, о чемъ свидѣтельствуется множество различныхъ игръ, которыя въ обычаѣ у нихъ.

Говоря вообще, народъ этотъ, несмотря на нѣкоторую необузданность и дикость, добродушенъ, миролюбивъ въ житейскихъ сношеніяхъ, гостепріименъ, сильно преданъ своей религіи и властямъ, и привязанъ къ стариннымъ обычаямъ, что впрочемъ не исключаетъ въ немъ способности къ образованію.

Калмыки, принужденные часто переселяться съ мѣста на мѣсто, живутъ въ разборныхъ шатрахъ, называемыхъ кибитками, устрой-

ство которых сходно съ описанными уже шатрами другихъ кочевниковъ.

Сыновья всегда разставляютъ свои кибитки вокругъ отцовской которая въ отличіе отъ другихъ называется большою. Жены сыновей не стряпаютъ отдѣльно, а вся семья ѣсть изъ общаго котла въ большой кибиткѣ. Иногда около нее набирается до десяти и болѣе малыхъ кибитокъ, образующихъ болѣе или менѣе правильный кругъ. Промежутки между ними загораживаютъ плетенымъ заборомъ, въ родѣ кибиточныхъ рѣшетокъ, только по тоньше и по выше. Съ одной стороны забора продѣлываютъ дверь. Зимой заборъ съ надвѣтренной стороны завѣшиваютъ войлокомъ.

Просторный дворъ, остающійся такимъ образомъ посрединѣ, служитъ загономъ для верблюдовъ, рогатаго скота и барановъ.

Это-то собраніе кибитокъ, со всѣмъ что находится въ нихъ и называется *хотономъ*.

Установивъ кибитку и обвѣсивъ ее кошмами, калмыцкая хозяйка врываетъ въ нее снаружи флюгеръ, состоящій изъ доскута бумажной или шелковой матеріи, съ начертанными на ней таинственными молитвами и только тогда уже приступаетъ къ внутренней уборкѣ жилья.

Прежде всего устраиваетъ она около стѣны противоположной двери самое священное мѣсто въ жильѣ, называемое *большимъ бараномъ*. Для этого она складываетъ на землю въ одну грудувьючные снаряды, попоны и ковровые мѣшки, покупаемые въ Астрахани у персіанъ. Въ такихъ мѣшкахъ хранятся верблюжьи недоуздки обшитые разноцвѣтнымъ сукномъ и употребляемые только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Сверхъ этого ставитъ она сундуки съ хорошею одеждою и прикрываетъ ихъ коврами. Затѣмъ помѣщаетъ на этомъ пьедесталѣ святиню—бурханный ящикъ, на которомъ ставятъ вынутыя изъ него литыя и лѣпныя изображенія бурхановъ.

Предъ бурханами ставитъ она миниатюрный рѣзной столикъ,

раскрашенный и мѣстами позолоченный, и на немъ серебряныя и мѣдныя чашечки съ жертвами, т. е. съ пшеницею, крупкою, водою и различными куреніями. Наконецъ, втыкаетъ въ землю предъ бурханами рѣзной или точенный остроконечный шестъ и надѣваетъ на него пустую серебряную чашечку; въ эту чашечку кладутъ или вливаютъ ту часть кушанья или напитка, которая, при общей трапезѣ, должна быть первымъ кускомъ старшаго въ семьѣ.

Покончивъ съ устройствомъ *большаго барана*, хозяйка принимается за постель, которая обыкновенно помѣщается какъ разъ противъ двери, такъ что при входѣ въ кибитку, бросается первая въ глаза. Собравъ складную кровать, вышиною не болѣе полу аршина, она постилаетъ на нее вмѣсто матраца войлочныя попоны, которыми во время дороги покрываютъ верблюдовъ, а въ головахъ и въ ногахъ кладетъ по кожаной подушки. Попоны эти дѣлаются изъ чистаго, бѣлаго войлока простегиваются разными узорами и обшиваются по краямъ краснымъ, синимъ или чернымъ сукномъ. Въ подушкѣ, лежащей въ головахъ, хранится чистое бѣлье, другая же—набивается разнымъ хозяйственнымъ тряпьемъ. Лѣтомъ хозяйка прикрываетъ постель легкимъ покрываломъ нанковымъ, китайчатымъ или даже шелковымъ, смотря по достатку, зимою же—теплымъ одѣяломъ, подбитымъ овчиною, лисьимъ или другимъ мѣхомъ. Наконецъ, раскидываетъ она надъ постелью въ видѣ балдахина пологъ, красиво обшитый сверху фестонами. Иногда подъ пологомъ бывають еще особыя занавѣски.

Подлѣ нижняго конца кровати хозяйка ставитъ ящикъ или сундукъ, въ который прячетъ лучшіе съѣстные припасы и вино, а на сундукѣ разставляетъ лучшую посуду; мѣсто это называется *малымъ бараномъ*. Вся правая сторона кибитки, начиная отъ *малаго барана* и до самой двери устанавливается разнымъ хозяйственнымъ скарбомъ.

Сундуковъ у калмыцкой семьи бываетъ не болѣе двухъ, трехъ,

но они очень изящной отдѣлки и лакированные. Для того, чтобъ они не портились, ихъ обвязываютъ войлоками.

Покончивъ съ уборкою кибитки, хозяйка разводитъ посреди нея огонь изъ бизяка т. е. конскаго навоза, надъ которымъ ставятъ таганъ съ котломъ для приготовления пищи—и новоселье готово. Огонь посрединѣ кибитки горитъ почти постоянно. Вокругъ него любятъ грѣться старухи; къ нему же подползаютъ и маленькіе ребятишки, которыхъ матери, уходя на работу, привязываютъ, какъ собаченюкъ, къ ножкамъ кровати именно на такомъ разстояніи, чтобъ они могли подползти къ огню, но не попасть въ него.

Пища калмыковъ такая же грубая какъ и весь ихъ бытъ. Они очень любятъ мясо «маханъ», т. е. говядину, баранину, конину и верблюжину; послѣдніе два рода мяса считаются большимъ лакомствомъ. Ѣдятъ также и маленькихъ звѣрковъ, которые водятся въ степяхъ во множествѣ. Мясо они никогда не жарятъ, но всегда варятъ или вялятъ, а на зиму сушатъ. Свиной не держатъ, потому что при кочевомъ бытѣ это совершенно невозможно; но свинину Ѣдятъ съ удовольствіемъ. Самыми роскошными, праздничными блюдами, доступными только достаточнымъ людямъ, считается мясо молодыхъ животныхъ, какъ напр. молоденькаго барашка или жеребенка. За столомъ же богатаго калмыка въ праз-

ничные дни подается иногда откормленная кобылица или молоденькій верблюженюкъ, которыхъ готовятъ различными способами. Особенно лакомымъ кускомъ считается барашекъ и верблюженюкъ.

Когда гонять арьянъ, т. е. вино изъ молока, то остающуюся послѣ перегонки гущу сцѣживаютъ въ холстинные мѣшки, гдѣ изъ нея образуется родъ творога; когда онъ отвердѣетъ, его разрѣзываютъ ломтами и сушатъ на солнцѣ. Этотъ кислый сыръ называемый *бозо*, неоцѣнимъ для калмыка въ дорогѣ, такъ какъ утоляетъ его жажду въ безводныхъ мѣстахъ.

Главную же усладу калмыка составляетъ кирпичный чай. Его рѣжутъ кусочками и варятъ въ кипятокѣ вмѣстѣ съ солью, масломъ и молокомъ коровьимъ или овечьимъ,—богатые же съ верблюжьимъ; потомъ процѣживаютъ сквозь волосяное сито въ *домбо* и пьютъ изъ чашекъ.

Такъ какъ мука у калмыковъ покупная, то хлѣбъ у нихъ далеко не такъ употребителенъ, какъ у осѣдлыхъ народовъ.

Всѣ—и богатые и бѣдные—калмыки, чтобы не слишкомъ тратиться на покупку кирпичнаго чая, собираютъ лѣтомъ конскій щавель и вѣтки дикой ежевики, которыя сушатъ и въ кусочкахъ развариваютъ въ водѣ вмѣсто чая. Калмыки, какъ и киргизы, никогда не пьютъ сырой

КАЛМЫКЪ.

калмыковъ покупная, то хлѣбъ у нихъ далеко не такъ употребителенъ, какъ у осѣдлыхъ народовъ.

воды. Только больные употребляют иногда въ видѣ лекарства чистый випятаевъ безъ всякаго настоя.

Жажду калмыкъ удовлетворяетъ арьяномъ или кумысомъ.

Арьяномъ называется перебродившее коровье или овечье молоко, а кумысомъ — кобылье.

Лѣтъ до десяти смуглый, загорѣлый калмыченоецъ бѣгаетъ въ самомъ первобытномъ костюмѣ, даже безъ рубашенки, спасаясь зимою отъ холода подъ овчиною родительской постели; по мѣрѣ же того, какъ мальчикъ подрастаетъ, костюмъ его становится полнѣе.

Полнаго костюма мы не будемъ описывать, ибо это видно изъ приложеннаго рисунка.

Каждый калмыкъ держитъ, смотря по достатку, болѣе или менѣе многочисленную стада овецъ, рогатаго скота, косяки лошадей и болѣе или менѣе ограниченное число верблюдовъ. Уходъ за всѣми этими животными требуетъ много труда и составляетъ главное занятіе калмыковъ.

Занятія скотовода сопряжены въ калмыцкихъ степяхъ съ большими хлопотами и лишеніями.

Главную его заботу составляютъ колодцы. Ихъ надо очищать, по крайней мѣрѣ, черезъ двое сутокъ въ третьи для того, чтобы ихъ не заносило пескомъ, отливать изъ нихъ старую, застоявшуюся воду и укрѣплять ихъ стѣнки для того, чтобы они не обсыпались.

Зимою же уходъ за табунномъ сопряженъ еще съ большимъ трудомъ и лишеніями. По открытой степи часто крутить мятелица — и испуганныя лошади разбѣгаются въ разныя стороны.

Въ это время съ ними ничего уже не подѣлаешь, — и ихъ оставляютъ на произволъ судьбы до утра. Поутру, хозяинъ, не найдя табуна тамъ, гдѣ оставилъ его вечеромъ, отправляется отыскивать его. Отыскать необходимо, потому что табунъ составляетъ главное достояніе калмыка; но какъ найти разбѣжавшихся коней, когда свѣжій пушистый снѣгъ давно уже занесъ слѣды ихъ?

Табунщикъ кидается на землю, разгребаетъ снѣгъ руками тулупа, роется руками въ разныхъ мѣстахъ и, пробившись иногда нѣсколько часовъ, находитъ наконецъ конскіе слѣды. Обрадованный этимъ открытіемъ, онъ ѣдетъ въ ту сторону, но вдругъ слѣдъ снова пропадаетъ. Приходится опять слѣзть съ лошади и отыскивать его тѣмъ же порядкомъ; такимъ-то образомъ калмыкъ считается иногда по степи нѣсколько сутокъ безъ хлѣба, почти безъ сна и часто безъ отдыха. Счастливъ онъ еще, если наткнется по дорогѣ на чужой хотонъ, гдѣ всегда радушно примутъ гостя. Онъ заѣдетъ въ него, утолитъ голодь, отогрѣется и отдохнетъ. Если же онъ заѣдетъ въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ по близости кочевья, то иногда такъ оголодаетъ, что, найдя табунъ, отрѣзываетъ голову первому встрѣчному жеребенку или кобылицѣ и, срубивъ часть шеи, сосетъ жиръ, остальное же все бросаетъ, потому что не въ чемъ ни сварить, ни испечь, а съ собою везти неудобно.

И при всѣхъ этихъ лишеніяхъ и тяжелыхъ трудахъ, калмыкъ не обезпеченъ отъ нищеты: иногда, за недостаткомъ подножнаго корма, погибаетъ весь его скотъ, — и тогда онъ совершенно разоренъ.

Калмыцкія женщины работаютъ не только не меньше, но еще больше мужчинъ. Онѣ доятъ коровъ, овецъ и кобылицъ, что требуетъ не мало времени, такъ какъ есть хозяйства, въ которыхъ бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, такое же число коровъ и до двухсотъ овецъ. Кромѣ того, женщины занимаются изготовленіемъ кумыса, арьяна, вина и кизяка для топлива, прядутъ шерсть, валяютъ кошмы, вьютъ арканы, чинятъ кибитки, шьютъ кожаную посуду, занимаются обработкою дикой конопли, которая растетъ вездѣ, по степямъ лѣтняго и зимняго кочевья, также обработкою корня, называемаго тушмутъ, изъ котораго выдѣлываютъ очень хорошую желтую краску и пр. Бѣдные калмыки нанимаются косить сѣно у богатыхъ, поступаютъ также въ гребцы на мелкихъ судахъ, подражаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, и

ходятъ на работу къ отеушицамъ и владѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Мастерства очень развиты у калмыковъ. Во всѣхъ улусахъ есть живописцы и лѣщники, большею частію гелюнги, занимающіяся выдѣлкою священныхъ статуэтокъ.

Есть также въ улусахъ столяры, плотники, слесаря, кузнецы, токари, литейщики, оружейники, портные, сапожники, скорняки и даже мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Но произведенія ихъ промышленности рѣдко выходятъ за черту роднаго улуса. У калмыковъ всякое мастерство переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку и т. д.

Къ числу занятій калмыковъ надо причислить также охоту, хотя нѣкоторые виды ея составляютъ скорѣе забаву. Самая старинная и любимая охота ихъ за сайгаками; кромѣ того, охотятся они за кабанами. Для птичьей охоты дрессируютъ соколовъ, ястребовъ и балабановъ. Съ соколами ловятъ дивихъ гусей и драфу; съ ястребами — также дивихъ гусей и цаплей, съ соколами же — цаплей и лебедей.

Калмыкъ очень любитъ также травить зайцевъ и бить волковъ. На волковъ охотятся иногда съ собаками, но чаще всего убиваютъ ихъ просто нагайками, сидя на конѣ.

Калмыкъ владѣетъ нагайкою такъ искусно, что она часто превращается въ рукѣ его въ такое же могучее орудіе защиты или нападенія, какъ сабля или даже винтовка. Есть различные роды ударовъ нагайкою, начиная отъ легкаго удара по сѣдлу, который только подзадориваетъ коня, до такого, который причиняетъ смерть. Все зависитъ отъ того въ какую часть тѣла ударить оконечность нагайки. Чтобы положить волка, калмыкъ пригоняетъ ударъ такъ, чтобы хватить концомъ ея звѣря по самой оконечности носа, но не вдоль а поперекъ. Для того, чтобы захватить волка живаго, наѣздникъ нарываетъ ударить его по спинной кости такимъ образомъ,

чтобы нагайка обвилась по боку и конецъ ея прохватилъ брюхо. Смертельный ударъ человѣку тотъ, когда конецъ нагайки ударитъ въ високъ. При встрѣчѣ въ степи съ воромъ, угоняющимъ чужой табунъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, калмыкъ употребляетъ ударъ нагайкою по колѣну, для того чтобы сшибить его съ сѣдла. Ударомъ этимъ онъ долженъ владѣть очень искусно для того, чтобы не убить человѣка. У калмыковъ есть даже по этому поводу слѣдующая поговорка: «Плохой тотъ табунщикъ, который не собьетъ и не положить за смертью волка его беспокоившаго».

Нагайка въ глазахъ калмыка почти волшебное орудіе. Когда нѣкоторые хотоны, никогда небывавшіе на Волгѣ, прикочевали къ берегамъ ея раннимъ лѣтомъ, во время хода по рѣкѣ тарани — кочевники изумленные и обрадованные обиліемъ рыбы принимались бить ее съ сѣдла нагайками, воображая что наловятъ ее такимъ способомъ.

Религія, обычай, увеселенія.

Калмыцкіе жрецы или гелюнги, ведутъ безбрачную жизнь и пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ, тѣмъ болѣе что обладаютъ нѣкоторыми познаніями. Они занимаются медициною, астрономіею, къ которой примѣшиваютъ астрологию, живописью, каллиграфіею, какъ искусствомъ переписки духовныхъ книгъ, составленіемъ календаря, гадаютъ по звѣздамъ и, смотря по результату своихъ гаданій, назначаютъ счастливые или несчастные дни. Воспитаніемъ дѣтей также исключительно занимаются гелюнги. Ученость ихъ, конечно, представляетъ смѣсь отрывочныхъ, устарѣлыхъ свѣдѣній съ различными суевѣріями, но народъ слѣпо вѣритъ, какъ въ ихъ медицинскія пособія, такъ и въ жреческія предвѣщанія. Если гелюнгъ предскажетъ какому нибудь калмыку, что ему грозитъ несчастный день, то калмыкъ ни за что не останется въ своей кибиткѣ, а, запас-

шись провизією, уѣдетъ на нѣсколько дней въ табунъ, гдѣ и проведетъ весь опасный для него періодъ времени. Кромѣ астрологовъ есть еще колдуны изъ простыхъ калмыговъ называемые *задычи*. Народъ вѣрить, что они могутъ нагнать и разогнать дождевыя тучи, распространить при безоблачномъ небѣ тѣнь, вызвать дождь и грозу или усмирить бунтующія стихіи.

Кумирни, называемыя *хурулами*, помѣщаются или въ кибиткахъ или въ собственно для нихъ выстроенныхъ зданіяхъ. Если кто пожелаетъ отпраздновать какой нибудь торжественный праздникъ у себя въ хотонѣ, то можетъ не только пригласить къ себѣ гелюнговъ, но даже перевезти на свой счетъ бѣлый хурулъ на время моленія.

Походныя хурульныя кибитки убираются роскошно но, далеко уступаютъ въ великолѣпіи выстроеннымъ кумирнямъ какъ напр. на калмыцкомъ базарѣ или въ селѣ Тсомешкѣ. Прямо противъ входа въ хурульную кибитку, стоитъ столікъ съ литыми статуиками, изображающими бурхановъ и передъ ними серебряныя чашечки съ жертвами и куреньями. Около нихъ лежатъ живые или высушенные цвѣты и павлиньи перья. По сторонамъ бурхановъ висятъ картины изъ буддійской міеологіи. Сверху спускается надъ бурханами небольшой, но роскошно убранный пологъ и занавѣсы изъ разноцвѣтныхъ матерій. Вдоль кибитки, отъ входа до бурханнаго столика, посланы двѣ узкія полосы ковровъ, предъ которыми стоятъ длинныя, низкіе и узкіе столики. На коврахъ садятся жрецы и кладутъ на столики свои книги и инструменты, употребляемые при богослуженіи, а именно: раковины, изъ которыхъ выдуваютъ только одну ноту, колокольчики, мѣдныя тарелочки, небольшіе рога и трубы и другія трубы очень длинныя; тутъ же, къ влооченному листу, прикрѣпляютъ ручныя литавры, въ которыя бьютъ палкою, изогнутою въ видѣ вопросительнаго знака. При торжественномъ богослуженіи гелюнги надѣваютъ высокіе, желтые, шерстяные колпаки, въ родѣ нашихъ башлыковъ, но безъ лопастей; на задней части колпака,

идетъ по шву во всю длину ея, гребень изъ красной шерстяной матеріи. Иногда же, вмѣсто этихъ шапокъ на голову гелюнги надѣваютъ парики изъ конскихъ волосъ; заплетенная коса виситъ на спинѣ. Парикъ придерживается богато украшенною повязкою въ родѣ кокошника, охватывающаго всю голову. Богослуженіе совершается торжественно; и жрецы, и народъ молятся съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. По временамъ жрецы поютъ довольно согласно, иногда безъ аккомпанимента, иногда же съ аккомпаниментомъ оркестра, издающаго оглушительные дикіе звуки. Особенно рѣзко дѣйствуетъ этотъ оркестръ на непривычное ухо, потому что переходитъ совершенно внезапно отъ самыхъ оглушительныхъ къ самымъ слабымъ звукамъ. Въ хурулъ входятъ не иначе какъ съ правой стороны, хотя бы пришлось при этомъ обойти все хурульныя кибитки. Входящій обязанъ снять у двери шапку, положить земной поклоны, поднять руки къ небу, затѣмъ коснуться имъ земли и наконецъ дотронуться до дверной перекладины; только тогда можетъ онъ переступить черезъ порогъ святилища. Калмыки молятся стоя и по временамъ дѣлаютъ земные поклоны. Изъ хурула выходятъ, обратясь лицомъ къ бурханамъ.

Самый торжественный изъ калмыцкихъ праздниковъ называется *юганъ-сара*, т. е. бѣлый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ года; его празднуютъ въ мартѣ. Богослуженіе въ хурулѣ начинается ночью, наканунѣ праздника. Надо сказать, что калмыки особенно чтутъ небо, солнце и луну, и народъ, въ ожиданіи солнечнаго восхода, толпится около мѣста, занятаго жрецами. Въ тотъ моментъ, когда солнце появится на горизонтѣ, жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ, выносятъ изъ хурула изображение божества *Окунъ-тенери*, прикрѣпленное къ высокому шесту, и обходятъ съ нимъ торжественной процессіей вокругъ кибитокъ. Народъ падаетъ ницъ и молится. Праздникъ продолжается двѣ недѣли съ ряду, но при этомъ не бываетъ ни борьбы, ни скачекъ, составляющихъ обычныя увеселенія

калмыковъ. Въ продолженіи праздника калмыки поздравляютъ знакомыхъ, и даже совершенно незнакомые между собою, при встрѣчѣ, привѣтствуютъ другъ друга.

Другой годовой праздникъ называемый *зула* справляется въ концѣ нашего ноября. Калмыки празднуютъ имъ начало зимы и день ихъ новаго года.

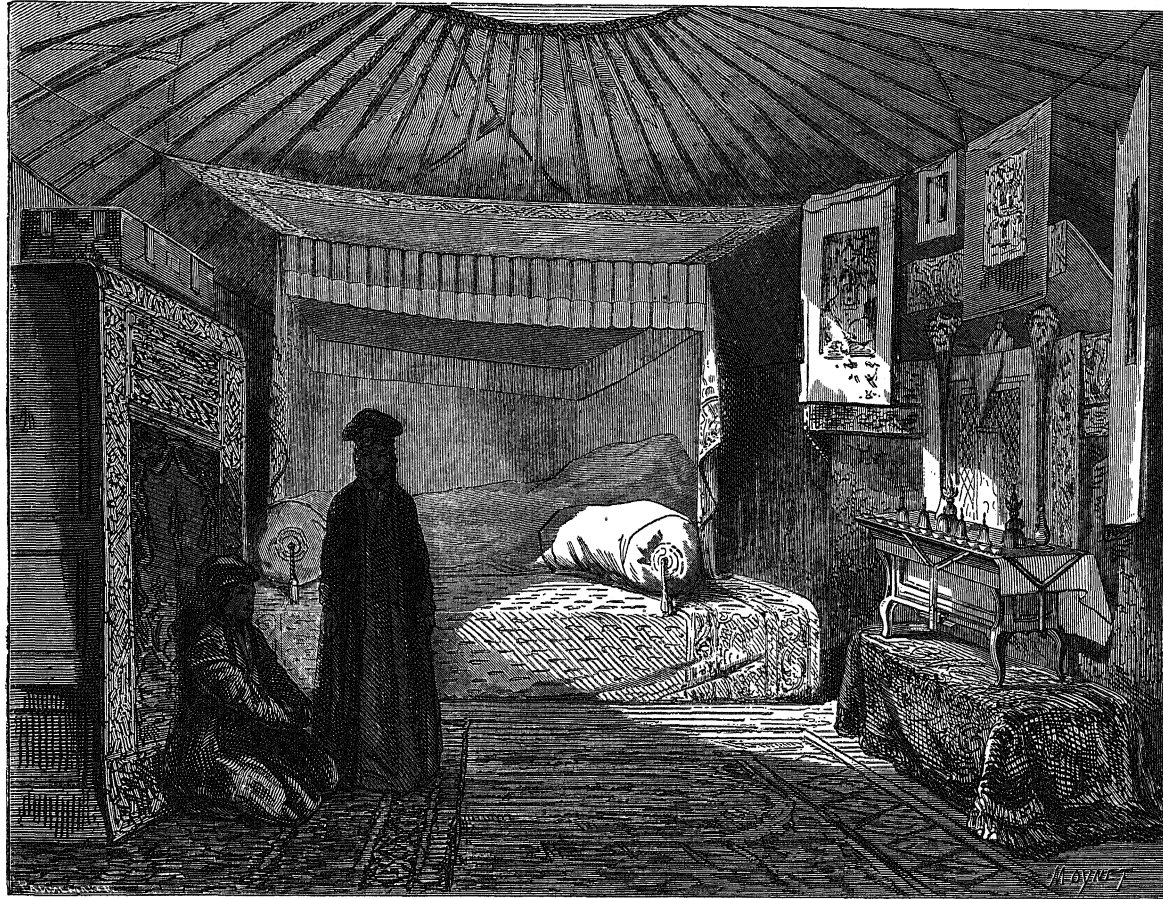
Третій праздникъ называемый *юрлосз* приходится около первыхъ чиселъ іюня; но это празднество скорѣе народное, чѣмъ религиозное, — народъ празднуетъ окончаніе зимы и благополучный переходъ на лѣтнее кочевье.

Въ концѣ сентября, или въ началѣ октября, когда калмыки уже переберутся на зимнее кочевье, совершается жертвоприношеніе въ честь солнца. Праздникъ этотъ называется *Галтсейнгинз*.

При моровыхъ язвахъ и другихъ народныхъ бѣдствіяхъ, за исключеніемъ скотскаго падежа, гелюнги также совершаютъ торжественныя богослуженія, съ цѣлью умиловить высшее существо, причемъ выносятъ изъ хурулабурхановъ и обносятъ ихъ съ торжественной процессіею вокругъ ставки.

Когда въ калмыцкой семьѣ родится ребенокъ, посылаютъ въ ближайшій хуруль пригласить гелюнга-астролога. Тотъ заглядываетъ въ свою книгу и сообразно съ ея указа- ніями, назначаетъ изображеніе какого божества должно быть вложено въ тѣльникъ, изъ какой матеріи и како-

го цвѣта долженъ быть сшитъ самый тѣльникъ и въ какой день должно надѣть его на ребенка, принося предварительно жертву бурхану.

ВНУТРЕННОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ КИВИТКИ.

Тѣльникъ остается на младенцѣ только одинъ день; затѣмъ его подвязываютъ къ люлькѣ.

Имя ребенку назначаетъ также гелюнгъ. У калмыковъ бываютъ иногда два имени: одно священное, другое скорѣе родъ прозвища, дается отцомъ. На прозвища калмыки не разборчивы; называютъ ребенка по какой нибудь мѣстности или по первому встрѣчному, какъ напр. маіоръ, купецъ и т. п. День, въ который дается имя ребенку считается очень торжественнымъ и сопровождается разными обрядами.

Мать кормитъ ребенка грудью цѣлый годъ. На придѣланномъ къ люлькѣ обручѣ всегда висятъ раковинки и другія бездѣлушки ради забавы ребенка и съ цѣлью изощрять его зрѣніе; отъ этого обычая происходитъ то, что всѣ почти калмыки при хорошемъ зрѣніи немного косоваты. Устройствомъ люльки обуславливается также другой физическій недостатокъ, свойственный всѣмъ калмыкамъ: всѣ они кривоноги, т. е. ноги ихъ выгнуты наружу. Это происходитъ оттого, что въ калмыцкой люлькѣ дѣлается для чистоты родъ деревяннаго желоба, прикрываемаго мягкимъ конскимъ волосомъ и ребенокъ лежитъ въ ней почти со скрещенными ногами. По прошествіи года, его вынимаютъ изъ люльки. Когда ребенку минетъ лѣтъ пять, ему начинаютъ подстригать волосы, оставляя неприкосновенными тѣ, которые растутъ на вискахъ.

Простые калмыки даже богатые, не учатъ дѣвочекъ грамотѣ. Только дочери нойоновъ учатся по калмыцки и по русски. Прежде простые калмыки не учили грамотѣ и сыновей, кромѣ тѣхъ, которыхъ назначали въ гелюнги. Они говорили даже, что какъ только появился на свѣтъ черный чертежъ, то у всѣхъ людей души почернѣли. А нынѣ понятія измѣнились, и восьмилѣтняго калмыченка отецъ отдаетъ на выучку къ гелюнгу. Мальчикъ живетъ на полномъ содержаніи у гелюнга, который учитъ его калмыцкой грамотѣ, оспрививанію очень распространенному между гелюнгами и иногда упо-

требляетъ для нѣкоторыхъ услугъ, какъ напр. поручаетъ ему поймать коня, пасти барановъ, и т. п. Ученье продолжается года два или три и обходится не дорого. Отецъ дѣлаетъ кой-какіе подарки гелюнгу, и, если достатокъ позволяетъ, платитъ рубля два или три, только тогда когда отдаетъ мальчика гелюнгу и когда беретъ отъ него. Съ десяти лѣтъ калмыченку начинаютъ подбривать волосы кругомъ головы и выбриваютъ часть лба. Онъ помогаетъ отцу въ работѣ, подчищаетъ вмѣстѣ съ нимъ колодцы, пасетъ барановъ, сгребаетъ лѣтомъ сѣно и приучается переносить холодъ, зной и всякія лишенія. Дѣвочка помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ и въ свободное время учится шить, плести тесемки, позументы и вышивать шелками и золотомъ. Когда дѣвочкѣ исполнится тринадцать или четырнадцать лѣтъ, а мальчику пятнадцать, надъ ними совершаютъ обрядъ отсѣченія висковъ. Для этого приглашаютъ гелюнговъ и послѣ короткой молитвы передъ бурханами, вводятъ сына или дочь въ кибитку старшихъ родственниковъ съ материной стороны и тамъ обрѣзываютъ мальчику или дѣвочкѣ первородные волосы на вискахъ, къ которымъ еще никогда не прикасались ножницы. Послѣ этого обряда дѣвочка считается уже дѣвицею невѣстою, а мальчикъ юношею. Она начинаетъ прихорашиваться, рядится въ бешметъ, надѣваетъ на бекрень высокую шапку и подумываетъ о женихахъ; а молодой чѣловѣкъ съ восторгомъ бросаетъ хворостину, которою погонялъ барановъ, и вооружившись вмѣсто нея нагайкой или винтовкою достигаетъ наконецъ своей давно желанной цѣли становится лихимъ табунщикомъ. Съ этого же времени родители начинаютъ заботиться и о женитбѣ сына. Если молодому калмыку нравится какая нибудь дѣвушка, онъ никогда не смѣетъ сказать объ этомъ отцу, а говоритъ тихонько матери, которая уже настраиваетъ отца сватать за сына именно эту дѣвушку. Разузнавъ о характерѣ невѣсты и получивъ согласіе ея родителей, устраиваетъ отецъ жениха стоворъ, сопровождаемый разными обрядами и церемоніями.

Послѣ сговора далеко еще до свадьбы. Иногда она бываетъ чрезъ годъ, иногда же черезъ два и даже болѣе, пока дѣвушка исполнится, по крайней мѣрѣ шестнадцать лѣтъ и родители ея соберутся со средствами приготовить все, что нужно для дочери. Въ продолженіи этого времени, невѣсту навѣщаютъ изрѣдка или женихъ или его родители. Передъ свадьбою гелюнгъ опять совѣщается со своею астрологическою книгою и назначаетъ счастливый день для брачнаго обряда. Отецъ жениха извѣщаетъ объ этомъ родителей невѣсты и вскорѣ послѣ того, забравъ различныхъ запасовъ и подарковъ, отправляется всею семьей къ будущимъ родственникамъ. Тотчасъ же по приѣздѣ начинается пирушка и продолжается цѣлыя сутки. На слѣдующій день, родители жениха сговариваются о томъ какой цѣнности подарки должны они поднести почетнымъ лицамъ, владѣльцу, зайсангамъ, ближайшимъ родственникамъ невѣсты, особенно уважаемымъ знакомымъ и т. п. Иногда при этомъ даже торгуются.

Порѣшивъ и этотъ вопросъ, женихова семья отправляется домой, и глава ея опять ѣдетъ на ярмарку или въ городъ, гдѣ закупаетъ все, что нужно для полного устройства калмыцкаго дома.

Невѣстины родители обязаны только устроить кухню, постель и снабдить дочь различною одеждою. Затѣмъ отецъ жениха ѣдетъ въ хурулъ и приглашаетъ къ себѣ въ хотонъ гелюнга-астролога, который ставитъ въ кибиткѣ будущихъ молодыхъ изображение бурхана, опрыскиваетъ ее масломъ смѣшаннымъ съ молокомъ и поетъ священные гимны.

Въ этотъ разъ, онъ назначаетъ даже время дня, въ которое долженъ быть совершенъ брачный обрядъ.

Совершеніе брака происходятъ съ разными церемоніями и сопровождаются пирушками.

Религія предписываетъ калмыкамъ единоженство, а гелюнгамъ даже вовсе запрещаетъ жениться.

У степныхъ калмыковъ, крѣпко привязанныхъ ко всѣмъ старин-

нымъ обычаямъ, строго соблюдающихъ всѣ религіозныя постановленія, никогда не бываетъ больше одной жены. Но тѣ, которые кочуютъ ближе къ Волгѣ, часто имѣютъ по двѣ и даже по нѣскольку женъ. Невѣсть своихъ они похищаютъ. Впрочемъ, похищеніе это дѣлается не только съ согласія дѣвушки, но часто и ея родителей.

Причина этого обычая — желаніе сократить расходы на излишнія пиршества.

У калмыковъ существуетъ разводъ; но надо имѣть важныя причины къ нему. Если развода требуетъ жена, то должна представить свое требованіе на судъ родныхъ, и оно можетъ быть уважено только въ такомъ случаѣ, если у супруговъ нѣтъ дѣтей. Мужъ не обязанъ подчинять свое требованіе о разводѣ суду родственникововъ. Онъ имѣетъ право требовать расторженія брака даже въ такомъ случаѣ, если жена его плохая хозяйка. Гелюнги употребляютъ всѣ средства, чтобы примирить супруговъ, но отказать въ разводѣ не могутъ.

Обрядъ развода сопровождается жертвоприношеніемъ, послѣ котораго слѣдуетъ небольшое угощеніе. Разведенную жену провожаютъ приличнымъ образомъ въ хотонъ ея родителей и возвращаютъ ей все ея приданое.

Если она пожелаетъ, то имѣетъ полное право вступить во второй бракъ. Дѣтей же оставляютъ отцу или отдаютъ матери, смотря по уговору.

Любимѣйшія потѣхи калмыковъ: борьба, конскія скачки и ловля неукомъ (дикихъ лошадей).

Борьба въ обычай и у другихъ сосѣднихъ съ ними племенъ, какъ напр. у киргизовъ, татаръ, башкировъ и пр., но ни у одного народа не отличается она такою торжественностью и порядкомъ какъ у калмыковъ.

Какъ всѣ полудикія племена, они высоко цѣнятъ личную силу и слава перваго борца имѣетъ въ глазахъ ихъ громадное значеніе.

Имя побѣдителя пріобрѣтаетъ извѣстность не только между одноплеменниками въ самыхъ отдаленныхъ улусахъ, но и между окрестными народами: татарами, киргизами и пр.

О времени борьбы дается заранѣе знать народу и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо враждебныя партіи: партію владѣльца и партію гелюнговъ.

Каждая сторона тайкомъ отъ другой представляетъ владѣльцу списокъ своихъ борцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, обязанныхъ защищать права выбравшей ихъ партіи. Владѣлецъ съ своей стороны назначаетъ призы въ награду побѣдителямъ. Партія гелюнговъ выбираетъ по своему усмотрѣнію на все время борьбы главу, долженствующаго распорядиться всѣмъ, относящимся до игры.

Въ обоихъ враждебныхъ станахъ борьба предшествуетъ генеральная проба.

Къ назначенному сроку изъ всѣхъ вочевьевъ улуса несутся по степи къ опредѣленнымъ пунктамъ участвовавшіе уже въ бояхъ богатыри и новички, страстно желающіе отличиться своею ловкостію и молодечествомъ. Въ мѣстахъ назначенныхъ для пробы все приходитъ въ оживленіе. Борцы готовятся къ бою различными упражненіями: выдаются со всѣхъ ногъ о землю, вытягиваютъ руки и ноги, размахиваютъ ими, валяются по песку, чтобы пріучить тѣло къ ушибамъ и царапинамъ, спятъ на голой землѣ, подложивъ подъ себя жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи, и борются другъ съ другомъ. Тотъ удалецъ, который побѣдитъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый номеръ, дающій ему право начать борьбу. Генеральная проба производится у каждой партіи украдкою отъ другой и противная партія подсылаетъ шпионовъ, мужчинъ и женщинъ, старающихся подсмотреть все, что дѣлается у противниковъ и вызнать имена первыхъ борцовъ. Въ самый день борьбы, каждая партія отправляется по одиночѣ, подъ предводительствомъ

избранныхъ старшинъ, въ хуруль. Процессія эта очень торжественна: борцы идутъ по парно и, подойдя къ хурулу длинною линіею, выстраиваются въ одну шеренгу; затѣмъ, снявъ шапки, становятся на колѣни и кладутъ земные поклоны съ пламенною молитвою бурханамъ о покровительствѣ.

Мѣстомъ арены бываетъ обыкновенно очищенная отъ травы площадка; около нея стоятъ кибитки, въ которыхъ помѣщаются на одной сторонѣ владѣлецъ и его сторонники, а на противоположной—представители противной партіи: старшіе гелюнги со своими почетными гостями. По остальнымъ сторонамъ площадки толпятся жители, также раздѣлившіеся на двѣ партіи, и, съ замираніемъ сердца, ожидаютъ начала боя. Владѣлецъ подаетъ сигналъ: въ одно мгновеніе ока въ шумной толпѣ водворяется мертвая тишина, и на аренѣ появляются два бойца, закутанные съ ногъ до головы въ бѣлыя простыни. Сопровождающіе ихъ секунданты сдергиваютъ съ нихъ простыни—и со всѣхъ сторонъ раздаются восторженные крики. Борцы сражаются полунугіе; весь ихъ костюмъ состоитъ изъ широкихъ бѣлыхъ шальваръ, далеко не достигающихъ до колѣнъ. Они низко кланяются владѣльцу, касаясь руками земли, затѣмъ умываютъ руки пескомъ и начинаютъ медленно шагать по аренѣ, сильно размахивая руками. Вотъ они останавливаются другъ противъ друга, и каждый старается схватить противника рукою, но тотъ ускользаетъ, какъ угорь. Наконецъ, одному изъ нихъ удается вцѣпиться въ врага—и начинается отчаянная борьба. Борцы безпрестанно мѣняютъ позы, переплетаются руками и ногами, стискиваютъ другъ друга въ желѣзныхъ объятіяхъ, силятся сшибить ударами ноги одинъ другого, приподнимаются на носки и прибѣгаютъ къ различнымъ дозволеннымъ хитростямъ.

Вотъ одинъ изъ бойцовъ, схвативъ противника за обѣ руки, приподнимаетъ надъ собою и повергаетъ на землю. Но тотъ упалъ не спиною, а грудью. По уставамъ борьбы это не означаетъ еще, что

онъ побѣжденъ. Противникъ наступаетъ на него правою ногою и употребляетъ всё силы, чтобы перевернуть его на спину. Но поверженный отчаянно защищается и вдругъ, увернувшись изъ подъ противника, вскакиваетъ на ноги и снова бросается на него. Крики «ура» безпрестанно раздаются въ толпѣ, то въ той, то въ другой сторонѣ, смотря по тому, чья сторона осиливаетъ. Женщины и дѣвушки съ жаромъ слѣдятъ за всѣми измѣненіями борьбы и поощряютъ ловкость и находчивость громкими одобреніями. Иногда борьба продолжается очень долго, иногда же, напротивъ, оканчивается очень скоро; во все продолженіе ея, секунданты зорко слѣдятъ за борцами, наблюдая, чтобы ни одинъ изъ нихъ не прибѣгнулъ къ какому-нибудь недозволенному уставомъ маневру, что считается большимъ позоромъ и сопровождается денежною пеней. Случается, что борцы падаютъ въ обморокъ. Секунданты тотчасъ же прекращаютъ бой, обливаютъ страждущаго водою и даютъ ему время отдохнуть, чтобы онъ могъ собраться съ новыми силами.

Побѣда, кромѣ славы, доставляетъ побѣдителю и существенныя выгоды. Онъ получаетъ не только назначенный призъ, но владѣлецъ дѣлаетъ ему хорошій подарокъ, какъ напр.: косякъ лошадей, полную экипировку или даетъ порядочную сумму денегъ. Жители также дарятъ ему: кто халатъ, кто лошадь, кто деньги, смотря по средствамъ, и устраиваютъ въ честь его пирь.

Калмыцкія скачки не отличаются ничѣмъ отъ обыкновенныхъ киргизскихъ скачекъ. Калмыки, такъ же какъ и киргизы, готовятъ лошадей къ скачкѣ, меньше кормятъ ихъ, такъ что онѣ становятся тощими и сухопарыми. Для скачки назначаютъ дистанцію отъ двадцати до пятидесяти, и иногда даже до семидесяти верстъ.

Наѣздники съ утра, а иногда наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, ѣдутъ шагомъ къ назначенному урочищу и оттуда несутся всё разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжѣ пункта, гдѣ ихъ уже дожидаетъ толпа зрителей. Владѣлецъ посылаетъ къ этому пункту до-

вѣреннаго человѣка, который, въ условленную минуту, разставивъ наѣздниковъ въ линію и подаетъ сигналъ къ началу скачки. Между тѣмъ, на всемъ пространствѣ дистанціи, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены дозорныя пикеты, извѣщающіе владѣтеля о происходящемъ телеграфическими маневрами. Маневры эти, или такъ называемое *манченъе*, состоятъ въ поворотахъ, круженіяхъ направо и налѣво и другихъ условныхъ движеніяхъ. Въ степи, при извѣстномъ освѣщеніи, очень легко можно различать предметы на далекомъ разстояніи, и каждый дозорный повторяетъ маневры своего товарища; слѣдующій за нимъ передаетъ ихъ другому; тотъ, въ свою очередь, третьему и т. д. Такимъ образомъ, извѣстіе доходитъ до владѣльца въ очень короткое время. Побѣдителямъ на скачкахъ дарятъ деньги, одежду или лошадей. Тѣхъ же, которые менѣе отличились, надѣляютъ какими-нибудь дешевыми полезными вещами. Удаливость и ловкость калмыковъ въ наѣздничествѣ выказываются особенно въ полномъ блескѣ при ловлѣ дикихъ лошадей (пеуковъ).

Каждый койонъ, приглашая гостей, считаетъ почти обязанностью доставить имъ это развлеченіе: наѣздники пригоняютъ цѣлый табунъ совершенно дикихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ, по указанію гостя, ловитъ любую лошадь. Заломивъ на бекрень шажку и подтянувшись, выѣзжаетъ калмыкъ въ табунъ, держа въ лѣвой рукѣ урюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлею. Въ табунѣ обыкновенно гораздо болѣе матокъ, чѣмъ жеребцовъ, и при нихъ молоденькія лошади. Матки, оберегая дѣтей, даютъ всаднику дорогу, и онъ пускается въ погоню за указаннымъ конемъ. Тотъ пытается увернуться, мечется то въ одну сторону, то въ другую, и прибѣгаетъ къ хитрости, стараясь скрыться между другими лошадьми. Но наѣздникъ, принявъ къ сѣдельной луцѣ, мчится во весь опоръ по его слѣдамъ, не теряя его изъ вида. Вотъ онъ уже настигаетъ коня; еще нѣсколько сажень — и онъ накинется на него

арканъ; но не тутъ-то было! Конь взмахнулъ хвостомъ, тряхнулъ ошестившеюся гривой и пропалъ изъ вида. Наконецъ наѣзднику удастся накинута арканъ на бѣшеннаго скануна, и тотъ въ изумленіи останавливается на мѣстѣ, какъ вкопанный. Затѣмъ начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы вырвать арканъ изъ рукъ, взвизываетъ на дыбы, крутитъ головою, визжитъ, припадаетъ къ землѣ, бьетъ копытами, изгибается задомъ и передомъ и дѣлаетъ бѣшенныя скачки. Но калмыцкій наѣздникъ не выпуститъ изъ руки аркана и всегда одержитъ верхъ въ этой отчаянной борьбѣ. Дикому коню спутываютъ на нѣсколько мгновеній ноги ремнемъ, пропускаютъ сквозь зубы конецъ веревки и, опутавъ ею около брюха, закрѣпляютъ концы на спинѣ. Конь приходитъ въ бѣшенство, мечется по степи, куда глаза глядятъ, выдвигается изъ стороны въ сторону, брыкается, бьетъ передними и задними ногами, стараясь сбросить съ себя сѣдока, но, наконецъ, выбивается изъ силъ, покоряется своей участи и начинаетъ слушаться поводыря. Несмотря на это невольное подчиненіе, окончательное укрощеніе дикаго коня довольно опасное дѣло, требующее много отваги и ловкости. Конь, почувявъ на себѣ сѣдло, какъ будто упорчивающее силу и власть человѣка надъ нимъ, дѣлаетъ отчаянныя попытки, чтобы возвратитъ себѣ свободу. Онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло; наѣздникъ долженъ сохранить все присутствіе духа, чтобы удержатся на бѣшеномъ животномъ.

Кромѣ борьбы, конскихъ скачекъ и укрощенія дикихъ лошадей у калмыковъ употребительны еще другія забавы, болѣе спокойнаго характера. У нихъ есть игры, присвоенныя только извѣстнымъ временамъ года, и такия, въ которыя играютъ круглый годъ.

Пляска калмыковъ лучше киргизской и башкирской; по крайней мѣрѣ въ ней есть какой-нибудь смыслъ. Пляшутъ или по-очередно, сперва мужчины, потомъ женщины, или всѣ вмѣстѣ.

Калмыкъ предъ кончиною посылаетъ за гелюгомъ, молится бур-

ханамъ, приносить имъ жертвы, и если у него есть семейство, благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями бурхановъ, или маленькими литыми бурханами, которыхъ носятъ на груди. Какъ скоро больной скончается, всѣ переходятъ изъ этой кибитки въ другую, и при умершемъ остаются только гелюнги, Они моютъ тѣло и, обернувъ полотномъ, кладутъ на постель или на коверъ у постели, покрывъ бѣлымъ покрываломъ. Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. Только на третій день входятъ въ кибитку въ первый разъ родственники покойнаго и прощаются съ нимъ, наклоняясь надъ ногами его такъ, что касаются ихъ лбомъ. Способъ погребенія бываетъ различный. Тѣла почетныхъ лицъ: нойоновъ, старшихъ гелюговъ и задючей сожигаютъ; простыхъ же зарываютъ въ землю. Сожженіе происходитъ на четвертый день.

Время дня, въ которое долженъ быть сожженъ трупъ, назначаетъ гелюнгъ-астрологъ. Покойника одѣваютъ въ полную его одежду, но безъ оружія, зашвырываютъ на коверъ или на широкій холстъ, причемъ подгибаютъ ему ноги такъ, какъ будто онъ сидитъ съ поджатыми ногами. Предъ выносомъ тѣла подводятъ къ кибиткѣ его любимаго коня совсѣмъ осѣдланнаго, но безъ подушки и безъ чепрака. Конюхъ держитъ лѣвою рукою подъ уздцы коня, а въ правой нагайку покойнаго. Тѣло выносятъ четыре человѣка на рукахъ на холстъ или на коврѣ. Родственники, друзья и гелюнги провожаютъ умершаго. За тѣломъ ведутъ коня.

Не доходя до мѣста, гдѣ должно совершиться сожженіе, конюхъ останавливается и, дождавшись окончанія церемоніи, отводитъ коня въ хуруль, какъ жертву бурхану.

Прибывъ къ назначенному мѣсту, выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре около нея, и накладываютъ въ нихъ дровъ. Въ среднюю яму ставятъ большой котелъ и сажаютъ въ него трупъ. Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, и костры зажигаютъ. Котелъ раскаляется до-красна, и надъ кострами поднимаются клубы чернаго

дыма. Когда они разсыются и послѣднія головни погаснутъ и истлѣютъ, въ котлѣ не остается уже больше ничего, кромѣ горсти пепла. Пепель такъ и оставляютъ въ котлѣ и надъ нимъ сооружаютъ памятнѣе. Калмыцкіе памятники строятъ такъ: съ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столѣе съ бурханами и жертвенными куреньями, обводятъ все это круглою кирпичною стѣною. Потолокъ образуетъ внутри сводъ, укрѣпленный снаружи разными украшеніями въ витайскомъ стилѣ. Дверь дѣлаютъ съ восточной стороны и запираютъ на замокъ. Когда памятнѣе готовъ, въ немъ совершаютъ моленія и приносятъ жертвы. Обрядъ плача продолжается трое сутокъ, время же траура—семь недѣль.

Въ теченіи этихъ семи недѣль, близкіе родственники покойнаго не ѣдятъ мяса, безпрестанно молятся Богу, не показываются никому изъ постороннихъ и остерегаются даже, чтобы не убить какъ нибудь

мухи или комара, такъ какъ этотъ грѣхъ можетъ пасть на душу покойника. Каждую недѣлю совершаютъ поминки по немъ. Въ пятидесятый день совершаютъ седьмое и послѣднее моленіе по усопшемъ, и трауръ оканчивается.

Разъ въ году, въ день памяти покойнаго, справляютъ тризну по немъ, которая начинается моленіями и заканчивается пиршествомъ и свачками.

Женщинъ, хотя бы и почетныхъ зайсанговъ, младшихъ гелюгговъ и простыхъ калмыковъ хоронятъ въ землю, обвертывая тѣло полотномъ; но все, что касается до чествованія праха, у бѣдныхъ людей соблюдается точно такъ же, какъ и у богатыхъ.

У калмыковъ, оставшихъ отъ старинныхъ обычаевъ, случается иногда, что тѣло вовсе не хоронятъ, а просто бросаютъ въ степи безъ молитвы.